

Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов,
Марина и Сергей Дяченко

Рубеж

Марина и Сергей Дяченко

Рубеж

«Автор»

«Автор»

«Автор»

1999

Дяченко М.

Рубеж / М. Дяченко — «Автор», «Автор», «Автор», 1999

...И вот они встретились: заклятый герой-двоедушец и чернокнижник Мацапура-Коложанский, отважная панна сотникова и мститель-убийца Иегуда бен-Иосиф, Блудный Ангел и волшебница Сале Кеваль – а вдобавок еще и новорожденный «чертов сын», будущий то ли Спаситель, то ли Антихрист. Они встретились на своем последнем рубеже, и содрогнулись величественные Малахи, чья плоть – свет, а душа... а души у них нет. И вот они встретились: «философский боевик» Г.Л.Одди, тонкая лирика М. и С. Дяченко, криптоистория А. Валентинова – звездный состав авторов. Малороссия гоголевских времен, древне иудейское мистическое учение Каббала, экзотика фэнтезийных земель и реальность горящих хат под Полтавою; и человек, обыкновенный человек, который стремится найти свою судьбу и свое достоинство, желая выйти за границы дозволенного, – это все «Рубеж».

© Дяченко М., 1999

© Автор, 1999

© Автор, 1999

© Автор, 1999

Содержание

Пролог на небесах	5
I	6
II	7
III	8
IV	9
V	10
VI	11
VII	12
VIII	13
IX	14
X	15
XI	16
XII	17
XIII	18
Книга первая	19
Часть первая	19
Пролог на земле	19
Рио, странствующий герой	20
Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи	35
Рио, странствующий герой	42
Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи	50
Рио, странствующий герой	52
Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи	55
Рио, странствующий герой	61
Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи	70
Часть вторая	77
Пролог на земле	77
Ярина Загаржецка, сотникова дочка	77
Юдка душегубец	95
Ярина Загаржецка, сотникова дочка	101
Юдка душегубец	107
Ярина Загаржецка, сотникова дочка	111
Юдка душегубец	119
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Андрей Валентинов, Генри Лайон Олди, Марина и Сергей Дяченко Рубеж

Мне хорошо, я – сирота!
Шолом-Алейхем

*Книга написана на собственныя фантазии авторовъ.
Не содержитъ богохульствій.
Одобрена цензурой.*

*На том, последнем рубеже,
Где мы еще, а не – уже...*
Ниру Бобовай

Пролог на небесах

Небеса проповедуют славу Б-жию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание.

I

В начале сотворил Святой, благословен Он, небо и землю.

II

И был день, когда пришли сыны Б-жии предстать пред Г-да: Микаэль, князь Десницы – вода и град, Габриэль, князь Шуйцы – огонь; и Рахаб, и Самаэль, и Аза, и Азель, и прочие многие; между ними пришел и Противоречащий.

И вот, сказал Святой, благословен Он, ангелам: «Я установлю на земле наместника». Сказали Ему: «Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?» Сказал им: «Поистине, Я знаю о человеке то, чего вы не знаете! Человек, которого я собираюсь сотворить, более мудр, чем вы. Восстанут из него праведники». И показал Святой, благословен Он, путь праведников ангелам. Но не открыл им того, что восстанут из человека нечестивцы. Ведь если бы открыл им то, что восстанут из него нечестивцы, не позволили бы ангелы сотворить человека.

И создал Святой, благословен Он, человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

III

Святой, благословен Он, образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

И провел перед ангелами всех животных, зверей и птиц, и сказал: «Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы».

Сказали Ему: «Хвала Тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил».

Провел же перед человеком. Сказал: «О человек, сообщи имена их!»

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным, и всем зверям полевым; и для человека не нашлось помощника, подобного ему.

IV

Потом сказал Святой, благословен Он, ангелам: «Поклонитесь человеку!» – и поклонились они, кроме Противоречащего; он не был из поклонившихся.

Сказал ему: «Что удержало тебя от того, чтобы поклониться, раз Я приказал тебе?» Ответил: «Я лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины».

Сказал ему: «Низвергнись отсюда; не годится тебе превозноситься там! Выходи же: ты – среди оказавшихся ничтожными!»

V

Когда Г-дь сотворил человека в саду Эден, Он дал ему семь заповедей. Согрешил тот и был изгнан из сада Эден. И два ангела, имена которых Аза и Азель, сказали Святому, благословен Он: «Если бы мы были на земле, то не согрешили бы». Сказал им: «А разве вы справитесь с дурным побуждением?» Сказали Ему: «Справимся». Тогда сбросил их Б-г на землю. Когда сошли они на землю, вошло в них недоброе побуждение.

VI

Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Б-гии, именуемые Аза и Азель, увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.

В тот час, когда спускались они вниз, одевались они в одежды этого мира, ибо иначе не могли существовать они в этом мире, и мир не вынес бы их присутствия.

В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Б-гии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

VII

Взирая на них из сияния Эйн-Соф, говорили при этом иные ангелы: «Вот, потомки Азы и Азеля силой правят сыновьями человеческими. Разве таков был замысел Г-да?!» И в гордыне своей сочли они, что постигли Его замысел, решив исправить ошибку. Оставшись светом, пали ангелы в мир телесный и разделили его на части Рубежами, дабы по мере сил оградить свободных сынов человеческих от владычества исполинов. А самих Азу с Азелем в их плотских одеяниях приковали ангелы железной цепью (ибо считали, что вправе вершить суд именем Его) к скале Каф, дабы более не плодили они потомства; и по сей день стоят там мятежные ангелы, прикованные, и сведущие люди, взыскуя тайных знаний, приходят к ним учиться запретному.

VIII

Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основания гор, ибо разгневался Святой, благословен Он; поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядоющий. Наклонил Он небеса и сошел – и мрак под ногами Его.

IX

Б-г стал в сонме ангелов; среди ангелов произнес суд: «Я сказал: вы ангелы и сыны Вышнего – все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей!»

Х

И вывел Святой, благословен Он, десять устройств и назвал их десять Сфирот, чтобы руководить при помощи их мирами сокрытыми, которые не открываются, и чтобы ведать, как управляются вышние и нижние. И укрылся от ангелов и от сынов человеческих, повелев Самаялю стеречь Рубежи, дабы не прошел чрез них никто без Его ведома.

XI

И воззвали высшие – обитатели рая к низшим – обитателям огня: «Мы нашли то, что обещал нам наш Г-дь, истиной, нашли ли вы истиной то, что обещал вам Г-дь?» И возгласил глашатай среди них: «Проклятие Г-да на неправедных, которые отвращают от пути Г-да и стремятся обратить его в кривизну!»

XII

И между ними – завеса. А на преграде – люди.

ХІІІ

И в час, когда Моше записывал Тору, записывал он дела каждого дня творения. Дойдя до высказывания: «Сказал Святой, благословен Он: «Сделаем человека в образе Нашем, по подобию Нашему» – произнес Моше: «Владыка Мира! Удивляюсь я, зачем Ты даешь повод для измышлений еретиков?» Сказал ему: «Записывай. А тот, кто хочет ошибиться, пусть ошибается...»

И сказано обо всем этом словами этими в Книгах Священного Писания: Берейшит, иначе Бытие, Теглим, иначе Псалтырь, в Книге Иова, в книге Коран, в толкованиях мудрецов Мишны и в великой книге Зогар, что значит «Сияние», а для сведущих – «Опасное Сияние». И понимающие их воссияют, как сияние небосвода, а приводящие к праведности многих – как звезды в вечности века...

Книга первая Зимою сироты в цене

Часть первая Герой и чумак

Пролог на земле

Магнолии горели неохотно.

Дом, в полотнищах черного дыма, не желал сдаваться. Все эти старинные гобелены, посуда из серебра и фарфора, все эти ткани и резное дерево, дубовые балки и расписная известь потолков – все это сопротивлялось огню, как умело, и розовый мрамор садовых статуй давно уже сделался черным от копоти.

Сотни витых свечей – белых на будни и ароматических праздничных – горели одновременно, и в гостиной, и в столовой, и в спальнях, и в кладовой, горели как ни в чем не бывало, как будто не рушились потолки и не падали люстры, как будто не погибали в огне кипарисы, как будто кому-то хотелось света, много света – и сразу...

На коробку с коллекцией шлифованных линз наступили сапогом.

Собаку убили. Кошки разбежались. Улетела ручная сова, а белые мыши так и остались в доме.

Горит трава. В огне корчится неведомый и невидимый мир, тысячами умирают жуки и личинки, рушатся подземные дворцы.

Розовый мрамор. Жирная копоть. На крыльце – беспорядочно сваленные книги, ветер листает их, ветер торопливо просматривает, прежде чем передать огню.

Поперек усыпанной гравием дорожки лежит грузное тело тети. А там – дальше – бабушка, а няню куда-то волокут, выкручивая тонкие, в медных браслетах, руки...

И за сотни верст вокруг нет ни одного мужчины.

Ни одного; только потные гиены в стальных рубахах, несколько женщин, уже мертвых или все еще обреченных, горящие магнолии – и он, задумавший обороняться шелковым сачком для ловли бабочек.

Он не боится ни боли, ни позора. За двенадцать прожитых лет он так и не узнал ни того, ни другого. Всей его боли было – пчелиное жало в ладони, всего позора – мокрая простыня в раннем детстве.

Но тетя лежит поперек дорожки, и бабушка не замечает искр, падающих на обнаженное предплечье, и няня уже не кричит. И догорают магнолии – неохотно, но догорают...

О нем вспомнили. Сразу несколько рыл обернулось в его сторону, в редких бородах блеснули белые зубы. Кто-то, временно оставив награбленное, двинулся к нему – как бы небрежно, как бы привычно, как бы мимоходом, потому что всего и дела-то, что сгрести за шиворот обомлевшего от страха мальчишку, щенка, не сумевшего спасти даже свою белую мышку.

А тетя лежит поперек дорожки и уже ничего не видит. И бабушке все равно. А няня...

Белый платан за его спиной устал бороться и вспыхнул снизу доверху, будто облитый маслом. Вместе с дуплом, вместе с гнездом болотницы, вместе с муравейником.

Он знал, что не может отменить случившееся – и знал, что оставить все как есть тоже не сумеет. Зачем он здесь, кто он такой, если не сумел защитить свой дом, свою бабушку, няню, тетю?

Он отступил на шаг. Еще на шаг. Шелковый сачок в руках дрожал. Гиены ухмылялись, но он боялся не их.

Он ненавидел себя. Он стыдился себя, слабого; он *пожелал*, сам до конца не осознавая своего желания. Из всех сил пожелал...

И шагнул в костер.

Обнял пылающий платан, и оттуда, из оранжевого ада, обернулся.

Лица гиен менялись и плыли, полустертые горячим воздухом, но ему было все равно, потому что как раз в этот момент на голове его сухо вспыхнули волосы.

В доме обвалилась крыша – со взрывом, с облаком искр, взметнувшимся под низкие облака.

«Не в добрый час твое желание услышано, мальчик. Не в добрый час».

Рио, странствующий герой

Если совсем уж честно, мы немножечко забыли, что прямая дорога – не всегда самая короткая. И потому поперлись через Пустошь – хотя могли бы, в общем-то, и объехать.

И нам еще повезло, потому что по пути через лес случились всего две засады. Да и то – первая оказалась совсем глупой и неопасной.

Нападали лесные карликовые крунги – а они отвратительно стреляют из луков и на редкость бестолковы в ближнем бою. Огромное число нападающих уравнивается их врожденной трусостью; остается лишь удивляться, почему в каждом поселении карликовых крунгов торчат на почетном месте колья со свежееотрубленными головами путников – десятков, а то и два.

Крунги навалились внезапно и со всех сторон. Пущенные ими стрелы обильно вонзались в древесные стволы – это было эффектно, но не эффективно. Как при такой меткости они не перестреляли друг друга – ума не приложу...

– От меча! – рявкнул я, обнажая свое оружие, и Хостик с к'Рамолем послушно соскользнули с седел, залегли, давая мне возможность проявить себя.

Рутин.

Я молотил по летящим стрелам, и, перерубленные пополам, они усеивали дорогу трогательными черными перышками. Поток стрел скоро иссяк, зато в подлеске со всех сторон замелькали маленькие, мне по грудь, тощие согбенные тени. Лесные крунги традиционно наводят страх на купцов и путешественников – глаза у них горят, как зеленые свечи... Жуткие исчадия, если порассуждать, но на рассуждения у меня не было времени.

«Жизнь наемного героя сделала его бесстрастным, как черствый хлеб, и решительным, как занесенный топор...» Тьфу ты, пошлость.

Вместо благородных мечей – какое уж у крунгов благородство! – в руках у нападавших вертелись шипастые шары на веревках. Железных ежей в лесу видимо-невидимо, а выпотрошив такого ежа и натянув его шкуру на камень, небрежливый крунг получает страшное оружие с иголками в палец длиной. Говорят, со всего размаха иглы железного ежа протыкают любую кольчугу.

Не больно-то охота проверять.

Сперва сразу четыре шипастых ежа воткнулись иглами в дорогу, туда, где распрямлялись примятые мною травинки. Потом пятый еж вяло мазнул по кольчужному боку – что неприятно, – зато две иглы на железном шарике с хрустом обломились. Потом засвистел меч, истошно вякнул крунг – и сразу стало тихо, только пофыркивали испуганные лошади да негромко ругался к'Рамоль.

Я перевел дух.

На поле боя остались два или три шипастых шара и бездыханное тело неудачливого агрессора. Вот она, главная опасность в любой переделке. Нормальный человек от такого удара не помер бы – а кто ее знает, физиологию карликовых крунгов?!

Ага, вот почему у них так сверкают глаза. На внешней стороне век наклеено по пластинке блестящей слюды...

– Ребята, за дело.

Хостик поднялся первым. Подошел, склонился над телом. Хмыкнул, обернулся к к'Рамолью; тот поморщился:

– Стоит ли? Руки пачкать... Перевязку расходовать...

Так, вечная история. Я взял лошадь под уздцы и, не оборачиваясь, двинулся вперед. В ближайшей округе наверняка не осталось ни одного крунга. А слушать разборки подельщиков нет никакой силы. Уж лучше еще пару нападений отбить...

Зря я так подумал.

Драки на дорогах и лесные засады – неизбежное зло. Когда мы на службе, я вношу их в транспортные расходы и дерусь тогда с некоторым удовлетворением, зная, что эти усилия мне все равно оплатят. А когда мы ищем заказа – вот как теперь, – приходится биться не за деньги, а всего лишь за собственную жизнь. Удовлетворения никакого, удовольствия – тем более. С третьей стороны, кто же нам мешал объехать стороной эту дурацкую Пустошь?!

«Лицо его, благородное, как стальной герб, и суровое, будто мешковина, не выражало сейчас ничего, кроме усталости и раздражения...»

Состарюсь – сяду за мемуары.

Если я, конечно, состарюсь.

В пути прошел день; вторая засада была куда паскуднее первой. На этот раз напали хронги – хитрое, злобное и злопамятное племя, обожающее обстреливать путников отравленными иголками.

Свое оружие совершеннолетний хронг постоянно носит во рту. Отравленные иглы хранятся за щекой в специальных чехольчиках, и главным искусством воина является умение с виртуозной точностью извлекать колючки из миниатюрных ножен – языком, да так ловко, чтобы не пострадать от яда, покрывающего их острия. Взрослый хронг способен выплюнуть колючку на расстояние, сравнимое с полетом арбалетной стрелы; при выстреле же в упор опять-таки не спасает никакая кольчуга. Однако хронги, как правило, никогда не подходят близко и метят в лицо и глаза.

В сумке у меня была маска, припасенная как раз на этот случай. Но надеть ее заранее я поленился, а хронги не предупредили о своих намерениях, просто плюнули залпом – и все.

О лошади, наши лошади!..

Впрочем, Хостик – гений интуиции. За мгновение до залпа он пришпорил коня, к'Рамоль, не раздумывая, рванул следом, и туча игл, предназначенная моим подельщикам, осела на дороге вместе с пылью.

Кобыла подо мной вскрикнула. На лошадей яд хронгов действует не так фатально, как на людей, но полдюжину колючек в бок она получила, и ощущение это, наверное, не из приятных!

Мы упали вместе – я и лошадь. Ногу из стремени я выдернул и под тяжелый бок постарался не попасть – но во всем остальном вел себя, как свежий труп.

Хронги – осторожный народ, однако всякая осторожность имеет границы; обстреляв мое неподвижное тело – всякий раз я внутренне вздрагивал, мне казалось, что острие уже прошло мою броню насквозь, – хронги наконец решились выбраться из-под защиты леса.

Я для них прямо-таки великан. Хронги еще мельче крунгов – мне по пояс...

Ну? Контрольный выстрел – в упор? Или попытаются отнять от моего лица кольчужные рукавицы и стрельнуть в глаз?..

Сколько времени требуется хронгу, чтобы выудить из-за щеки ядовитую колючку, набрать в грудь воздуха и плюнуть? Уж наверное, не больше, чем требуется отягощенному броней воину, чтобы внезапно вскочить.

Кто угодно на моем месте давно был бы обречен – ну да я не кто угодно. Если бы хронги знали, каков я – да разве засели бы в засаду?!

Я ухватил ближайшего врага за шишковатое колено, дернул и опрокинул на себя – в качестве щита. Маленького ненадежного щита; хронг завопил яростно и нечленораздельно – сперва я удивился его странному произношению и только потом вспомнил, что от неустанных упражнений с защечными иголками языки хронгов становятся раздвоенными, как у змей, и это сильно портит им дикцию.

Две или три ядовитые иголки мазнули по кольчуге – не прямым ударом, а соскальзывая. Вот оно как, друзья-недоростки, как сызмальства язык ни натруживай, как ни совершенствуйся в смертоносном плевании – а когда удача в бою отворачивается, демонстрируя обширный свой зад, то и с двух шагов непременно промажешь...

Мой сегодня день. По-прежнему мой, как вчера, как позавчера, как будет завтра...

Прочие выпущенные колючки угодили в живой щит – в невезучего хронга, который тут же перестал голосить. И пока товарищи погибшего подергивали челюстями, перезаряжая свое оружие, мой меч успел сделать три сверкающих оборота.

Оставшиеся на ногах хронги – их, конечно, было больше, чем поверженных, но все же гораздо меньше, чем перед боем, – нырнули в чашу. Тишина, далекая терпеливая кукушечка и целая куча неподвижных тел, причем одно – мой бедный щит – мертвое, а прочие явно собираются отправиться вслед за ним к суровым хронговским богам, а это значит, что на ровном месте по глупости и бесплатно я угодил на грань смертельной неприятности, куда более скверной, чем даже хронговская колючка...

Где мои подельщики, где эти трусливые негодяи?!

– Хоста! Рамоль! Хоста! Рам!

Если в лесу еще остались непотревоженные племена – наверняка явятся, чтобы посмотреть, кто это так кричит.

Моя лошадь с трудом поднялась. Посмотрела на меня затуманенным взором; извини, дорогая. Может быть, ты еще и оклемаешься, весу в тебе порядочно, да еще, говорят, лошади находят себе травку-противоядие.

А вот сумку, седло и прочую сбрую я сниму, уж прости. Тебе все равно без надобности...

Хронги еще дышали.

– Хостик! Рам!!

Ответом был далекий, но резво приближающийся стук копыт.

До сих пор мои подельщики всегда попевали вовремя, авось не опоздают и теперь.

– ...А на такие случаи, говорят, хорошо кота завести. Ловчего кота. Чтобы предупреждал, если что на дороге, чтобы и маску успеть надеть, и все такое...

К'Рамоль с авторитетным видом запаковал свой докторский сундучок. Приторочил к седлу; я бесцеремонно взял его лошадь под уздцы. Пусть едут вдвоем с Хостиком – мне нужна персональная лошадь, я сам по себе достаточно тяжел, а еще доспехи...

– Ну как, Рио, купим себе кота?

Я хмыкнул. Я тоже однажды купился на обещания зазывалы, приобрел ловчего кота, призванного предупредить об опасности. Говорят, что такие коты верны своим хозяевам до смерти – это гнусная ложь. Во всяком случае, данный конкретный кот оказался не только неверным, но и совершенно паскудным животным – едва освободившись от поводка, он скрылся в чаще и появился лишь к полудню, когда очередной бой уже закончился и подошло время обеда.

А продавец-то как распинался! «Ловчие коты не уступают в верности даже ручным летучим мышам! Преданность у них в крови, вам не придется растить кота с младенчества либо выхаживать его в болезни... Полчаса за пазухой – и вот он ваш друг и защитник!»

Задушив верное создание и продав на базаре его шкуру, можно было бы частично покрыть убытки – но, увы, только моральные. Вероятно, кот прочувствовал эту мою мысль и в тот же вечер смылся, сбежал безвозвратно. Не удивлюсь, если он снова вернулся к хозяину, чтобы тот опять его продал.

К'Рамоль и Хостик с трудом взгромоздились на одного коня. Я поехал вперед на лошади Рама; на закате мы выехали из Пустоши, а еще через час на пути оказалась деревня.

Навстречу нам вышел сам деревенский староста, и по тому, как вежливо он приветствовал «господ героев», я безошибочно догадался, что нас ожидает если не Большой заказ, то, по крайней мере, достаточно выгодная сделка.

* * *

... Староста снова потер потные ладони:

– И... Слушать его тоже нельзя. Я тем парням, что клетку охраняют, уши воском заткнул. И каждому по свистулке в рот, чтоб свистением наговор прогоняли.

Мы с к'Рамолем переглянулись. Теперь, по крайней мере, ясно, что за душераздирающие звуки доносятся с заднего двора; Хостик держался в стороне – внешне безразлично. Впрочем, за таким безразличием может прятаться что угодно.

К'Рамоль поморщился. С сомнением пожал плечами:

– Хорош узник – не взгляни, не послушай... А поймали-то его как? Или он сам в клетку влез, пока темно было?

Староста прерывисто вздохнул. Усы его подобрались и обвисли снова:

– Так. Вы люди приезжие... У нас тут глиняный карьер неподалеку. Ну и... вы не знаете, что тут случилось-то, а мы в деревне уж не думали живыми остаться! Смерчи ходили, молнии били... руку видели черную, что с неба тянулась, – рука, как сосна трехсотлетняя! Не иначе демон демона гвоздил. Уже потом, когда стихло все – нашли в карьере *этого*, вроде как оглушенного, не в себе. Мы и повязали его... с перепугу. Так сами же теперь не рады!

Староста внезапно впал в раздражение. Сдернул с макушки «тень венца» – деревянную копию княжеской короны; отдельно от старостиной головы деревянный венец казался граблями, по странной прихоти свернутыми в обруч. Любой властоносец, даже самый мелкий, есть прежде всего тень властителя-князя; староста ожесточенно скреб растительность, уцелевшую по обочинам потной загорелой лысины. Мы молчали.

Почесывание помогло старосте овладеть собой. Слегка успокоившись, он с достоинством водрузил деревянную корону на прежнее место:

– Так... А теперь в клетке сидит. Железным листом обшили. Кузнецов согнали со всей округи... Неделю сидит, и я всю неделю – чтоб мне лопнуть – глаз не сомкнул! Потому что убить его нельзя, иначе как с колокольни сбросив, а где в селе такая колокольня?! Пока мы тут колокольню построим, он железо-то прогрызет...

– Сто монет, – раздумчиво сообщил к'Рамоль.

Староста болезненно дернулся.

– Сто монет, – повторил Рам. Опасаясь, вероятно, что собеседник глуховат.

Староста втянул голову в плечи. Привычная скупость и вечная стесненность в средствах не позволяли ему согласиться со столь чудовищной для маленькой деревни суммой; с другой стороны, ясно было, что измученный страхом мужичок готов сам продаться в рабство, лишь бы избавиться от пленника вместе с его клеткой, смерчами и молниями, могуществом и более чем вероятной мезьей.

– Но мы же не конвоиры! – справедливо напомнил к'Рамоль.

Хостик за моей спиной повернулся и вышел. Вышел тихо, но не бесшумно, а это означало, что он как бы приглашает меня за собой, хочет поговорить без свидетелей.

Любопытные, облепившие крыльцо, разом отхлынули; девицы, как по команде, покраснели и потупились, детишки разинули рты, а взрослые зеваки, коих тоже было изрядно, поспешно придали лицам отстраненно-рассеянное выражение: шли, дескать, мимо, да вот не решили еще, куда свернуть.

На Хостика смотрели скорее с ужасом. На меня – как обычно. Как смотрят на «господ героев».

На заднем дворе сипели свистульки. Клетка, превращенная в железный ящик, окружена была неглубокой белой канавкой. Две или три кошки с соловыми глазами лениво лакали светлую жидкость, и я с удивлением понял, что от магического наговора здесь спасаются, как при дедах и прадедах, разбавленным молоком черной коровы.

Парни-охранники с залепленными воском ушами меланхолично дули в свистульки. Время от времени один из них, с подбитым глазом, кидал в кошек щепками – но все время промахивался; при нашем появлении свистульки смолкли, и стражи уставились на нас вопрошительно. Хостик кивнул им – продолжайте, мол, исполнять обязанности; внимательнее всмотревшись в его лицо, парни потупились, подобно девицам у крыльца, и засвистели с удвоенной силой.

Глухой железный ящик не позволял заключенному в нем человеку (человеку ли?!) подниматься во весь рост и разводить руки в стороны. В подобном шкафу, помнится, государственный казначей держит многочисленные княжки денежки... Узника не разглядеть было, но за железными листами угадывалось движение, мерное и неторопливое раскачивание, и клетка еле заметно подрагивала.

– Оно нам надо? – сумрачно спросил Хостик.

Я поджал губы.

Нам необходимы были услуги кузнеца, шорника, сапожника, портного. Если мы всерьез хотим получить Большой заказ – мы должны добраться в столицу в срок и вид иметь соответствующий, поскольку бедные и оборванные ни у кого не вызывают доверия. А если к'Рамоль выторгует хотя бы девяносто монет...

– Оно нам надо, Рио?

Хостик по привычке говорил полупшепотом. Хотя мог бы и не осторожничать – на фоне этих ужасных свистулек его голос не так резанет по ушам.

– Конвоировать недостойно, Хоста?

– Я не про то... – Он механически переступил через упавшую от обжорства кошку. И коротко вздохнул; я привык различать его вздохи. Имелось в виду что-то вроде: «Если этот, который в клетке, действительно тот, за кого они его принимают, то я бы не брался, Рио...»

Крестьяне принимали своего пленника за Глиняного Шакала.

Возможно, они ошибались. Возможно, то был случайный бродяга, не в добрый час остановившийся справить нужду в глиняном карьере, а все случившиеся перед тем громы и молнии не имели к нему никакого отношения... Впрочем, бродяга вряд ли выжил бы неделю в клетке без еды и питья. Не говоря уже о том, что, будучи пойман и посажен в клетку, любой бродяга вопит и лает, стонет и объясняет тюремщикам, что схвачен по ошибке. А тут – ничего. Тишина. Мерное движение, будто человек, стоя на четвереньках, ритмично и сильно раскачивается. Взад-вперед. Взад-вперед.

В больших городах не верят в Глиняных Шакалов. Впрочем, жизненный опыт отучил меня думать, что именно там, в больших городах, обитает истинная мудрость...

– Что же, работа не про нас?

Наверное, вопрос получился достаточно желчным, потому что Хостик закатил глаза. Имелось в виду, что с большой долей вероятности мы управимся, конечно, но, как было сказано, «оно нам надо»?

Существа, умеющие кидаться молниями, действительно время от времени сходятся один на один. Или один на много; если принять точку зрения крестьян – Глиняный Шакал пал жертвой кого-то более могущественного, и только «родные стены» – глиняный карьер – позволили ему остаться в живых. Подвернись рядом высокая колокольня – и проблемы не было бы, крестьяне радостно довершили бы дело, начатое неведомым кидателем молний; колокольни, однако, не случилось – со времени поединка прошла неделя, Шакал наверняка потихоньку восстанавливает силы...

– Давай так, – сказал я после некоторого колебания. – Если Рамоль договорится больше чем за девяносто – беремся. Нет – нет. Идет?

Хостик улыбнулся. Он, оказывается, был уверен, что староста собьет цену.

Мой поделщик умел быть красноречивым и в молчании. А молчать ему приходилось большую часть жизни, и виной тому был его голос, вернее, тембр; всякий, кто слышал Хостин голос, предпочел бы непрерывный скрежет железа по стеклу. Сам он утверждает, что в детстве был вполне голосистым мальчиком и даже пел в хоре, а потом только простудился и охрип. Он врет и знает, что ему не верят. Либо его мать во время беременности нарвалась на заговор, либо сам он в младенчестве прогневил какую-нибудь ведьму, но только в хоре нашему Хостику больше не петь...

К'Рамоль и староста стояли на пороге. Деревянная «тень венца» съехала венценосцу на ухо, а наш друг был нескрываяемо доволен, настолько доволен, что и спрашивать было не о чем – и так все понятно.

– Девяносто две! За девяносто две сторговались!

Хостик вздохнул. Короткий вздох-ругательство.

* * *

Деревянные колеса ранили дорогу. Слишком тяжелой оказалась клетка; за нами тянулись, как за плугом, две глубокие рытвины-колеи, телега заходила скрипом на каждой колдобине, а лошади давно уже прокляли все и со всем смирились.

Мы двигались со скоростью пьяного пешехода. Не вдребезги пьяного, но здорово отяжелевшего, краснолицего, все свои усилия прилагающего к тому, чтобы не сбиться с прямой и не прилечь на обочине. Вот так и мы. Хостик правил упряжкой, мы с к'Рамолем ехали по сторонам от клетки и молчали.

Солнце двигалось по небу еще медленнее и тем не менее играючи обогнало нас. До цели – районного центра с судебной управой и «высокой колокольней» – оставалась еще добрая половина пути, в то время как солнце свой путь уже завершало, уже висело над верхушками далекого леса, и не надо было быть пророком, чтобы предугадать ночевку среди чиста поля, бок о бок с предполагаемым Глиняным Шакалом...

Над дорогой пролетела, не шевеля крыльями, вечерняя тварь недосыть. Отряд корнезубы, семейство живоглоты.

Я тряхнул головой.

Сумерки – время, когда сгущаются чужие воспоминания. Как бы чужие. Доспехи делаются тяжелыми и вминаются в меня, как вминается печать в расплавленный сургуч. А какого рожна я среди чиста поля еду в полном доспехе?!

Косо смотрело солнце. Искоса. Наши длинные тени глотали дорожную пыль; я глубоко вздохнул. Пластины на панцире чуть разошлись и сомкнулись вновь.

– Боюсь я, – негромко сказал к'Рамоль. – Боюсь за эту переднюю ось. Как думаешь, Рио?

На дорогу выпрыгнул кузнечик. Сдуру, разумеется. Скакнул снова, на этот раз спасаясь, – и опять не туда; не хотел бы я, будучи кузнечиком, оказаться на пути скрипучего деревянного колеса...

...На розовом мраморе. Почему-то все тогда было мраморным, но не холодным, потому что за день солнце нагревало камни так сильно, что они не остывали до самого рассвета... И вот он сидел на розовом мраморе, серо-зеленый голенастый кузнечик, а я подползал к нему на четвереньках, и в правом кулаке у меня был сачок, а в левом – толстая шлифованная линза...

– Рио!

К'Рамоль, оказывается, уже пару минут ехал рядом, и выражение его лица было профессионально врачебным – обеспокоенным и решительным одновременно.

– О чем беспокоиться, Рам? – пробормотал я в сторону. – Сломается ось – тогда будем думать...

– Рио, – он помялся. – А ты уверен, что тебе никто никаких видений не наводит, а?

Хостик мельком глянул на нас с высоких козел. Расслышал. Слух у Хосты – не в пример голосу, рысий слух.

Я усмехнулся:

– Уверен, Рам. Совершенно уверен.

Видения – излюбленный прием Шакалов. Но вот только кузнечик на розовом мраморе – моя личная забота, то, что приходит независимо от времени дня, независимо от сиюминутных занятий и, уж конечно, независимо от железной клетки.

– Ну, смотри, Рио...

Я кивнул:

– Хорошо. Буду смотреть.

Крестьяне снабдили нас баклажкой молока от черной коровы – защищаться от Шакала. Еще утром, как только выехали, к'Рамоль пропихнул в глиняное горлышко какую-то свою приправу – и теперь мы с удовольствием выпили каждый по кружке игристого молочного кваса. Спасибо крестьянам – угостили не без пользы...

Глиняного Шакала невозможно убить мечом. Защищаться от него не имеет смысла; не будь я тем, кто я есть – ни за что не принял бы заказ. А вот тем бедолагам, которым придется поднимать клетку на верхушку колокольни, там расклепывать и Шакала вынимать, – не позавидуешь.

Проще сбросить его как есть. В клетке.

Только почему это должно меня волновать?

Оба моих спутника устроились на ночлег под открытым небом. Даже если пойдет дождь, никто из них не переберется под телегу. Спать под задницей у Глиняного Шакала – удовольствие маленькое. А если еще и доски просядут...

К'Рамоль с головой забрался под теплый плащ. Хостик остался дежурить, сидел, нахлебавшись, изредка подкармливая костерок сыроватым древесным мусором. Хостик может неделями не спать – когда я брал его на контракт, это достоинство приглянулось мне прежде всего.

В темноте бродили невидимые, но отлично слышимые лошади.

Я постелил себе в стороне от телеги. Лег на рогожу и по уши укутался одеялом; прямо перед носом благоухали в темноте «девушкины глазки». Отряд придорожные, семейство крестоцветные...

Ненужные мысли – как крысы – при необходимости пролезут и сквозь бутылочное горлышко. Я закрыл глаза.

Две недели назад двенадцать белых вестников в одночасье поднялись над княжеской голубятней. В двенадцать областных центров, мимо когтистых ястребов и охотничьих стрел...

Хотя кто не знает, что сбить стрелой вестника означает навлечь проклятие на три колена потомков! Затем каждый из несших весть вошел в свою клетку – кто три дня спустя, а кто и целую неделю. А возможно, кто-то не добрался вовсе. Хоть это маловероятно – хороший вестник и мертвым способен продолжать путь.

Специальные храмовые служители избавили посланцев от груза бечевы и бумаги. И на двенадцати площадях, при большом стечении народа, зачитали один и тот же текст – в то время как доставившая его птичка, целиком зажаренная на вертеле, была подана на стол областного наместника. И двенадцать наместников, покровительственно улыбаясь, кивнули каждый своему сыну – по традиции, кости уставшего вестника должен обглодать наследник того, кому предназначено послание...

Мне в свое время тоже случалось грызть жесткое птичье мясо. Отвратительно; во-первых, зубы можно сломать, во-вторых, неудобно перед честной птицей. Почему-то среди властителей особым шиком считается злом платить за добро. Вертелом – за преданность...

Последней вестью из Столицы был не указ, не закон и не распоряжение. Венценосный князь призывал возможных претендентов на Большой заказ, причем претендентам-разбойникам обещалось помилование, государственным служащим – отпуск, а странствующим героям – поощрительные подарки.

Я перевернулся на другой бок. Благоухание «девушкиных глазок» переместилось за спину.

...Сколько на этом лугу цикад. Едва научившись ходить, я однажды три вечера убил на то, чтобы увидеть хоть одну... Увидел. Испугался.

Это уже потом у меня был муравейник в огромной круглой банке, и три цикады жили в специально отведенной комнате и пели в моем присутствии, не стесняясь...

Мерно стучал дождь. Одеяло намокало медленно, но неотвратно; цикады замолчали, муравьи ушли в норы, скоро одеяло придавит меня, как сырая земля...

Я дернулся и сел.

Какой дождь, когда небо оклеено звездами, как храмовый купол золотыми бляхами? Цикады...

Орут цикады. Неистово орут.

Я огляделся.

Ни костра, ни спутников, ни телеги. Звезды, еле ощутимый ветер, запах «девичьих глазок».

Рука сама кинулась искать меч. Напрасно – оружия не было, не было и пояса, одежды тоже не было, я стоял среди темноты нагой, и кожа под рукой покрылась мурашками, стала как терка.

Спокойно.

В подобной ситуации главное – не впасть в панику. Бывали, видели, знаем...

Что знаем-то?!

Тишина, беспорядочно простроченная цикадами. Вдох-выдох. Взгляд на небо.

Меня могли усыпить, обезоружить, утащить и раздеть. Это возможно – хотя и крайне маловероятно; а вот поменять созвездия местами не под силу, наверное, даже Глиняному Шакалу!

Интуитивно, безо всякой мысли, я пробормотал под нос коротенькую молитву-оглядку. Губы плохо слушались – но я выговорил текст до конца, и... ничего не произошло.

Вдох-выдох.

Значит, я сплю.

Я под заклитием «многих пробуждений». Когда сны сидят друг в друге, отражаются, как зеркало в зеркале, и, просыпаясь, человек оказывается в тенетах нового сна и вновь не может проснуться.

Я лег обратно на рогожу. Она была холодная и сырая. Я ощущал ее совершенно реально, не как во сне, а...

Вдох-выдох.

Спасение есть. Спасение есть всегда; другое дело, что добрую битву я предпочитаю прочим видам сопротивления судьбе. Но теперь придется принимать чужие правила.

Я закрыл глаза.

Нет, считать до многих тысяч не годится. До утра досчитаю – а не засну.

Есть одна детская колыбельная, которой тем не менее ни в коем случае нельзя успокаивать детей. Про то, как глупый барсучонок не желает спать, отвергает одну няньку за другой, а потом в няньки приходит подземный Ых и, едва усыпив маленького дурака, начинает его жрать.

Гм. Это какой же надо было быть идиоткой барсучихе-матери. И любой няньке, поющей ребенку на ночь «Барсучка», следовало бы зашить рот...

Розовый мрамор. Розовый.

Усилие воли.

Спать. Спать...

Тот, кто испугается, попав под многосон, кто начнет будить себя, щипать, кричать, совать руки в огонь, – обречен. Всякий раз он будет просыпаться все глубже в наваждении и никогда не вернется назад.

Тот, кто сумеет сдержаться, кто уговорит себя заснуть снова, – имеет шанс проснуться.

Спать...

Муравьи, бегущие вверх по стволу.

Бабочка среди темно-серых мраморных прожилок...

Спать!!!

Я перевернулся с боку на бок.

Никогда не уснуть. Острый камень впивается в бедро, роса выпадает прямо на обнаженную кожу, и не понять, роса это или холодный пот...

За морями, за лесами, за широкими долами жил-был мальчик в светлой твердыне. И были у него тетя, и бабушка, и добрая няня, а мамы и папы – не было.

И решил он построить на ручье меленку. Не потому, что у него не было хлеба, а затем, чтобы посмотреть, как вода станет вращать лопасти.

Первая лопасть – с червоточинкой. Вторая – с горелой каймой. Третья – чистая, как мрамор, четвертая – с капелькой крови, пятая – с выпавшим сучком, шестая...

Шум воды оборвался. Я поднял голову.

Мигал в стороне костерок. И все так же сидел над ним мрачный Хостик, только сваленная рядышком гора топлива уменьшилась вдвое.

Некоторое время я еще лежал, боясь пошевелиться. Потом разлепил губы и выговорил молитву-оглядку.

Горячая волна, зародившись где-то в гортани, скатилась по всему телу до самых пяток. В голове прояснилось; оглядка сработала, значит, я был жив и бодрствовал.

Обшитая железом клетка загораживала собой утреннюю звезду, в этот час поднимающуюся над горизонтом. В недрах ее не угадывалось ни движения.

А ведь девять из десяти, заснувших на этой рогожке, не проснулись бы. То, что я сейчас хлопаю в темноте глазами, для Шакала новость и удивление...

Или нет? Или он просто легонечко попробовал, на что я способен?

Говорят, далеко на востоке есть селения, полностью поработанные Шакалами. Говорят, что люди, однажды угодившие к Шакалу в яму, возвращаются потом сонными и задумчивыми, много едят, не приносят потомства, а после смерти превращаются в растрескавшуюся глину.

Говорят, Шакалы запускают к людям собственных вырожденков, ничем не отличимых от живых, кроме разве что исключительной тяги к власти. Говорят, за несколько лет шакалий подкидыш способен выбиться как минимум в деревенские старосты, и как только он наденет свою «тень венца» – на селение падут моры и неурожай, сумасшествие, пьянство и прочие погибели; мне, честно говоря, думается, что последняя легенда возникает всякий раз, когда приходит время смещать очередного бездарного старосту...

А вот про то, что Шакалы легко погружают людей в многосон, – про это я ничего прежде не слышал.

Хостик бодрствовал, я видел, как поблескивают обращенные к огню глаза. К'Рамоль... худо, если он заснул и не может выбраться.

Я бесшумно встал. Хотел окликнуть нашего стража – но почему-то раздумал, побрел к костру по росистой траве...

Очень интересно.

Тропинка под моими ногами выгнулась как живая. Как будто я шел по извивающемуся червя; не свернув, не оступившись, я оказался вдруг идущим напрямиком к клетке, причем ощущение не было пугающим – скорее забавным.

Хостик не оглянулся. Кажется, он вообще меня не видел.

Я с усилием остановил собственные шагающие ноги. До клетки было рукой подать – тем не менее за железными стенками не ощущалось не то что движения – взгляда.

Разбудить Рамоля. Больно толкнуть Хостика в бок, привести в чувство. Отползти подальше и с первыми лучами солнца – в путь...

Да что я, крестьянский мальчик, чтобы со свистулькой ходить и заговоренным молоком спасаться?!

Я сжал зубы. Мое справедливое возмущение, ярость, побуждение немедленно, наперекор всему, подойти к клетке – были они действительно моими? Или ловко подсажены мне в мозги?

Я повернулся. Уставился в спину неподвижно сидящему Хостику, сделал шаг, другой... Костер послушно приблизился, я позволил себе благодушно усмехнуться – и тут же обнаружил, что стою почти перед самой клеткой, что телега просела под ее тяжестью и вот-вот треснет, что костер остался у меня за спиной, а на железных листах лежит бледный отблеск огня и моя собственная темная тень...

Уцепились, называется, за случайную подработку. Взяли «халтурку на дом»!

– Рио...

Я ухитрился не вздрогнуть.

Голос шел ниоткуда.

* * *

На площади казнили врагов серебряного венца – то есть мятежников областного масштаба; приезжий рыцарь желал пронаблюдать за зрелищем, и потому лопухий юноша-оруженосец, не испытывавший к подобным событиям никакого интереса, волей-неволей наблюдал тоже.

Мятежников было двое, и они действительно замыслили против наместника – во всяком случае, перечень их провинностей занял полчаса и заставил собравшуюся толпу зароптать от скуки. Наконец формальности были исполнены. Осужденные, оба желтые и сухие, оба надменно-неживые, оба аристократы до мозга костей, опустили на колени, и два

палача, одновременно взмахнув мечами, заставили юношу-оруженосца болезненно вздрогнуть и отвести глаза.

– Интересно, – пробормотал себе под нос приезжий рыцарь, но за ревом довольной толпы его почти никто не услышал.

Спустя некоторое время – площадь уже наполовину опустела, отбыл в свой дворец удовлетворенный наместник, рабочие неторопливо разбирали складной эшафот – рыцарь с оруженосцем оказались у входа в некий подвальчик, дубовая дверь которого вечно была заперта на огромный замок. Однако именно сегодня – случайно ли? – между дверью и проемом обнаружился зазор, и несмазанные петли чуть поскрипывали в такт сквозняку – скрип-скрип... скрип-скрип...

Рыцарь постучал, предъявил свой перстень, сказал нужное слово, извлек нужное количество монеток; молодой плечистый парень, открывший скрипучую дверь, пропустил рыцаря и его спутника вниз по узкой каменной лестнице.

В сырой комнатухе обнаружили скамейка вдоль стены, пара факелов и еще один парень – копия первого, его брат-близнец, бледный, взъерошенный, с угрюмыми болезненными глазами. В тряпках, небрежно брошенных на скамью, лопочий оруженосец с ужасом узнал заляпанные кровью балахоны палачей.

Рыцарь кивнул и выдал близнецам еще по монетке. Первый принял с благодарностью, второй так и остался сидеть, бездумно разглядывая тусклый кругляшок на ладони.

Зажжен был новый факел.

В дальнем углу, под низкими сводами, на одном столе под рогожей покоились два тела, казавшиеся невероятно длинными из-за отдельно лежащих голов. Оруженосец обмер.

Рыцарь повелительно кивнул обоим палачам на дверь; первый повиновался через силу, второй равнодушно. Оруженосец охотно ушел бы следом – но взгляд господина не пустил его.

Рыцарь подошел к столу и коротким деловитым движением откинул рогожу, обнажая обе отрубленных головы; юноша и хотел бы отвернуться, а все-таки смотрел как завороченный.

Первый из казненных был оскален и страшен.

Второй...

Оруженосец замер, не имея возможности вздохнуть. Все внутренности свело одной долгой судорогой.

Второй из взошедших сегодня на эшафот дернул веками, причем между обрубок шеи и обрубок головы по-прежнему оставалось с ладонь окровавленной древесины.

– Вот как, – глухо сказал рыцарь. По-видимому, у него тоже перехватило горло. – Вот где...

Глаза казненного открылись. Во взгляде были боль... и насмешка.

– Пойдешь ко мне на перстень? – хрипло спросил рыцарь.

Веки того, что лежал на столе, снова дрогнули. Опустились.

Рыцарь поднял руку; рука с большим перстнем на указательном пальце ощутимо дрожала – хоть рыцарь и пытался удержать ее неподвижно.

Юноша-оруженосец облился холодным потом.

Красный камень, не имеющий названия, тускло вспыхнул в золотой оправе. Мертвая голова на столе уронила челюсть и сделалась окончательно мертвой, темнолицей, почти черной.

Камень вспыхнул еще раз – и затаился.

* * *

Обшитая железом клетка казалась бронированным чудовищем. На боку у нее по-прежнему лежал отблеск костра – но моя тень сместилась, будто костер был солнцем и перемещался по кругу.

– Зачем? – спросил я вслух.

Будто невидимая холодная лапка пощекотала мне горло. Я закашлялся. Забормотал молитву-крепь – с перепугу самую сильную, какую только знал.

Перед глазами у меня все еще стояли красный камень, мертвая голова и бледное лицо чернокнижника-рыцаря.

Зачем? Так легко забрать власть надо мной – и показать сказку, не имеющую к делу никакого отношения?!

– Рио...

В еле различимом голосе не было угрозы. Была печальная констатация.

– Рио... Я не Шакал... я...

Воздух задрожал у меня перед глазами.

Водовороты и всплески. Ощущение полета, ощущение падения; полосы огня, текущие по медленному руслу, спрессованное время в виде редкой блеклой сетки. Нечто невообразимо могущественное, эту сеть прорывающее, пространство, стекающее тяжелыми оплавленными каплями. Сила, встающая навстречу, столкновение, схватка, схлест...

Дрожь по телу. Тишина. Ожидание.

Да что же он делает со мной? Зачем?!

Волна раздражения – чужого. Мною недовольны. Наверное, я недостаточно понятлив.

Звездное небо померкло.

...Одно из существ походило на пригоршню искр, мерцающих угольков, светящееся облачко; другое казалось клубом дыма, постоянно меняющим форму. Существа сцепились не на жизнь, а на смерть, и полем для их схватки был светлый прямоугольник, ограниченный почему-то натянутыми канатами. Время от времени светящееся существо теряло одну из своих искорок – тогда его бесформенный противник на время отвлекался от боя и спешил затоптать огонек, погасить его ударом тяжелого щупальца, мгновенно возникавшего и тут же исчезавшего, потому что клубящееся существо ни мгновения не жило без метаморфозы...

Потом тот, что переливался искорками, ошибся и проиграл. Исход схватки был теперь делом времени; тяжелый темный противник наступал, прижимал искрящегося к канатам, добивал. Рванувшись последним усилием, искрящийся выбросил один из своих угольков далеко-далеко в сторону, за канаты, в пустоту... Там огонек и остался – одинокий, тусклый, потерянный.

Клубящийся противник обернулся – во всяком случае, впечатление было такое, что меняющее форму тело резко обернулось назад, туда, куда улетела искорка. Но вместо того чтобы по обыкновению топтать ее – он с двойным остервенением накинчился на погибающего противника. В какой-то момент я прямо-таки ощутил всеокрушающий удар...

Звезды. Снова звездное небо.

– Ты кто? – спросил я, чувствуя, как противно ворочается во рту мой собственный сухой язык.

– Я проиграл, – печально констатировали из клетки.

– Это не мое дело, – сказал я хрипло и отступил на шаг.
Клетка рывком приблизилась.
Да будь ты проклят, чудовище!
Шибанул в нос запах дыма.
Не так пахнет костер. Не так пахнет очаг. Так пахнет пожарище, розовый мрамор закопчен до черноты, и...

* * *

Бригадир Золотая Узда с удовольствием стянул сапог и разматал портянку. Пошевелил пальцами, рассеянно прислушался – во дворе истошно вопила женщина. Деловито распорядился подбригадок Гудзь – под окнами разгорались колючие кусты, дымился хворост, но спешить куда было некуда.

Потянувшись невообразимо длинной рукой, бригадир выбрал из кучи душистого барахла шелковый платок с белыми листьями и красными тонконогими птицами. Подбросил – невесомый шелк надолго завис в воздухе, от него исходил непривычный запах, исходил и тут же тонул в благоухании портянки.

И в запахе дыма, потому что дом уже горел.

Бригадир рывком разделил платок надвое. Удовлетворенно ворча, обмотал новоприобретенной портянкой жесткую, будто каменную ступню. Неторопливо стянул второй сапог...

Вытащить из дома все, стоящее внимания лавочников, не представлялось возможным. Пусть ребята возьмут кто что успеет; бригадиру не надо ничего. Приказ он уже исполнил – имение вывернуто наизнанку, будто завишневшая шапка. И все выше поднимается пламя.

Поперек тропинки валялась мертвая баба. Бригадир Золотая Узда перешагнул через пададь, хрустнул каблуком на груде фарфоровых осколков, когда-то бывших посудиною, огляделся, отыскивая подбригадка...

На неестественно зеленой траве, на гладком газончике стоял тот самый пацан. В руках у него по-прежнему была игрушечная палка с колпаком, а короткие бархатные штанишки странным образом оставались сухими. Круглые глаза не отрывались от подбригадка Гудзя, который шагал через газон по направлению к щенку, и нет смысла его одергивать – основное дело сделано, а время еще есть.

За спиной у мальчишки разгоралось большое дерево. Теперь, чтобы не поджариться, он шагнет прямо в объятия подбригадку...

Полоумный щенок дернулся, выпустил свою палку и прыгнул в огонь. Бригадир разинул рот – такого балагана видать еще не доводилось!

В доме обрушилась крыша. С грохотом, от которого вздрогнул даже тугой на ухо подбригадок.

Бригадир прищурился.

Дрожащий воздух пожарища сыграл с ним скверную шутку. Ему показалось, что мальчишка стоит в огне, обнимая древесный ствол, и волосы у него на голове полыхают, а мальчишка, вместо того чтобы корчиться, требовательно выкрикивает одно и то же слово, повторяет, будто приказ...

Большие бригадир почти ничего и не видел. За всю оставшуюся жизнь.

Потому что искры горящего дома еще неслись в небо – а из костра, в который превратилось дерево с кустами и муравейником, уже шагнула навстречу бригадиру его собственная злая судьба.

* * *

... Я был мокрый с головы до пят. И уже ничего не хотелось.

Ни сопротивляться, ни разгадывать загадки. Ни бороться за Большой заказ. Ни жить не хотелось – сесть бы, привалиться к чему-нибудь и закрыть глаза.

Он действительно не Шакал. Он – существо посерьезнее!

Никогда у меня не было видений такой силы и яркости. И не лютая смерть бригадира меня поразила – бабушкин платок, разорванный на портянки...

Железный бок клетки был у самого моего лица. Руку протяни – наткнешься.

– Чего ты хочешь от меня, ты...

– Рио... Р-рио... послушай... меня.

Он отлично знал, кто я такой. На мгновение я увидел себя его глазами – каменная статуя на могиле. Идол, сминаящий своим весом и могильный холм, и хрупкие кости усопшего.

– Слушай, Рио... Именно в тот день... знаешь – или нет? Именно в тот день ты переродился, ты был заклят и проклят. Вечно скитаться по дорогам... жить мечом... промышлять сталью. Спускать смерть, но с чужих рук, как собаку, – а своих не пачкать... до поры. Та, что сидит у тебя на клинке, – запрещенная смерть, если выпустишь ее, если хоть единое существо погибнет от твоей руки... мир перевернется – так сказали тебе. Мир перевернется, и сам ты умрешь. Не убивать самому... но вечно скитаться. Биться, воевать... И горе, если ослушаешься проклятия и вздумаешь... остановиться... бросить...

Я в изнеможении закрыл глаза.

Как же, пробовали. После особо удачного заказа купили домик в маленьком городе, к'Рамоль завел себе врачебный участок, Хостик нанялся к мяснику, а я...

Расплата была скорой и страшной. Покрытый язвами, смердящий, почти умирающий, я взгромоздился на лошадь, взял меч...

И на другой же день все прошло. Зажило без шрамов, и к'Рамоль клялся, что болезней таких не существует в природе.

«Заклят и проклят». Без Шакалов знаем.

– Ну и что?

Над клеткой зеленоватым заревом встала усталость. Повисела в воздухе и легла мне на плечи – ноги подогнулись, я сел.

– Ри-о... Я умираю...

Я молчал. Чего-то подобного, впрочем, следовало ожидать. Уж больно нахрапист был тот его темный противник, меняющий форму.

– Помоги мне, Рио... Помоги мне!

А вот это новость. Что я могу помочь *ему*!

Я снова увидел себя его глазами – стальная оболочка, заключившая в себе маленького полуживого узника.

– Давно... в огне... ты воззвал к Неведомому... Пожелал силы. Сила дана тебе... взамен... за другой дар. Дар, которым ты владел по праву рождения... вспомни!

Я стиснул зубы.

Я отлично помню, что мир был другим. Была возможность думать легко и много, и думать исключительно о приятных, интересных вещах. Мысли приходили извне – и изнутри; второе было самым захватывающим, подобным полету на парусиновых крыльях, и мир тогда казался упорядоченным, красивым и сложным, как узор на бабочкином крыле, как конструкция летательного аппарата, собранного собственными руками и испробованного только однажды, над озером...

Мир был цветным. Это сейчас, говоря о цвете, я имею в виду только разные оттенки серого – а тогда слово «розовый» еще не было пустым звуком. Это сейчас мои мысли текут по ровной протоптанной дорожке, по узкой норе, руки сами знают, как держать меч, каждая мышца знает свое дело, а мысли катятся, будто пустая телега, я не пытаюсь и вспомнить, каким был мир, потому что «узор на крыле» – всего лишь бессмысленные слова.

Тот, кем я был, никогда не вернется. Хотя и Шакалу ясно, как хотелось бы мне оглядеться его глазами – хоть на мгновение, хоть на минуту...

– Так чего ты хочешь от меня?!

– Оглянись.

Я оглянулся.

Он стоял в нескольких шагах от меня. За спиной его мерцал костер, и у костра мирно спал Хостик – недремлющий страж.

Высокий, с меня ростом. Лица не видно; руки скрещены на груди, на правой четыре пальца, на левой – шесть. Человекоподобный. Видимо, тот его искрящийся образ был всего лишь картинкой, аллегорией.

– Помоги мне, Рио. А я помогу тебе. Сниму... заклятие.

– Врешь, – пробормотал я, покрываясь холодным потом. – Не верю.

Он протянул четырехпалую руку в сторону, ладонью вверх; на ладони возник огонек, маленький и желтый, как пламя свечи, и этот, который не был Шакалом, поднес огонек к лицу, я увидел крючковатый нос и длинные, узкие глаза – от переносицы до самых висков.

– Помоги мне, Рио. Подари...

Он замолчал.

– Что? – спросил я механически.

– Подари мне... одну вещь. Я хорошо заплачу... сниму заклятие. Поверь, я могу... это сделать.

Вдалеке заухал филин. Я против своей воли вообразил – вот меня касается волшебная палочка, и я превращаюсь из железного чудовища в маленького мальчика в коротких штанишках, с сачком для ловли бабочек...

Хотя нет. Я давно уже должен быть взрослым.

НЕ ВЕРЮ!

Верю... Верю! Хочу верить.

Непостижимое, могущественное существо. Да еще умирающее... Ведь он действительно умирал – теперь даже я чувляю обреченность, колпаком висящую над его головой.

– Помоги мне, Рио. Подари... эту вещь. Я тебя не обману.

– У меня нет ничего, что могло бы...

– У тебя есть.

Он послал мне новое видение, и поначалу мне показалось, что он хочет, чтобы я его убил.

Секундой спустя, когда ноги сами несли меня по направлению к костру, а неслышно возникший меч примеривался к шее неподвижно сидящего Хостика, – тогда я понял, чего он хочет. И разозлился, и с силой всадил меч обратно в ножны – так, что одурманенный Хоста очнулся и обернулся на звук. Против света его глаза казались абсолютно черными:

– Рио? Ты...

Тот, кого крестьяне приняли за Шакала, действительно хотел, чтобы я убил. Но не его.

Чтобы я просто убил.

Он желал получить смерть, сидящую на моем клинке. На моем клинке, в моей руке... Вот что подразумевалось под «этой вещью»!

Зачем? Что он будет с ней делать?!

Тем временем Хостик не думал сопротивляться. Вероятно, наведенный дурман еще не рассеялся; лохматая голова моего поделщика склонилась, приглашающе подставляя шею.

Примолкли цикады. Над клеткой поднялась наконец утренняя звезда – верный знак того, что небо вот-вот побледнеет.

– Сволочь, – выдавил я, непонятно кого имея в виду. Не то Шакала, не то себя.

«Преодолей запрет, – неслышно велел тот, что стоял сейчас у меня за спиной. – Преодолей сейчас, я помогу тебе! Преступи черту, запрещающую тебе убивать, – ничего не случится, потому что я сниму с тебя заклятие. То, что высвободится после твоего удара, принадлежит мне, я заберу его и уйду, оставив тебя с твоей настоящей сущностью, цветным миром и восстановившейся памятью».

– Сволочь... – повторил я, глядя на покорно подставленную Хостикину шею.

В моей руке снова был меч. Безымянный. Бесхарактерный. У меча не может быть воли – это не сталь ищет крови, это моя рука еле сдерживается, чтобы не отделить Хостикину голову от туловища. Это не Шакал подталкивает меня под локоть, это мое собственное неудержимое желание. Освободиться...

А Хостик, если вдуматься, вполне заслуживает смерти. Сколько жизней он загубил, еще будучи городским палачом, и потом, у меня на службе – не сосчитать!

Меч взлетел.

Прославленные мастера поединков говаривали, качая головами, что в бою я двигаюсь «между секундами». Только что меч был здесь – и вот он уже там, и размазанная в воздухе стальная дорожка – единственное, за чем уследить глазу...

Меч упал.

Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи

Первым человеком, которого встретил Гринь у родной околицы, оказалась Лышка, хромоногая мельничиха. Ленивица по-прежнему не ходила к колодцу, предпочитая таскать воду из-под самого моста – потому языкастые соседки давно решили, что у Лышки в борще квакают жабенята. В ответ на приветствие мельничиха буркнула что-то угрюмо-настороженное – и лишь мгновение спустя разинула удивленный рот:

– Гринь! Батюшки-светы, Гринь! А я, дура, не признала! Какой-такой, думаю, парень прется, и торба на плечах, чистый ворюга... А что, Гринь, много заработал? Гостинцы несешь?

Лышкины глаза были как два ужа – черные и верткие. Подол линиялой плахты окунулся в стоящее у ног ведро – мельничиха и не заметила; сейчас она жадно рассмотрит пришельца со всех сторон, чтобы тут же, забыв о ведре, кинуться со всех ног в село, понести новость.

– День добрый, теточка Лышка. Мать моя здорова? – Гринь поудобнее устроил торбу на натруженных плечах.

На дне Лышкиных глаз что-то мелькнуло. Будто бы взмахнул крылом нетопырь:

– А как же... Здорова, Ярина-то. Бог дал...

Лышка вдруг осеклась, будто с языка ее сорвалось нечто непристойное. Суетливо схватилась за коромысло:

– Недосуг мне! Прощай, Гринь.

– Прощайте, – отозвался Гринь удивленно.

Он не топтал эту улицу вот уже без малого год.

Знакомые плетни. Перелазы, вытертые теперь уже чужими штанами, перекресток, колодец, у которого обыкновенно судачат две или три молодки.

На этот раз молодой было шестеро. Целая толпа; все они, как по команде, уставились на Гриня, но едва он пытался поймать чей-нибудь взгляд – глаза ускользали, будто ненароком.

Подойдя поближе, Гринь скинул шапку:

– Будьте здоровы, теточки... А я вот, вернулся.

Шепоток. Переглядка.

– И ты будь здоров, Гринь, – как бы нехотя проговорила дьячиха, широкая, как поле, краснолицая, в объемистом желтом кожухе. – С возвращеньцем...

Гринь поклонился, как велит вежливость. Снова взвалил на себя торбу, пошел прочь, причем чужие взгляды тянулись за ним, как поводки. Так и хотелось передернуть плечами, обернуться – но оборачиваться было нельзя.

Нехорошее предчувствие, возникшее еще там, у моста, росло и росло, постепенно пере-силивая радость возвращения. И одновременно крепло чувство, что он, Гринь, никуда и не уезжал – ничего не изменилось, знакомый камень все так же лежал справа от ворот, и Бровко залаял совершенно привычно – все тот же Бровко, уцелел, не сдох, красавец, за год!

Ворота не были заперты.

– Мама!

Окошко светилось. На снегу, синем в наступающих сумерках, лежало желтое, теплое пятно. Из трубы валил дым – ох и топит мать, на славу топит, как будто ждет...

– Мама!!!

Палец сам лег на знакомую защелку. Как будто и не было года.

Дверь поддавалась. В сенях пахло детством – Гринь даже зажмурился. Осторожно прикрыл за собой внешнюю дверь, легонько толкнул внутреннюю.

У входа лежал новый, новехонький, яркий половичок. Гринь остановился, не решаясь ступить на него мокрым сапогом; взгляд его побежал по пестрой дорожке, заметался по знакомой комнате, чисто прибранной, украшенной, будто перед праздником...

Мать стояла в дальнем углу, у окна. В руке ее было зеркальце на длинной ручке; мать стояла, белая тонкая сорочка падала до щиколоток, черные волосы, без единого седого волоска, были ненамного короче. Дверь привычно скрипнула – мать обернулась; в первую секунду Гриню показалось, что она действительно его ждала. Что, как в сказках, она издали ощутила его приближение и сейчас улыбнется и скажет без удивления: а вот и ты!

Мать улыбнулась.

В следующую секунду улыбка ее застыла. Как будто вместо родного сына перед ней оказался чужой, незнакомый, без стука ворвавшийся мужик.

«Неужели я так изменился?!» – в панике подумал Гринь.

Мать проглотила слюну. Улыбнулась снова, бледно и как-то испуганно:

– Сынок...

Не заботясь более о чистоте половичка, Гринь в два шага преодолел разделяющее их расстояние, бухнулся на колени. И уткнулся матери в ладони.

* * *

Падал снег.

Гринь шагал сквозь снегопад, и ноги его, вдоль и поперек исходившие большую степь, теперь немели, ступали, как в вату.

Он много раз воображал, как это будет. Мысленно стучал в ворота, дожидался приглашения, входил, кланялся Оксаниным родителям. Доставал подарки... В селе не видывали еще таких подарков. Шкатулка, расписанная золотом, а в ней шелковый платок с серебряной нитью и тяжелые дорогие ожерелья.

Зашлись лаем собаки – сперва во дворе, а потом уже по всей округе. Казалось, все село разразилось лаем, спеша сообщить Оксане, что вернулся жених.

– Кто там?

Разве еще не донесли? Новость, поди, еще вчера расплзлась по селу, разве что глухой не услышит!

– Это я, теточка Явдоха. Гринь.

Молчание. Тревога, впервые возникшая еще вчера, у моста, тревога, померкшая было перед радостью, теперь вынырнула снова, потому что не молчать должна Оксанина мать – распахивать ворота, двери, пристрастно расспрашивать о заработке, выслушивать, кивать, звать Оксану...

– Ты один?

Гринь переступил с ноги на ногу – негромко скрипнул снег. Что, надо было приходиться сразу же со сватами?

– Один, теточка Явдоха.

Ворота приотворились, пропуская Гриня в узкую щелку. И сразу же закрылись за его спиной.

Теточка Явдоха, Оксанина мать, стояла под снегом простоволосая, куталась в наброшенный на плечи платок, смотрела исподлобья и так странно, что ладони Гриня, сжимавшие шкатулку, сразу же взмокли.

– С матерью виделся?

Гринь захлопал заиндеветыми ресницами. Явдоха вздохнула, мельком взглянула на шкатулку в руках гостя, насупилась:

– Ты, Гринь, зла не держи... Не пуцуй тебя в хату. Оксану позову. Ты тут постой.

Повернулась и ушла в дом, тяжело хлопнув дверью; собаки хрипло ворчали на цепи, из-за изморози на окнах дом казался бельмастым, на Гриня глядел единственный черный зрачок, смотровое окошко в том месте, где на стекло долго дышали.

Он много раз воображал себе, как это будет. Совсем не так. Совсем не так. Неправильно...

Скрипнула дверь. Лязгнула защелка. Гринь проглотил слюну.

Оксана изменилась. И в то же время Оксана единственная была *правильная* – из той его мечты, когда, меряя степь шагами, слушая гудение слепней да скрип колес, Гринь представлял эту их встречу.

Оксана больше не была подростком. меховая безрукавка едва сходилась на раздавшейся груди, лицо потеряло детскую округлость, но все такими же удивленными были глаза и такими же мягкими – губы...

И щеки, вспыхнув на морозе, сразу же сделались как красная смородина. И брови лежали, будто две угольные ленты.

Хорошо, что у Гриня был подарок. А то он точно не знал бы, куда смотреть, что делать...

– Вот! – Он протянул шкатулку.

Оксана, помедлив, взяла.

– Ты посмотри, какая шкатулка! Жары-птицы нарисованы... и посмотри, что под крышкой.

– Долго ты ходил, – сказала Оксана, не глядя на подарок.

Гринь шевельнул ноздрями:

– Долго? Другого нашла?

Слова вырвались сами по себе. Дало о себе знать растущее напряжение.

Оксана подняла глаза. Гринь обомлел под этим взглядом.

– Тебя ждала.

Маленькое оконце в изморози было третьим собеседником. Гринь постоянно чувствовал на себе пристальный взгляд.

– Тебя, говорю, ждала.

Молчание. Оксана прижимала шкатулку к груди, смотрела в снег.

– Так засылать сватов? – спросил Гринь, сам понимая, какой он сейчас глупый.

Оксана мотнула головой. Сбился на ухо платок; Гринь ощутил, как немеют щеки.

– Что, не пойдешь за меня?

Оксана подняла голову. Глаза ее были, как уголья, злые – и мокрые:

– Мать твоя... с нечистым спуталась! С тем, кто в скале сидит. С исчезником. Отец сказал – не отдаст меня за чортова пасынка. Я и сама не пойду... зачем мне в свекрухи – ведьма?!

Снег пошел гуще. Ложился Гриню на плечи, таял на Оксаниных ресницах. А на собачьей шерсти уже и не таял – пес лежал, прикрыв нос лохматым хвостом, превращаясь понемногу в сугроб.

«Неправда», – хотел сказать Гринь.

За черным смотровым оконцем, прогретым людским дыханием, прятался чей-то пристальный глаз.

– Я много денег заработал, – сказал Гринь непонятно зачем.

Оксана молчала.

– Я... сто ярмарок обходил. Всю степь... из конца в конец...

Тишина.

– Я же люблю тебя, – пробормотал Гринь, и ему показалось, что весь снег этой долгой зимы навалился ему на плечи.

Оксана посмотрела на шкатулку. Хотела, кажется, вернуть – но не решилась, слишком яркая жар-птица танцевала на крышке. Золотой и серебряный шлейф, черные глаза, красные перья...

Оксана опустила плечи и, прижимая шкатулку к груди, вернулась в дом.

Снег валил и валил.

* * *

– Мама!

По дороге домой Гринь не стал заходить в шинок. Он и прежде не любил шума и чада, а теперь ведь были еще и взгляды, и любопытство односельчан. А соседи, наверное, только того и ждали – сын Ярины явится в шинок, чтобы утопить в чарке свое неожиданное горе...

– Мама!! – Гринь грохнул дверь. Вошел в дом, оставляя на полосатой дорожке хлопья мокрого снега. – Мама!!!

– Чего кричишь?

Мать, одетая на этот раз по-будничному, опустила ухват, которым только что вытащила из печи горшок с кашей. Посмотрела на Гриня устало и чуть раздраженно.

– Чего кричишь?

Гринь стоял посреди комнаты, снег таял у него на плечах, на волосах, на сапогах, мокрыми комьями падал на пол, растекался лужей.

Мать отвернулась. Наклонилась, подцепила ухватом другой горшок, вытащила – по комнате разошелся вкусный, пряный запах мяса.

Гринь прошел к лавке. Сел, не снимая кожаную обувь, стал стягивать сапоги.

Мать молчала. Чего-то ждала; передник перехватывал ее талию, и Гринь с ужасом увидел вдруг, что стройная материна фигура испорчена явно округлившимся животом. Что только слепой, только круглый дурачок мог не разглядеть этого сразу же...

Слова так и остались у него в глотке. Гринь сидел, по-детски разинув рот, вытянув ноги – одну разутую, другую в мокром сапоге.

– Что смотришь, сынок?

Гринь сглотнул.

– Ты не смотри так, Гринюша, не смотри. Не тебе мать судить. Ты и не суди...

Гриню вспомнились Оксанины глаза. Злые и мокрые.

– Уж помру я – тогда судить меня станут, – мать поставила миску на стол. – Обедать будешь?

Гринь отвел глаза.

Рядом, на крышке сундука, стояли красные сапожки – дорогой подарок, привезенный Гринем из чужих земель. Мягонькая кожа, высокое голенище, подбитый железом каблучок...

Сам не зная зачем, Гринь взял сапожки в руки. Нога у матери всегда была на диво маленькая – даже сапожник удивлялся, принимая заказ.

Ему захотелось швырнуть сапожки матери в лицо. Сбросить на пол горячие горшки, долго и с удовольствием топтаться по черепкам, по дымящейся каше.

Вместо этого он снова поставил подарок на крышку сундука. Повернулся, пошел к двери; вспомнил что-то, вернулся, подобрал свой сапог, в сенях натянул...

А снег все шел и шел.

* * *

Шинкарь улыбался. Гринь знал, что, выпив еще чарку-другую, он непременно полезет бить шинкаря. И успеет ударить раз или два, пока не отташат. Шинкарю хватит. Зальется кровью, начнет голосить противным бабьим голосом.

Он сидел в углу, за пустым столом. В шинке былолюдно и душно, соседи теснили друга друга на широких лавках – и только рядом с Гринем никто не садился, один шинкарь подбегал иногда, угодливо спрашивая, не подать ли чего.

Его не то чтобы не замечали. Кое-кто с ним здоровался и даже спрашивал о делах – Гринь отвечал односложно. На него смотрели все или почти все; надо было встать и уйти, но идти было некуда, а потому Гринь сидел и пил, благо денег было в достатке.

Двигались челюсти, и крошки застревают в чьих-то усах. Гринь пил, гадливо вытирая губы; напротив сидела компания друзей его детства – Матня, Колган и Василек. Друзья в открытую переглядывались, толкались под столом ногами; друзья сильно заматерели за то время, пока Гринь их не видел. Матня неимоверно раздался в плечах, Колган пощипывал густой жесткий ус, Василек сделался похож на своего отца, плотника, про которого говорили: «рожа, как рогожа».

Гринь пил и не пьянел. Друзья пьянели, наливались краской, голоса их становились все громче:

– ...А и спросил бы!

– Батюшкой он его зовет или как?

– Так спроси, спроси...

Матня, пошатываясь, встал. Выбрался из-за стола; Гринь уже знал, куда он идет и зачем.

– А-а-а, – сказал Матня, останавливаясь перед бывшим приятелем. – Много денег заработал, чумак?

– Хватит, – отозвался Гринь и поставил на стол пустую чарку.

– А-а-а... за неделю пропьешь? А за две?

– Хоть бы и пропью – тебя не угощу.

– А что так? – Матня улыбнулся совсем по-приятельски. – Чего ж друга – да и не угостить?

Гринь долго смотрел на него. Потом, не говоря ни слова, плеснул из бутылки в пустую чарку, плеснул и расплескал. Пододвинул чарку Матне:

– А хоть бы и пей!

Матня скривил губы:

– Мне после тебя гадостно пить. Может, ты с новым отчимом своим целовался уже?

Гринь прижал ладони к столу. Плотно-плотно, будто налили под них крепкий столярный клей.

– Чадно, – сказал наконец сквозь зубы. – Выйдем?

Матня свирепо усмехнулся, как будто только того и ждал.

– Выйдем.

Колган и Василек поднялись тоже. И весь шинок смотрел, как они выходили – впереди Гринь, бледный и с перекошенным ртом, следом, ухмыляясь, дружная тройца...

Снег улегся. Посреди неба висела желтая половинка луны. Гринь остановился посреди безлюдной улицы; собаки, немного побрехав, угомонились.

Гринь посмотрел в лицо Матне, выбирая слова. И не выбрал; Матня заговорил первым, Колган и Василек стояли у него за спиной.

– Что, чортов пасынок? Что вылупился, как сыч на святую паску?

Гринь молчал. С Матней они вместе крали у попа яблоки – за что оба бывали биты одними вожжами.

– Ублюдка ведьмачьего нянчить будешь? – это Колган.

– Не возвращаться бы тебе, чумак, – это Василек. – Лучше бы тебя телега переехала...

Василька Гринь однажды отбил от двух мальчишек из соседнего села. Те подловили чужака на своей меже и собирались посчитать ему зубы.

– Что сопишь? Мать твоя...

Он сказал, и тогда Гринь без размаха вколотил это слово обратно Матне в пасть. Жилистый возничий Круть, у которого Гринь долгое время был за подручного, научил его бить без размаха. Как гадюка кусает.

Матня, казалось, поперхнулся собственным языком. Глаза его сделались белыми – видно даже при свете луны.

Василька Гринь отбросил, но Колган успел ударить бывшего приятеля по уху так, что ночь зазвенела. Проснулись собаки; Гринь отбил второй удар Колгана и тут же ударил сам. Собаки заходились; дверь шинка оставалась плотно закрытой, как будто все, что творилось на улице, никому не было интересно. Василек и окровавленный Матня кинулись одновременно и повалили Гриня в снег. Подскочил Колган и принялся бить под ребра носком сапога, Гринь взвыл и вскочил на ноги, но Василек подсек его сзади, Матня толкнул, а Колган ударил сапогом теперь уже по лицу...

И все сразу кончилось. Хрустел снег под ногами троих убегающих парней, Гринь сел и сквозь кровь, заливающую глаза, успел увидеть, как несутся вдоль улицы двое, помогая бежать третьему.

«Это Матня, – подумал Гринь. – Я ему чуть башку не снес...».

Белый снег был sprыснут черным. Ни о чем не думая, Гринь поднес к лицу холодный до боли комок, приложил ко лбу...

И понял, что собаки мертво молчат. Хотя за минуту до того заходились лаем.

Он оглянулся.

В трех шагах, у чьего-то плетня, стоял, подпирая луну плечом, высокий темный силуэт. Гринь сидел и все всматривался, все вглядывался, а снег подмигивал под луной, заливая ночь, будто маревом.

– Вставай.

Царапнул по коже озноб. Гринь зачем-то обернулся вслед убежавшим парням, но улица была пуста, и собаки по-прежнему молчали.

Поблескивал снег. Гринь поднялся сперва на четвереньки, а потом и на ноги; в висках застучало горячо и часто.

– Хорошо тебе? В родном доме? – спросили из темноты.

– Плохо, – сказал Гринь, перекосившись от боли в боку.

– Вот и уходи... раз плохо. Здоровый мужик, нечего у матери на шее висеть.

Гринь проглотил слюну пополам с кровью.

Среди чумаков он слыл едва ли не скрягой. Другие зароботчане половину всякого заработка оставляли в мошне шинкаря либо под матрасом веселой вдовы – а Гринь, стиснув зубы, ужимался и копил. Для того, чтобы стать достойным Оксаны. Для того, чтобы мать в старости не знала нужды.

Он не висел на материной шее с того самого дня, когда ему впервые пошили штаны и отправили пасти свиней. Оскорбление было сильнее боли и сильнее страха: Гринь шагнул вперед и встал перед темной тенью лицом к лицу.

– Не уйду. Сам уходи! Попа позову, пусть кадит... Выживу тебя, чертара!

Тот, что стоял перед ним, растянул черные, как у собаки, губы.

При свете луны и при свете снега Гринь увидел, что глаза у него узкие и длинные, от переносицы до самых ушей, а руки скрещены на груди, и на одной руке четыре пальца, а на другой – много, шесть...

Гринь замолчал, обомлев. Уж не мерещится ли?

– Уходи, – сказал стоящий перед ним исчезник. – Тебе же лучше будет, когда уйдешь...

Уходи из села. Чтобы духу твоего здесь не было.

Повернулся, шагнул в тень, исчез.

Распахнулась дверь шинка, и прямо в снег вывалился, бормоча, довольный пьяница.

* * *

– Батюшки-светы! Кто ж тебе ребра так посчитал-то?!

Он долго стоял бы под дверью, не решаясь переступить порог отчего дома, – но мать услышала, выскочила, взяла под руки, привела и усадила на лавку, с трудом стянула сапоги:

– Ох, Гриня, ох, сынку неразумный! Все бы кулаки чесать... Эх... Есть будешь?

Он через силу мотнул головой. Вероятно, от него разлило перегаром, как в свое время от отца, когда тот, вернувшись с удачной ярмарки, становился на пороге и обводил комнату хмельными глазами навывкате.

– Ну, так ложись, Гринечка... Спи, сынку, утром посмотрим, что будет... утром поговорим.

Она прятала глаза, хотя в комнате было сейчас куда темнее, чем на улице, под ночным небом.

Уложила Гриня на лавке. Заботливо укрыла кожухом, сама, повозившись, залезла на печь, долго ворочалась, вздыхала, мостилась...

Закричали за окном дурные петухи. Один, другой, третий... Завопил в сарае пестрый горлач, тот самый, которого собирались пустить в суп еще год назад, провожая Гриня на заработки. Выжил горлач.

– Он же страшный, как смертный грех, – сказал Гринь разбитыми губами. – Как же вы... мама...

В доме стояла тишина. Такой тишины никогда не бывает, когда люди действительно спят. Теплился огонек перед образами – выходит, и образа *тому* не помеха и не указ!

– Мама... – проговорил Гринь неожиданно тонко и жалобно. И замолчал.

Тяжелый кожух давил на грудь, а дышать и без того было больно.

– Мама... я ведь хотел... хочу... жену в дом, помощницу вам... Оксану. Деньги есть теперь... жили бы... к батьке на могилу...

Горлач кричал снова – победно. Будто не старым ободранным петухом был, не сегодня-завтра предназначенным топору и колоде, – будто был ловчей птицей на плече государя.

Скоро рассвет.

Рио, странствующий герой

Все города этого мира, все областные и районные центры – всего лишь тени великой Столицы. Тот, кто Столицы не видел, – не в состоянии понять всю правоту этого утверждения.

Входя в город, новоприбывшие мыли сапоги в специальном бассейне, лошадей же и телеги прогоняли через широкую канаву с чистым песком на дне. И это было не самодурством стражи, а насущной необходимостью.

Мостовые в Столице лежали мозаикой – плиточка к плиточке. На окраинах мозаичные картины изобиловали сценами прилежного труда – кузнецов, землепашцев, гончаров, портных, кожемяк, переписчиков; ближе к центру начинались подробности жизни купечества, а центральная площадь была, по сути, развернутой летописью властительско-княжеского рода. Приезжие не смотрели по сторонам – все как один пялились себе под ноги и при ходьбе налетали на прохожих; на наших глазах какой-то близорукий всадник чуть не выпал из седла – так хотелось ему разглядеть сцену купания дородной глянцевои купчихи, сложенную из полированных осколков мрамора, черного гранита и слюды. Тем временем архитектура Столицы достойна была внимания никак не меньше мозаичных мостовых – по сторонам смотреть было даже интереснее.

Я смотрел, и привычное спокойствие, за много лет сделавшееся основной частью моей натуры, теперь меня раздражало.

К'Рамоль ехал, чуть откинувшись в седле, задрав подбородок, более всего боясь быть похожим на провинциального лекаря. Хостик играл равнодушие – но глаза его, время от времени постреливавшие по сторонам, делали эту игру не вполне правдоподобной. На к'Рамоля косились с интересом, на Хостика – с ужасом, на меня – как обычно.

Наш подконвойный умер. Когда в районном центре два крепостных кузнеца расклепали наконец клетку, на железном полу ее обнаружился остывший труп; районный наместник в бронзовой короне принялся костерить тупых крестьян, уморивших, в угоду идиотским суевериям, обыкновенного уроды с неравным числом пальцев на руках и ногах. Районный наместник был человеком просвещенным и без предрассудков – но едва лишь тело мнимого Шакала сгрузили на землю, как земля расступилась, подобно трясине. Секунду еще торчали над ее поверхностью скрюченные руки – а потом и рук не стало. Подневольные кузнецы, полжизни проведенные в рабстве и всякого навидавшиеся, одновременно лишились чувств, а наместник сделался белый, как мука, долго шевелил губами и наконец выдавил из себя, что, мол, нас здесь не было и мы ничего не видели.

Мы согласились, даже не переглядываясь.

Когда меч мой упал, напополам разрубив толстенную корягу, на которой сидел, подставив шею, Хостик...

Говорят, всякий уважающий себя герой время от времени меняет подельщиков. Как перчатки. При помощи хорошего удара мечом.

Коряга переполовинилась, Хостик пришел в себя. Вздрыгнул и поднял голову. Мы встретились глазами...

Чувство упущенного шанса, единственного в жизни, золотого шанса – не лучшее ощущение. Не самое приятное.

Шакал так и не получил того, что сидело у меня на клинке. Шакал разочаровался и умер – в злобе и отчаянии.

А за мгновение до смерти он успел доказать мне, что все мои надежды когда-нибудь снять заклятие – не более чем дым. Смердный дым от горящей ветоши. А значит, жить мне до конца

жизни бронированной машиной с запретом на убийство. И таскать за собой двух дураков – одного лекаря, другого палача.

Я перевел дыхание.

Шакалу все равно хуже, чем мне. Наверное, теперь я никогда не узнаю, кем или чем он был. Получив желаемое, он сохранил бы свою жизнь? Или «эта вещь» нужна была для другого – для мести, например?

– Площадь, – с благоговением в голосе сказал к'Рамоль. – Рио, поворачивай!

Копыта наших лошадей прошлись по батальной сцене, выложенной из базальта с вкраплением хрусталя. Князя, его войско и врагов можно было легко различить по одежде и штандартам; искусники, сто лет назад мостившие площадь, строго придерживались основного правила: лица властительных особ на мостовую не класть. Нечего топтаться по лицам; другое дело – многолюдная батальная сцена. Или бал во дворце, или охота, или погоня, или рождение наследника – общим планом, со множеством персонажей, среди которых не сразу отыщешь рожицу...

В десяти шагах от нас деловитый патруль дворцовой стражи поймал крестьянина, явившегося на священную площадь в недостаточно чистых башмаках. Тут уж вопи – не вопи, оправдывайся – не оправдывайся, чистота ног – для городских жителей прямо-таки болезненная проблема!

Хостик поморщился. С тех пор, как я неудачно пытался отрубить ему голову, и без того замкнутый характер моего подельщика обогатился еще и нервозностью – он вздрагивал от громких звуков и терпеть не мог открытого насилия, вот как сейчас, когда два стражника, стянув с крестьянина обувку, волокут его голыми пятками по мостовой, и ясно куда волокут – на расправу.

Дорога на Столицу подарила нам еще одно вооруженное столкновение, на этот раз с обыкновенными разбойниками. Прежде чем нападавшие догадались дать деру, мой меч отметил троих; двоих к'Рамоль безропотно перевязал, обильно умастив бальзамом, а третьего пришлось добить, и лицо Хостика по обыкновению не выражало ничего, но мне показалось, что рука со стилетом дрогнула...

Я тряхнул головой, прогоняя ненужные мысли.

Мы были уже прямо перед дворцом. Мостовая здесь как бы загибалась кверху, плавно переходя в мозаичную стену; в нескольких шагах от стены имелось заграждение – бархатные канаты, провисшие между медными столбиками. К стене подходить воспрещалось, потому что тут-то неведомые мастера перешли от общих сцен к портретам – все князья, когда-либо занимавшие престол, областные наместники в серебряных коронах, районные наместники в бронзовых венцах и венцах из белой кости, управители, распорядители и деревенские старосты в коронах из красного дерева, липы и можжевельника – все они толпились здесь плечом к плечу и, казалось, даже будучи выложенными из крохотных осколков аметиста и яшмы, продолжают невидимо толкаться, оттирать тех, кто пониже званием, на задний план.

Ибо места на стене было не так уж много, а на правом фланге оставлено было свободное пространство – для властителей грядущих.

– Проходи, проходи... Не задерживайся, всем посмотреть охота!

Я обернулся к стражнику – и тот прикусил язык. Тем более что рядом спешился Хостик, а это тебе не хухры-мухры, не крестьян обучать, как башмаки чистить.

Однако долго задерживаться все равно не следует. Сзади напирает толпа, а дело не ждет – мы и так явились в город с опозданием.

Я пробежал взглядом по лицам властителей второй и третьей руки. Я разыскивал отца; я узнал бы его, если бы изображение было подлинным, – но отец никогда не позировал рисо-

вальщикам, а значит, фигура, условно изображающая наместника Рио, носит здесь совершенно случайное, чужое лицо.

Я посмотрел на властителей в золотых коронах, занимавших первый план гигантской мозаичной картины. Посмотрел – и еще раз поразился мастерству старых художников... впрочем, не таких-то и старых. Нынешнего князя кто-то совсем недавно подновил – добавил лицу солидности, пришедшей с годами; всматриваясь в это лицо, я осознал вдруг, что прежде видел его, и не так уж давно. Вероятно, мне на глаза попало какое-то изображение властителя, подлинное, не искаженное в угоду глупому суеверию – рисовать портреты не похоже, чтобы труднее было взглянуть.

Я перевел взгляд на портрет старого князя, приходившегося нынешнему властителю отцом. Пригляделся и вздрогнул: это лицо – или очень похожее – я тоже где-то видел, хотя старый князь совсем не походил на нынешнего. В меру одутловатый – мастерство художника позволяло приукрашивать без ущерба для сходства, – в меру невысокий мужчина в золотой короне, с правой рукой, лежащей на плече отрока-наследника, нынешнего князя в детстве... Большая часть мозаичных властителей держала руки на плечах сыновей, и только те, что умерли, передав престол братьям и племянникам, держались за рукояти мечей. Рука нынешнего властителя как бы повисла в воздухе – предполагалось, что скоро рядышком появится изображение мальчика, но поскольку нынешнему наследнику от роду три года, помещать его портрет в мозаичную летопись пока рановато.

Нужно было уходить, но я почему-то не мог оторвать взгляда от таких знакомых каменных лиц. Отчего-то эти лица внушали мне тревогу, но я заранее знал, что причин ее сейчас не пойму, и только старался запомнить картину получше, врезать в память, чтобы потом, на досуге, легко было припомнить.

Прежнему-мне, тому, что никогда теперь не выйдет на свободу, достаточно было однажды взглянуть на любое изображение, чтобы запомнить его точно и навсегда. Учителя переглядывались со значением; однажды прочитав книгу, я никогда уже не забывал ни слова с ее страниц...

– Идем, Рио, – сказал к'Рамоль.

И мы пошли.

* * *

– Погодите-ка, Рио, Рио...

– Так звали серебряного наместника Троеречья. Был такой район, прежде чем каждая из рек получила самостоятельность.

Князь чуть нахмурился:

– А-а-а...

И больше ничего не сказал. Как будто только этот негромкий возглас мог вместить в себя все эмоции, связанные с делом Троеречья.

Князь походил на свое изображение. Не в точности, но все-таки здорово походил; глядя, как он улыбается и кивает очередному претенденту на Большой заказ, я ощущал легкий холодок между ребер.

Потому что еще секунда, казалось, и я вспомню, где я видел это лицо... Не на портрете, нет. Вживую.

– Погодите-ка!.. Да, семейство достойного наместника Рио удалилось от привычного общества... жило где-то на острове, если мне не изменяет память... да. Хм!

Между рыжеватыми бровями князя пролегли две неглубокие складочки. Вероятно, он вспомнил, чем закончилось пребывание семейства Рио в добровольном изгнании.

– Хм... Говорили одно время, что сын достойного наместника Рио...

Он запнулся, как бы позволяя мне прервать его и без того не законченную фразу.

– Ложные слухи о моей смерти впервые возникли в день моего рождения, – я натянуто улыбнулся. – К сожалению, этот день стал последним для моей матери.

Князь сочувственно покивал и перешел к следующему претенденту – а мы, соискатели, стояли неровной шеренгой, как бы непринужденно – и одновременно в некоем подобии строя. Успели к сроку и документально доказали свою состоятельность двенадцать человек; каждого сопровождала небольшая свита, и мои к'Рамоль с Хостиком благополучно потерялись на общем пестром фоне. Что ж, начало вполне удачное.

– ...Вынужден предупредить, что нынешний, с позволения сказать, заказ имеет свою специфику. Возможно, задание потребует от господ героев несколько необычных, гм, свойств и навыков...

– Магия, – негромко сказал своему спутнику белобрысый крепыш, стоявший справа от меня. – Предложит игру с магическими штучками.

Я почему-то был уверен, что князь расслышал эти слова. Хотя крепыш говорил тихо и от властителя его отделяло пространство в половину бального зала.

– ...возможно, придется иметь дело и с магией... но только косвенно, господа, только косвенно. Разумеется, выполнение заказа точно и в срок будет вознаграждено, и не только деньгами. Дюжина претендентов – добрый знак. Господа, каюсь, я собирал о вас сведения. Возможно, мне повезло, как никому из смертных, потому что я нахожусь в одном зале с целым сонмом исключительных людей. Из двенадцати семеро носят звание Непобедимого...

По толпе собравшихся прошел шепоток. Герои начали оборачиваться, разглядывая лица друг друга; все прекрасно понимали, что означает метка «Непобедимый». Кому-то продались герои, чем-то пожертвовали, чем-то заплатили за свою непобедимость; надолго ли, вот вопрос, ведь первое же поражение становится для Непобедимого последним, и происходит это тем скорее, чем больше требует витязь от судьбы.

– ...Двое из присутствующих здесь господ – Убийцы драконов...

Ропот стал сильнее. Я сам напряженно оглянулся – кто?! Вот скверное знание, любой из стоящих рядом может оказаться... Меня передернуло от отвращения.

– ...И еще трое из собравшихся господ, поймите меня правильно... заговоренные. Я знаю, об этом не принято говорить вслух – я воспользовался своим правом властителя, чтобы подчеркнуть, какие отборные люди здесь присутствуют.

Мне сделалось неуютно; в этом тесном мире совершенно невозможно сохранить тайну. Если герой не сидит в норе, а мало-помалу действует, то и свидетелем о его подвигах собирается достаточно, чтобы поставить окончательный диагноз: Заклятие!

– ...Однако за работу примется только один, и только ему, избраннику, я сообщу суть дела. А пока вам предложено будет испытание – того из вас, кто справится с ним, на мой взгляд, лучше прочих, ждет продолжение беседы. Покуда отдыхайте, господа. Лучшие комнаты лучшей гостиницы готовы для вас.

Это была чистая правда. Мы с подельщиками остановились было в скромном трактире у моста – но стоило мне зарегистрироваться в качестве претендента на Большой заказ, как приказчик из лучшей гостиницы города прибежал с поклоном и приглашением поселиться в самых удобных комнатах, причем за счет казны. Раздумывать мы не стали – уже спустя полчаса очаровательная служанка, опасливо косясь на Хостика, подавала нам ужин прямо в номере.

А соседями нашими оказались конкуренты-соискатели. Гостиничная прислуга с ног сби- валась, чтобы ублажить ораву героев и их спутников; оказалось, что с полдюжата хитрых претендентов сидят тут уже целую неделю, и городская казна исправно оплачивает им и кров, и стол, и даже некоторые капризы.

К'Рамоль подловил служанку под лестницей и завел с ней доверительный разговор о медицине. Оказалось, что у милой девушки полным-полно болячек, явных и тайных; лишь

только стемнело и бегодня в гостинице стихла, Рам деловито взял под мышку свой лекарский сундучок и отправился во флигель, где обитала прислуга.

– Вот что значит настоящий врач, – сказал я, когда за лекарем закрылась дверь. – В любое время дня и ночи, по первому зову ближнего спешит исполнить свой долг, каким бы тягостным он ни был!

Хостик даже не улыбнулся.

За последнее время он сильно сдал; борода его, и без того клочковатая, приобрела неопрятный вид, крючковатый нос еще больше выдался вперед, а глаза, наоборот, запали. Хостик болезненно переживал предательство – мое предательство; сам он – и я это знал – ни при каких обстоятельствах, ни под какими чарами не поднял бы меч ни на меня, ни на Рама. То, что произошло с нами близ окованной железом клетки, у костра, положило непреодолимую пропасть между прежними нашими отношениями – и нынешними.

Я не стал объяснять Хостику, *чего* стоило для меня удержать руку и не свалить с плеч его лохматую голову. Слишком мелкими казались оправдания; что с того, что в результате я не поддался Шакалу?

Я не убил Хостика не потому, что он мой друг. Сиди на той коряге распоследний карликовый крунг – я и то, наверное, не решился бы. Побоялся бы нарушить запрет на убийство! Или не побоялся бы? Вот в чем беда – я и сам не знал до конца, Хосту я пожалел в ту ночь или себя? Или просто подчинился правилам, навязанным извне.

Так или иначе, но оставаться наедине с Хостиком мне с некоторых пор было тягостно; сославшись на усталость, я ушел к себе в комнату и лег.

Перед глазами сразу же замелькали лица с парадной мозаики. Отроки-наследники золотой короны смотрели печальными глазами ручных обезьянок; я искал лицо отца – но видел лишь место, где оно только что было. Я звал...

А потом проснулся в холодном поту.

Я вспомнил, где я видел лицо нынешнего князя.

В видении, наведенном Шакалом. На столе в мертвецкой; голова князя лежала отдельно от тела, но глаза жили.

«Пойдешь ко мне на перстень?»

Сгинь, наваждение!

Сгинь!

Далеко за полночь в дверь застучали. Я не спал – лежал в постели, закинув руки за голову, и смотрел в темный потолок. На столе еле теплился огонек лампы.

Робкий стук сменился настойчивым.

– Кто там? – крикнул я хрипло. Сейчас мне менее обычного хотелось чьего-либо общества.

– Господин, откройте, пожалуйста...

Где-то хлопнула дверь. Рывкнул раздраженный голос; мне показалось, что я узнаю бело-брысого крепыша, того, который не сомневался, что задание князя связано с магией.

Я поднялся. Считая пятками холодные половицы, подошел к двери и отодвинул засов.

В полутемном коридоре былолюдно. Некрасивая молодая женщина с круглыми, как черные блюдца, испуганными глазами прижимала к груди ребенка, а за юбку ее цеплялись еще как минимум двое:

– Господин... Нам... хоть бы под стеночкой... переночевать... дождь... перепеленать...

– Где управляющий? – рывкнули из комнаты справа. – Где хозяин гостиницы? Где эти дармоеды?! Они узнают, что почем, я буду жаловаться лично князю!

Кто-то из Непобедимых?

– Гоните ее, – добродушно посоветовали из комнаты слева. В дверях ее стоял один из соискателей, высокий и плечистый мужчина с длинными, до лопаток, волосами. – Гоните бродяжку. Кто знает, как она сюда пробралась – а вся гостиница уже гудит, что твой улей.

Я посмотрел ему в лицо. Заговоренный? Или Убийца дракона?

Откуда-то снизу, из-под лестницы, выскочил встрепанный управляющий. Его сопровождали трое исключительно раздраженных героев, двое просто бранились, а третий молча пихал провинившегося под ребра, отчего управляющий икал и дергался:

– Господа! Сейчас, господа, сию минуту непорядок будет устранен!

– Закрывать этот клоповник, – зловеще проговорили в конце коридора. – Закрывать и сжечь вместе с барахлом... чтобы среди ночи в комнаты к благородным господам ломилась назойливая баба?!

Глаза возмутительницы спокойствия – а ведь это она стояла сейчас передо мной – округлились еще больше. Она прижала к себе младенца так, что он пискнул, а двое – или все-таки трое? – оборвышей, цеплявшихся за юбку, заревели в голос, кто-то из разбуженных героев желчно засмеялся, кто-то грохнул дверь, кто-то выругался достаточно грязно – я только под горячую руку, в поединке, умею так ругаться.

Управляющий, подгоняемый толчками и пинками разъяренных постояльцев, наконец-то добрался до нас. Лицо его в полумраке коридора казалось темно-серым.

– Ах ты, сучка! Ах ты...

Я перехватил его занесенную руку. Не хватало еще, чтобы в моем присутствии били женщину.

Дети завопили громче, хотя это, казалось, было уже невозможно.

– Го... сподин...

Управляющий задохнулся; вероятно, я слишком сильно сдавил его руку. Не повезло бедняге – еще поймает, чего доброго, сердечный приступ!

– А вы...

Трое раздраженных героев – нет, уже шестеро – смотрели теперь не на бродяжку, а на меня.

– Спокойствие, – я обезоруживающе улыбнулся и выпустил руку управляющего. Бедняга на четвереньках отполз в сторону.

– Пошла вон, – холодно сказал бродяжке седьмой соискатель, тот самый плечистый и длинноволосый, мой сосед. Женщина затравленно оглянулась, бочком-бочком, увлекая за собой оборвышей, отступила к лестнице...

– погоди, – весело сказали из толпы постояльцев. – Дождь на улице, куда ты с малыми пойдешь?

Стало тихо. Даже сопение геройских приспешников, мало-помалу повыползавших из нижних, не столь привилегированных комнат, на короткое время прервалось. Даже оружие дети притихли, и стало слышно, как барабанят по крыше и по стеклу крупные дождевые капли...

Я хмыкнул. «Господи-ин... под стеночкой...»

– Ладно, заходи, – я ногой распахнул дверь комнаты за своей спиной.

Бродяжка хлопнула черными круглыми глазами. Герои, чей сон был нарушен наглым и невозможным образом, зароптали.

– Мой номер, кого хочу, того зову, – сообщил я возмущенным конкурентам.

Никто не стал комментировать мои слова. Кто-то в задних рядах пробормотал что-то насчет вшей, кто-то велел слуге немедленно паковать вещи, кто-то пригрозил управляющему, что съедет завтра... И все. В коридоре остались я, бродяжка со своими оборвышами, скулящий в углу управляющий да еще один мой конкурент, лысоватый, несмотря на молодость, скуластый

парень. Тот самый, что крикнул «Погоди...». Мы обменялись взглядами. Не так, чтобы очень дружескими, но понимающими, по крайней мере.

Оборвышей у юбки оказалось-таки не два, а три. Они мирно просопели до рассвета – а когда на рассвете я уснул наконец, бесшумно убралась вместе с мамашей, не сказав ни «здрасьте», ни «до свидания», ни, разумеется, «спасибо».

Утром горничная, морщась, собрала грязные простыни в углу. А еще через полчаса я напрочь забыл о ночном происшествии – и не вспомнил бы о нем, если бы не желчные, со следами недосыпа лица конкурентов-соискателей.

После завтрака посыльный принес мне личное приглашение от князя. Мне велено было явиться для испытания – но не во дворец, а по адресу, который прилагался. Причем подеельщиков предписано было с собою не брать.

Я прогнал воспоминание об отрубленной голове на окровавленных досках. Велел подеельщикам ждать неотлучно – и пошел туда, куда меня звали.

* * *

Дом стоял на окраине, и был он городским приютом. Во всяком случае, так сообщала вывеска на воротах.

– Сюда, пожалуйста.

От персонала исходил запах нового сукна. Вероятно, события здесь ждали и готовились, покрасили, побелили, вымыли, приделались...

Сам князь встретил меня в комнатухе управляющего. Склоняясь в приветствии, я пытался не смотреть на его лицо, однако есть приличия, а есть элементарная вежливость; я не выдержал и взглянул властителю в глаза.

И сразу захотелось сматываться отсюда подальше, забыв о Большом заказе и о предстоящем испытании. Ну его совсем, это ведь именно те, тогда мутноватые, а теперь ясные и чуть насмешливые глаза, это его голову снимут мечом и положат под рогажу!..

Это *будет*?

Возможно, Шакал просто морочил меня? Почему я верю Шакалу? Кто поймет, в чем был истинный смысл видения?

Все мы рискуем головой. На плахе ли, на большой ли дороге ради Большого заказа...

– А это ваш соперник.

Я обернулся.

Тот самый лысоватый герой, что сказал вчера ночью: «Погоди... Дождь на улице, куда ты с малыши пойдешь?»

До меня только теперь дошло, что прочих десятерых соискателей нет. Я даже оглянулся недоуменно, будто ожидая, что они прячутся за портьерами и сейчас выглянут, чтобы насладиться моим удивлением.

– К сожалению, прочие претенденты не прошли первого тура испытаний. Да, господа, я же предупреждал, что задание специфическое, и отбирать исполнителя придется не в поединках, не в соревнованиях... Что ж, у каждого из вас равные шансы получить Большой заказ, все зависит от вас, господа.

Лысый подмигнул мне. Во как, говорило его простоватое лукавое лицо. И не знаешь, где найдешь, а где споткнешься!

Я вымученно улыбнулся в ответ.

Князь что-то говорил – я не слышал слов. Князь куда-то указывал рукой; на пальце у него...

Этот перстень я не спутаю ни с чем. Видение, дарованное Шакалом, было таким ярким...

Перстень с тусклым красным камнем. Тусклым, будто затаившимся и вместе с тем таким красным, что даже я, со своим черно-белым зрением, осознаю его воспаленную красноту.

Но *перстень* был у человека, который пришел в мертвецкую! А *голова* лежала на столе. Как получилось, что и голова, и перстень принадлежат теперь одному человеку?!

– Что с вами, благородный Рио? – Князь улыбался.

– Бессонная ночь, – я кротко улыбнулся. На самом деле, чтобы сломить меня, бессонных ночей должно быть как минимум три.

– Надеюсь, не помешает... испытание... решить...

Я кивнул, не дослушав.

Я уже знал, что проиграю испытание. Не пройду по конкурсу; вон, пусть лысоватый получает Большой заказ и все сопутствующие беды и награды. Не в добрый час мы с подельщиками взялись конвоировать клетку с Глиняным Шакалом – все, что произошло между мной и Хостиком, все, что произошло внутри меня... встреча, в конце концов, с отрубленной головой на чужих плечах и перстнем на чужом пальце...

Мой соперник что-то сказал. Я тупо огляделся.

Это был, наверное, самый большой зал в печальном заведении под названием приют. Сейчас здесь не было мебели, только скамейки вдоль стен, пол надраен так, что отражаются люстры, и – никого, только мы с лысоватым соперником.

Бесшумно открылись двери, и вошло штук тридцать ребятишек лет примерно от трех до десяти. Видно было, что идти им боязно, и не идти тоже нельзя – велели.

Дверь закрылась. Как будто зайчат выпустили в клетку к двум питонам.

Несколько долгих минут малыши стояли плотной кучкой, потом мой соперник обратился к ним с какой-то ничего не значащей фразой. Голос был мягкий и доверительный; малыши запереглядывались. Лысоватый присел на корточки, извлек из ножен меч, заставил камушки на рукояти заиграть бликами, приглашая желающих подойти и посмотреть; детишки робели и мялись, однако искушение было велико, и сперва самые смелые, а потом и прочие подтянулись поближе, остановились в двух шагах, жадно разглядывая красивого господина и его удивительное оружие...

На секунду у меня возникла дикая мысль, что лысоватый приманивает малышей мечом, чтобы зарубить их. Что в этом и состоит суть испытания; уже через мгновение мысль лопнула, как пузырь, и я утер со лба неуместный холодный пот.

В чем состояла суть ночного испытания, приблизительно ясно. Что осталось двое из двенадцати претендентов – естественно. Непонятно, кем надо быть, чтобы не впасть в раздражение, будучи разбуженным посреди ночи назойливой бродяжкой с гроздью оборванцев у юбки. Я бы тоже был раздражен, если бы меня таким образом разбудили. Но я, по счастью, не спал.

Что же за Большой заказ готовит князь? Нечто, связанное с детишками? Тогда и второй тур испытаний представляется естественным – приютские дети недоверчивы и одновременно привязчивы, обоих нас видят впервые, кто первый завоеует их любовь – тот и победил.

Я отошел в сторону и присел на скамейку.

Никогда в жизни у меня не получалось ладить с детьми. То есть никогда в моей теперешней жизни. Там, где жил прежний-я, кажется, не было никаких детей. Я и сам тогда был ребенком.

Я-нынешний, теперь уже навсегда измененный я, не видел в детях ничего, кроме обузы. Временной, разумеется, и чужой, потому что своих у меня никогда не было и скорее всего не будет.

В компании обступивших лысого ребятишек обнаружили два лидера, соперничавших между собой за право подержать рукоятку меча. Лысый милостиво предложил сделать это по очереди – но один лидер все же оттер второго, и тот, не желая так просто смириться с поражением, бочком приблизился ко мне.

Стрельнул глазами. Вытаращился, разглядывая мои сапоги, перевязь и ножны; с отчаянной храбростью подобрался ближе...

Я посмотрел на него. Только посмотрел – а он уже слился с толпой сотоварищей, спрятавшись за их спины, и те из них, кто случайно напоролся на этот мой взгляд, тоже попятнулись.

Я встал. Оставил победоносного соперника ворковать в кругу сопляков, вышел из зала, побрел прочь. Затея с Большим заказом вовсе не была безнадежной – но она стала таковой после встречи с Глиняным Шакалом.

На свежевыкрашенном пороге стоял князь. И улыбался так, что я остановился тоже.

– Досточтимый Рио, я готов сделать заказ. Именно вам. Большой заказ.

Я понял не сразу. А когда понял, не особенно обрадовался.

Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи

Девушки так и брызнули от колодца в разные стороны – даже рябая Хивря, так и не успевшая набрать воды и удиравшая с пустыми ведрами. Девушки разбежались – Оксана осталась, и пухлая нижняя губа ее чуть подалась вперед, выдавая решимость:

– Мать сказала... что отдаст меня за тебя.

Гринь стоял, не веря ушам.

– Да, – Оксана тряхнула головой, как бы понукая сама себя. – Сказала, что отдаст... если ты ведьму свою из дома выгонишь! Если сам будешь в хате хозяином, а не ведьма и не вражье отродье. Слышал?

Гринь молчал. Из-за боли в ребрах было трудно дышать.

– Тебя хлопцы побили? – спросила Оксана еле слышно.

Гринь молчал. Оксана водила пальцем по старому коромыслу. Чего-то ждала.

– Чего молчишь? Слышал, что я сказала?

Из-за туч проглянуло солнце. Отразилось на беспокойной воде в деревянных ведрах, легло на Оксанины румяные щеки, блеснуло на белых зубах, в черных, как сливы, глазах.

– Ты думай, – сказала Оксана нервно. – А то... мать говорит, что этой зимой точно будут меня отдавать. Вон Касьян собирался сватов присылать...

– Пойдешь за Касьяна? – спросил Гринь, с трудом разлепив больные губы.

– И пойду! – Оксана вскинула подбородок. – Лучше за нелюбом пропасть – чем с ведьмой... в одной хате!

– Моя мать не ведьма!

– Коли с чортом спуталась...

– Молчи!

Оксана замолчала. Глаза, черные, как сливы, мгновенно увлажнились. Маленький нос покраснел.

– Не ходи за Касьяна, – сказал Гринь хрипло. – Я свою хату построю. Отдельно жить станем.

Оксана безнадежно покачала головой:

– Нет. Меня зимой отдадут уже. Не станут ждать. И потом... все равно ты ведьмин сын.

Всхлипнула. Подцепила на коромысло ведра, побрела прочь, роняя капли на снег.

На Гриня смотрели. Из-за всех калиток, из-за всех плетней.

Ой, гоп, чики-чики, каблуки за раз стопчу...

Той осенью у Гриня как-то сразу побрили усы.

Он две недели ишачил на попа; света белого не видел – зато теперь явился на вечерницы, ведя за собой музыкантов.

Пусть народ шепчется, что, мол, чудит парень. Отца похоронили, в хате шаром покати, а сирота на заработанные денежки музыку заказывает. Пусть болтают – зато молодежь рада, девушки переглядываются, а парням завидно!

Музыканты жарят плясовую – а Гринь идет через всю площадь к девушкам. И без того румяные девичьи щечки вспыхивают ярче, но Гринь идет и не останавливается, и, только оказавшись перед Оксаной, протягивает руку:

– А пошли танцевать...

И она, смутившись, идет.

Ой, гоп, чики-чики...

Мир красный. Мир желтый, синий, пестрый, летит, кружится, неподвижным остается только Оксанино лицо – черные влюбленные глаза.

Рвется ожерелье из красной рябины.

Звенят цимбалы, хрипит лира, игриво повизгивает дудка. Гринь так бьет каблуками о землю, что со старого сапога срывается подкова – да так и остается лежать в пыли, среди растоптанных рябиновых ягод.

* * *

Вода в проруби чернела, как смола. С берега тянулась одинокая тропка – видно, ходила по воду мельничиха Лышка.

Гринь стоял и смотрел в стылую полыню.

Он был еще мальчонкой, когда зимой утопилась соседская Килина. Говорят, водилась с заезжим красавцем – кулачным бойцом, вот и прижила ребеночка, да не стерпела позора и прыг – в прорубь...

Этого бойца Гринь потом видел на чьей-то свадьбе. Танцевал он, как бес, мел улицу красными штанами, и бабы шептались, а мужики хоть и поглядывали хмуро – но ничего, не гнали.

А Килина лежала на возу, вся покрытая льдом. Ее выловили где-то внизу по реке, прикрыли рогожей и так везли – а мороз был трескучий, и когда Гринь, верткий и любопытный, пробрался сквозь толпу на площади перед церковью, а Килинин отец приподнял рогожу... Гринь успел увидеть и запомнил навсегда. Девушка как живая, с очень длинными обледенелыми волосами, и вся во льду, вся во льду, и лед в открытых глазах.

Черная вода в проруби подернулась рябью. Гринь плакал.

Вошел как хозяин. Скинул сапоги, уселся на лавке, уперся руками в колени.

Мать стояла у сундука. Крышка была откинута, на крышке отдельно лежали праздничные плахта, и рубашка, и пояс, и цветной платок; отдельно развешаны были детские сорочечки – тонкого полотна, еще Гриневы.

– На кладбище был, – сказал Гринь тихо.

Мать посмотрела почти испуганно. Ничего не сказала.

– На кладбище был. У отца на могиле.

Мать тяжело наклонилась. Вытащила из сундука сверток, встряхнула: полотно для пеленок. Желтоватое, тонкое, много раз стиранное.

Гринь стиснул зубы.

Налететь. Ударить. Схватить за волосы, волоком протащить через всю комнату, выбросить в сугроб...

Мать перевела дыхание; живот ее явственно выпирал, и Гринь вдруг с ужасом понял, что он заметно вырос – всего за два дня!

– Когда братишку мне подарите? – спросил Гринь чужим каким-то, заскоружлым голосом.

Мать отвернулась.

– На будущей неделе жди.

– На будущей неделе?!

Мать бережно разбирала старые вещи. Развешивала на крышке сундука.

– Ох, вражье отродье, – тихо-тихо застонал Гринь. – Быстро же вы его выносили... Ровно крысенка!

Мать на секунду приостановилась – и снова взялась за дело, и руки ее двигались ловко, быстро, такие знакомые руки...

– Вражье отродье! – крикнул Гринь, поднимаясь. – В прорубь за ноги выкину! Коли хотите, чтобы жил ваш ублюдок, – ступайте из батьковой хаты, чтобы духу здесь...

Занавеска над печью откинулась. Выглянули раскосые, с желтым блеском глаза; против ожидания, Гринь не испугался. Наоборот – при виде исчезника, греющего бока на отцовской печи, подступающие слезы разом высохли:

– Вот как, значит. Значит, так...

Он шагнул к двери, пинком распахнул, впуская в хату кислотоватый запах сеней:

– Вон. Из батькового дома... Пошли вон!

Мать застыла у своего сундука. Скомкала Гриневу детскую рубашечку, уткнулась в нее лицом.

Исчезник свесил ноги с печи. Он был бос, на правой ноге четыре пальца, на левой – шесть.

Спрыгнул на пол. Сейчас, при свете, он не казался таким страшным – длинные глаза близоруко щурились, черные собачьи губы были странно поджаты: не то свистнуть собирался исчезник, не то плюнуть.

– Не боюсь! – сказал Гринь, чувствуя, как дерет по шкуре противный мороз. – В скалу свою забирай ее... В скалу, где сидишь! Там пусть нянчит пашенка своего!

Рука исчезника протянулась, казалось, через всю комнату. Четыре длинных пальца ухватили пасынка за горло, и свет для Гриня померк.

Темнота.

Рио, странствующий герой

Ливень едва прекратился – а тучи сгустились опять, и ясно было, что нового дождя не миновать.

По улицам бродили подметальщики с метлами из мочала. Аккуратно очищали мозаику от принесенного водой песка, от жидкой грязи. Толку в их труде было немного – когда дождь польет снова, очищенные мозаики вновь затянутся грязью; тем не менее подметальщики с упорством, заслуживающим лучшего применения, бродили и бродили, мели и мели...

Несколько часов я потратил на блуждание по городу. Относительное безлюдье позволяло разглядеть мозаику без помех; я шел, смотрел попеременно под ноги и по сторонам, добрался до предместий, миновал несколько кварталов, повернул опять к центру... Мозаика интересовала меня все меньше и меньше.

Если на улице вам попадется дом, когда-то богатый, а теперь обедневший, если вы встретите заброшенную кузню или пострадавшую от пожара лавку – ничего особенного не придет вам в голову, в большом городе нередки и взлеты, и несчастья. Но вот если разорившиеся дома, заброшенные мастерские и унылые лица попадаются на каждом шагу – тут невольно впадешь в меланхолию.

Детали. Я привык обращать внимание на детали: как странно посмотрела на меня женщина, прогоняющая с улицы играющих детей. Как вздрогнул мастерской, у которого я хотел спросить дорогу.

Над городом висела тяжелая темная туча, и чем больше я гулял, тем тягостнее становилось на душе. Как будто туча принесла с собой не только дождь, но и безнадежность и страх.

Возможно, всему виной мое дурное настроение? Или мне мерещится?

Снова пошел дождь. Приближалось время, назначенное князем для аудиенции.

Зевак на центральной площади было меньше обычного. Я остановился перед мозаичной стеной; бархатные канаты ограждения намokли, обвисли и сочились водой. Косые капли падали на лица, сложенные из агата, яшмы и аметиста, – мне вовсе не казалось, что мозаичные властители плачут. Скорее потеют, обильно потеют, будто там, по ту сторону стены, сегодня невыносимо жарко.

Я стоял и смотрел на князя. На его чуть отреставрированное благородное лицо – большая часть зевак и не догадывается о реставрации, и я бы не догадался, если бы не привычка обращать внимание на самые незначительные, казалось бы, мелочи.

(Кстати, тот прежний-я, к которому нет возврата, никогда не останавливался на мелочах. Он видел вещи целиком, не вдаваясь в детали, и он не заметил бы, что раствор, крепящий крохотные осколки камня, на лице князя чуть более темен. Зато он, потерянный прежний-я, сразу осознал бы некое несоответствие, неправильность мозаики и, возможно, даже догадался бы, в чем оно кроется.)

Я перевел взгляд на изображение старого князя. Благополучно почившего шесть лет назад, похороненного в родовом склепе...

Вот оно.

Тот рыцарь из видения, тот самый, что посетил мертвецкую сразу же после казни. Вот на кого он был похож! На покойного властителя – прямо как отец на сына.

Рука покойного князя лежала на плече отрока. Мальчика-подростка.

Я быстро перевел взгляд на изображение нынешнего князя.

Ничего похожего. Следы реставрации, совершенно другое лицо. Вспоминается голова на окровавленных досках.

На указательном пальце, сложенном из осколков незнакомого мне камня, темной точкой сидел крупный перстень.

* * *

– Героя, подобного вам, Рио, трудно сбить с толку. И тем не менее вы удивлены?

Я поклонился, не желая говорить ни «да» ни «нет».

Князь усмехнулся уголком рта:

– Дело, которое вам предстоит... требует исключительных качеств. Исключительных даже для героя.

Я приподнял одну бровь.

– Речь идет, как вы уже догадались... или не догадались?... речь идет о ребенке. О младенце, волею судеб рожденном не там, где следовало, и не так, как он того заслуживал. Вам предстоит отправиться в путь, не медля ни минуты, и привезти мне этого... малыша.

Мне показалось – или голос князя действительно дрогнул?

– Простите, Рио, что не посвящаю вас полностью во все перипетии... во все интриги, предшествовавшие рождению этого ребенка. Это... интимное дело. Семейное, можно сказать. И это не моя тайна, Рио; попробуйте догадайтесь, кем этот ребенок мне приходится? – Князь печально улыбнулся.

Мое лицо оставалось непроницаемым. Раздумывать будем после; и без того слишком много догадок, намеков и необъяснимых фактов. Моя стихия – действие, я боец, а не следователь.

Князь прошелся по кабинету. Мягкие сапоги ступали неслышно, золотая корона – тонкий изящный венец со множеством зубцов – лежала на темноволосой голове удобно и непринужденно, как привычная шляпа.

– В таком деле, – сказал я осторожно, – уместен скорее лекарский обоз. Удобная дорожная колыбель, преданная кормилица-нянька – но никак не странствующий герой, чьи руки привыкли к...

Князь кивнул, прерывая меня:

– Возможно. Если бы младенец находился в одном из областных замков, или в хижине козопаса, или в другом хоть и отдаленном, но привычном месте... – он крутнулся на каблучках. – Младенец за Рубежом, Рио. Вам случалось странствовать за Рубеж?

– Нет, – сказал я после паузы.

Князь кивнул, как будто мой ответ вполне устроил его:

– Вот и объяснение... почему я посылаю не доверенную няньку, а героя. Верно?

Я поклонился снова. Если бы мой собеседник не был князем – возможно, я не удержался бы и буркнул раздраженно: «С этого следовало начинать!»

С этого действительно следовало начинать. Что путь предстоит за Рубеж, а за несчастным ли младенцем, или за беглым преступником, или за мешком золота – уже не так важно.

У меня не было опыта общения с венценосными. Те, чья «тень венца» сделана из дерева или меди, в расчет не идут; на всякий случай я сдержался.

– Я помогу вам, Рио. Я дам вам визу для проезда через Рубеж, проводника и магическую поддержку. Любые разговоры о конфиденциальности считаю излишними. Это... очень закрытое дело. И в то же время очень срочное, потому что речь идет о жизни ребенка. Ребенку угрожает смертельная опасность, Рио. Вы должны успеть. Заклинаю... памятью вашего отца.

Князь взглянул мне прямо в глаза и долго не отводил взгляда, так что в конце концов мне пришлось потупиться.

Когда мой отец взошел на эшафот, мне было три года. И доверенный человек, находившийся рядом все время, пока длилась казнь, передал потом моей бабушке, что отец думал только обо мне – чтобы меня не нашли, чтобы до меня не дотянулись, чтобы я вырос и, возможно, отомстил...

Нынешний князь никогда не был знаком с моим отцом. Но он хотел произвести на меня впечатление – и произвел его.

– Я успею, – сказал я медленно.

Я отомстил-таки. Два десятка прямоходящих гиен во главе с бригадиром Золотая Узда – и ни один не умер от моей руки. В тот раз роль палача выполнила стая хищных птиц.

А до заказчиков я так и не добрался. Они перерезали друг друга прежде, чем я успел дотянуться до их шей; так или иначе – долг выполнен, цена заплачена, и я не умер... Вернее, умер, но только наполовину.

Властитель подошел к окну. Снаружи сеял и сеял дождь, в комнате потемнело совсем уж по-зимнему, время зажигать светильники.

– Рио, – голос князя снова изменился, сделавшись сухим и отстраненным. – Вы приехали в город издалека... Вы ничего не заметили?

– Заметил, – сказал я после паузы.

– Тучи, – князь смотрел на небо, но было совершенно ясно, что речь идет не о погоде. – Тучи... все труднее дышать.

Я ждал, что он продолжит, – но он молчал, стоя ко мне спиной, поблескивая венцом на темном затылке; не дождавшись объяснения, я заговорил сам:

– Властителю известна причина?

Он резко обернулся. Подошел ко мне, положил мне руку на плечо; я невольно вздрогнул – рука была неожиданно тяжелая.

– Рио... Привезите мне ребенка.

Он снял руку с моего плеча. Громко позвал, обращаясь в пустоту:

– Сале!

Открылась боковая дверь.

Та самая бродяжка, что не так давно переполошила лучшую в городе гостиницу ревом многочисленных оборвышей, стояла передо мной в дорожном костюме. Волосы были аккуратно уложены под шляпу, никаких младенцев не было и в помине.

– Это магическая поддержка, которую я обещал вам, Рио. Она же проводник и консультант.

Женщина изобразила поклон:

– Меня называют Сале... Не шарьте взглядом, у меня нет никаких детей и никогда не было. Уловка, маскарад.

Она поймала из воздуха сверток с кряхтящим младенцем, покачала на руках, небрежно выпустила – сверток растаял в воздухе. Женщина устало усмехнулась:

– Вот так...

Я молчал минут десять. Потом обернулся к терпеливо ожидавшему князю:

– Но... я и мои подельщики давно сплотились, и присутствие чужого...

– Такова специфика заказа, – холодно, совсем по-деловому перебил властитель. – Большой корабль не выйдет из бухты, если маленькая лодочка не укажет дорогу среди рифов. Возвращайтесь скорее, Рио. Я верю в вас.

Старичок в суконных нарукавниках долго рассматривал мою левую ладонь. Пожевал губами, достал из ящичка иглу, зловещую, как орудие пытки, но при этом, видимо, золотую. Примерившись, всадил мне в основание большого пальца; боли не было, но показалась кровь.

– Желаю успешного перехода через Рубеж. У вас есть для этого все необходимое.

За моей спиной молчали, ожидая своей очереди, к'Рамоль и хмурый Хостик.

Повезло.

Обычному человеку, чтобы добраться до старичка с золотой иглой и получить визу для прохода через Рубеж, требуется полгода времени и немалые траты, и то нет никаких гарантий...

А нам, по прямому княжьему приказанию, поставили визу бесплатно и сразу.

Глядя на свою чуть припухшую ладонь, я подумал, что теперь-то стану ходить через Рубеж едва ли не каждую пятницу. Посмотрю на миры...

– Удачи, – сказал старичок.

Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи

Той ночью на лагерь чумаков навалились разбойники – но врасплох не застали. Сильно поранили седоусого Брыля, огрели по голове Гриневого однолетка Лушню и отступили, догадавшись, что легкой поживы не будет. Утро поднялось над черным кострищем, над составленными в круг возами, над привычными ко всему, хмурыми, черными от солнца людьми. Брыль стонал на возу, Лушня часто сглатывал и держался за разбитый лоб. Один разбойник лежал в туче мух, и с него уже стянули сапоги; другой, туго связанный вожжами, безумно зыркал по сторонам и, в отличие от Гриня, знал уже, что с ним будет.

Дядька Пацюк, чьи плечи были шире воза, а руки свешивались почти до колен, слил остатки воды из кожаного мешка в казан из-под каши, и все чумаки по очереди – и Гринь! – в зловещем молчании сыпанули туда каждый по горсти серой соли. Пацюк помешивал палкой,

разводя соль в теплой воде; потом взял жестяную воронку и вместе с тремя самыми крепкими мужиками пошел к связанному.

Лушня едва держался на ногах, но все равно пошел посмотреть. Гринь отвернулся – разбойнику вливали в глотку густой соляной раствор. Потом крепко связали по рукам и ногам и, разрезав штаны, пеньковой веревкой перетянули соленой воде выход.

Медленно зашагали волы. Заскрипели колеса, закачалась кадушка с дегтем; Гринь шагал, потрясенный, вылупив глаза, разинув рот, не слыша черных чумацких шуток.

Вставало солнце. Обещало связанному разбойнику долгую, долгую смерть.

Потом сломалась ось. Остановились волы, запререкались погонщик с дядькой Пацюком, кашевар Петро невозмутимо взялся готовить кулеш – пока разгружали потерпевший воз, да пока снимали колеса, да пока меняли ось, да бранили недобросовестного кузнеца...

Гринь все оглядывался. Ему даже казалось, что он слышит первые крики умирающего разбойника.

А стоянка затягивалась. Поставив ось, сели завтракать; на куске полотна рядом с хлебом, десятком луковиц и куском сала лежал длинный резницкий нож.

Ветер поменял направление – и Гринь явственно услышал вопль. На этот раз не помешалось, нет!

Когда кашевар обнаружил пропажу ножа – Гринь уже бежал, пригибаясь, хоронясь за стеной травы, возвращался к месту ночевки, добежал, остановился, чувствуя, как бухает сердце – и отдается в голове, в груди, в руках...

Разбойник перевел на него мутный, безумный взгляд. Над ним вились мухи; Гринь замер с разинутым ртом, судорожно стиснул рукоятку ножа – зачем только вернулся?!

Разбойник застонал и вытянул шею. Как ягненок перед резником, ягненок с подбритой шеей, покорно подставляющий себя под нож.

Темная лужа на вытоптанной траве. И мало воздуха, мало, хотя кругом целая степь.

Гринь бегом вернулся к своим. Усмирил дыхание, явился как ни в чем не бывало, будто по нужде отлучался; оказалось, впрочем, что не только дядька Пацюк – все прекрасно все видели и давно все поняли.

На тот раз ему удалось легко отделаться – ну, приспустили вожжами шкуру, ну, поучили законы уважать... А больше всех ярился кашевар Петро – за нож, который Гринь так и бросил в степи.

– Сыночек... Гринюшка... ох горе горькое...

Он открыл глаза; материно пузо нависало над ним, ничего больше не было видно: ни лица заплаканного, ни натруженных рук, только пузо, где скрывалось чадушко, которое не по дням, а по часам растет.

– Пустите!

Вывернулся из-под ласк. Сел, поднялся, босиком побрел на двор – по нужде.

Снег таял под жесткими, потерявшими чувствительность ступнями. Утро? Вечер? Синеет небо, белеют столбы дыма над дымарями, чернеет одинокая ворона на плетне...

Выкинул ли его исчезник из дома? Или он исчезника выкинул? Или попугал только, покричал, а чортово племя его за горло – хватать!

Вернулся в дом. Ни слова не говоря, не глядя на мать, нашел торбу, ту самую, с которой пришел с заработков. Полез в тайник за печкой, вытащил мешочек с деньгами... Задумался. Отсыпал половину, кинул на стол – матери. Прочее затянул бечевой, положил за пазуху. Обулся. Взял шапку, кожух.

– Гринюшка, – сказала мать тонко, как девочка. – Не держи зла на меня! На том свете отплатится мне, ох, отплатится... А ты не держи.

Гринь молчал, затягивая пояс.

– Ты парень видный, работающий... красивый. Будет счастье тебе!

Гринь не выдержал – ухмыльнулся криво.

– Будет, будет счастье! На могилу батькину придешь – скажи отцу, чтобы не гневался...

Все так же молча он притворил за собой дверь.

Перед порогом лежал, глубоко врытый в землю, старый осколок жернова. Лет сто вот так лежит: и перед старой хатой лежал, а когда новую справляли – и камень перетащили. Гринь, едва на ноги поднявшись, на камень становился. И отец его становился, когда без штанов бегал, и дед...

Забрать бы камень с собой – так сил нет. Как нет сил, чтобы из дому вышвырнуть змею эту, родительницу свою.

Село поглядывало из-за плетней, из-за иinea на окошках; столбы дыма подпирали небо, как колонны в том белом храме, который Гринь видел один раз в жизни – в невероятно далеких странах. Хотел рассказать матери, думал Оксане похвалиться...

Перед Оксаниными воротами остановился, но стучать не стал. Ждал, пока охрипнут собаки; наконец скрипнула дверь, вышел Оксанин отец – нестарый еще, высокий мужик, почти с исчезника ростом.

– Не отдавайте Оксану за Касьяна, – сказал Гринь, как железом прижег. – Я дом справлю богатый за рекой, в Копинцах. Одну зиму подождите. Землю куплю... работать буду, спину крюком согну... будет куда жену привести! Не отдавайте за Касьяна!

– Обещалка – трещалка, на хлеб не намажешь, – медленно сказал Оксанин отец. – У меня четыре дочки, Оксана старшая. За второй уже женихи вьются, а отдать не могу, пока Оксана не пристроена. Да и слыхано ли – свекровь ведьма!

Гриню нечего было сказать. Облизнул губы, поправил торбу на плечах; Оксанин отец подождал-подождал, да и ушел за ворота, походя велел псу заткнуться.

На заиндевевшем стекле темнело круглое смотровое окошко. Черный заплаканный зрачок.

* * *

Гринь третий день сидел в Копинцах, в шинке, когда явилась, запыхавшись, шинкариха. И, почему-то оглядываясь, сообщила, что за рекой, говорят, одна баба чертененка рожает – так вопит, говорят, что все село побегалось!

Гринь был тяжел от выпитого и съеденного – а новость и вовсе прибила его к столу, как сапог муху.

И снова на него поглядывали – не в силах скрыть любопытства; все, все давно знали – и что за баба, и что за чертененок, и теперь неторопливо обсуждали, пыхкая трубками, поглаживая усы:

– Чертененка, вестимо, трудно выродить... рогами, поди, цепляется!

– Нету рог у него! Мельничиха, говорят, видела батьку его, исчезника. Так ни рог, ни хвоста. Нос, как у цапли, и очи, как у сыча, а так больше ничего, только здоровый сильно.

– Тихо... Тихо, говорю! Разболтались... накличете. Вот помянете мои слова, накличете чего...

– И точно! Молчите. Неча поминать...

Гринь бездумно проверил, на месте ли деньги. На месте – уже и рубаха, поди, продырявилась в том месте, где о мешочек трется.

Взял со скамьи торбу. Поставил снова; обвел шинок мутными глазами, ждал, что кто-то будет зубы скалить, над ним, Гринем, над матерью его потешаться. Ждал и желал этого – кулаки чесались, а душа зудела. Так хотелось душе, чтобы кулаки поработали всласть, чтобы чужие зубы трещали, а носы сворачивались набок!

Но и все, кто сидел в тот день в шинке, понимали, что творится на душе у Гриня. И все глаза потупились, все улыбки спрятались, никто и не глядел в его сторону – будто его и не было. Тихо стало в шинке, тихо и благостно, только челюсти жевали, только кошка умывалась на пороге – чисто-начисто, розовым шершавым языком.

А пинать кошку Гринь с младенчества не приучен был. Забросил торбу на плечо и вышел – только дверь хлопнула.

Под мостом, у проруби, возилась мельничиха Лышка. Увидела Гриня, разинула было рот, чтобы выдать новость, – но поймала его взгляд, втянула голову в плечи и быстро-быстро захрустела по снегу прочь, даром что ведра тяжелые.

Гринь шел по знакомой улице.

Бежал.

Бежал, торба больно хлопала по спине, разлетался снег из-под сапог, шапка съехала на лоб, Гринь сбросил ее и швырнул в сугроб.

Перед домом редкой толпой стояли соседи. Кузнечиха, бондарь с женой, Чуб, у которого шестнадцать сыновей, Глечик, у которого самое большое на селе поле...

Увидев Гриня, испуганно расступились.

Он прошел между их взглядов, как челнок в ткацком станке проходит между натянутыми нитями. Навстречу ему сама собой открылась дверь. Баба Руткая, вечная повитуха, она не только Гриня принимала, но и, кажется, отца его.

Баба Руткая умела «завязывать пуп» не просто так, а «на судьбу». Матне, например, завязала на обухе – чтобы был мастеровитый. А Гриню, по просьбе матери, – на книжке, чтобы грамотный был. Только у Матни руки как крюки стоят, а Гриня хоть и лупили в школе розгами – читать выучили плохо.

Гринь стоял перед Руткой и думал, на чем завязан пуп у исчезникового сына. На коровьем копыте?..

– Померла, – буднично сказала баба Руткая. – Стара уже рожать-то... Освободилась, бедняга. Отмучилась.

За спиной у Гриня зашептались, заговорили.

Гринь стоял как оглобля. И стоял так, не слыша ничего и не видя, пока в хате, в оскверненном отцовском доме, не замяукал младенец.

* * *

После похорон Гринь угостил людей всем, что нашел. Выпили, вытерли усы, молча помянули, разошлись; людей было мало, только ближайšie соседи да еще пьяницы, которым только чарку пообещай – и в пекло припрутся.

Поп не спешил уходить. Допил вторую чарку, странно, из-под брови посмотрел на Гриня, крякнул:

– Поговорить бы, чумак...

Гринь вышел с ним в сени, а потом и во двор. Закат был яркий, и в тон ему цвел снег, багряный, и желтый, и розовый.

Гринь был до слез благодарен попу. За то, что не побрезговал, пришел и справил все как надо. За то, что разрешил на кладбище хоронить – правда, в самом дальнем углу, у пустоши, но все-таки в ограде.

Поп остановился. Поморщился, посмотрел Гриню в глаза; Гринь ждал этого разговора – и все равно втянул голову в плечи.

– Дите... как?

Дите, Гринев новорожденный брат, сладко проспал все поминки. За печкой, в приготовленной матерью корзине. В сухих пеленках. Многие из поминавших в тот вечер несчастную

Гриневу мать и знать не знали, что он выжил – как-то само собой считалось, что и дите закопали тоже.

Гринь, преодолев отвращение, рассмотрел братишку. Ни рогов, ни копыт, ни хвоста у младенца не было. Хороший младенец, только на правой руке четыре пальца, а на левой – шесть. То же и с ногами.

– Нечистое это дите, чумак. Непорядок, что Ярина померла, а этот остался... Не к добру.

– В хате кадили, – сказал Гринь запекшимися губами. – Побрызгали, освятили... Ничего ему не сделалось.

– Кабы так просто, – поп поморщился снова. – В хате образа, а *этот* ... не называть бы... под образами... повадился...

– Что делать-то, батюшка? – спросил Гринь. – В монастырь бы отдал его... так до монастыря дорога двое суток, по лесу, замерзнет...

– Кормишь его? – отрывисто спросил поп.

Гринь сглотнул:

– Молоком. Еще куклу ему свернул из хлеба жеваного.

– Кормишь, – повторил поп с непонятым выражением. – Ну, корми...

Вернулся в дом и спустя пять минут ушел – благословив соседей, а в сторону Гриня и не обернувшись.

А еще спустя короткое время Гринь остался в хате один – только огонек под образами, да младенец в корзине, да стол с остатками трапезы.

Стиснув в кулаке свечку, Гринь долго стоял над колыбелью. Личико младенца, вчера еще красное и сморщенное, сделалось теперь гладким и розовым, на лбу лежал черный завиток, подрагивали губки, сосущие несуществующую материну грудь; то ли от света, то ли от Гринева взгляда, то ли просто время пришло – но длинные глаза младенца раскрылись. И не мутно-голубые, как вчера, – темно-карие, как у самого Гриня.

«Ну, корми», – сказал поп.

Младенец запищал. Не бессмысленно, как вчера, – жалобно. Гринь вытащил из кринки «куклу», чистую тряпочку, завязанную узлом, а в узле – молочная каша пополам с жеваным хлебом.

– Жри!

Младенец зачмокал. Гринь смотрел на него, и чем больше смотрел – тем плотнее становилась темень, тем тяжелее была решимость.

Вот вроде и на мать похож. И на самого Гриня похож, а раскроет глазки – чорт глядит с махонького личика, исчезник проклятый, мать погубивший, Гриня погубивший, людской род ненавидящий!

– Соси-соси... слюни-то не пускай! Жри, братишка, жри, отродье, дома, поди, не стесняйся...

Бормоча под нос, Гринь приладил к корзине две ременные ручки. Укутал сверху материным теплым платком – да так и взвалил на спину, привычно, словно торбу с пожитками.

Младенец чмокал под платком, будто все равно ему. Гринь оставил хату отпертой – все равно никто не придет.

Ночь стояла темная. Небо затянуло тучами, ни звездочки, ни огонька; собаки перебраживались лениво – мало ли, пьяница засиделся в шинке и идет домой за полночь... А мороз такой, что и заснуть в сугробе ничего не стоит, а уж поутру станут будить – не добудятся...

Чем дальше Гринь шел, тем легче становилось шагать. И на душе легче, и ноша казалась почти невесомой, и снег – неглубоким, утоптаным.

Когда вышел на берег, темнота показалась совсем непроглядной. Только старая, еще детская, память помогла найти мост и ту тропинку, что ведет от моста вниз, ту самую, по которой ходит мельничиха Лышка.

Только однажды Гринь оступился и упал, но снег был мягкий, а младенец в корзине только захныкал недовольно – и сразу же замолчал. Ступив на лед, Гринь пошел осторожнее – недалеко и в полынью ухнуть.

Полынья была как черное окно. Гринь услышал, как тихонько хлюпает подо льдом вода – дожидается лета.

Снял корзину с плеча. Отер лоб, хотя пота не было и в помине, наоборот, брови заиндевели. Посмотрел на небо – черно, только в редких просветах еле-еле проглядывает лунный свет.

Младенец завозился в корзине – будто почувствовал неладное. Или мороз этой ночи проник наконец под теплый платок – единственное, что осталось ублюдку от матери. Будто мать укрыла собой корзинку, не давая чаду замерзнуть...

Гринь вспомнил, что ни камня не взял с собой, ни веревки. И тут же подумал, что в полынье и камня не надо – кинуть под лед, вниз по течению – и вся недолга.

А завтра, купив новый кожух, пояс и шапку, прийти к Оксане. Швырнуть на стол мешочек с золотом, швырнуть новехонькую шапку к ногам родителей: отдайте! И пусть попробуют не отдать!

Гринь скинул платок с корзины. Запустил руки во влажное тряпье, крепко взял братца поперек тела, вытащил из люльки, понес к полынье.

Младенец не пищал. А Гринь боялся его писка – начнет верещать, как человеческое дитя, растревожит, собьет с толку...

Младенец молчал. Не чмокал, не кряхтел, не хныкал, и в темноте Гринь не видел ни лица его, ни глаз бесовских, ни ручек, четырехпалой и шестипалой...

Налетел ветер.

* * *

– Ну уймись! Уймись... уймись...

Мать, оказывается, заранее заготовила любистка, и ромашки, и мяты, и всех трав, в которых купала когда-то Гриня.

– Уймись...

Гринь вытер орущего ребенка, спеленал в чистое. Уложил поперек сундука – младенец затих сразу, как будто его задушили, Гринь даже подошел посмотреть, не случилось ли чего – но нет, младенец просто спал и посапывал во сне.

Гринь сел на лавку, за неприбранный поминальный стол и уронил голову на руки. Закричали петухи, завопил в сарае старый горлач. Замычала недоеная корова; только тогда Гринь встал, бездумно, как сонный, пошел в хлев, выдоил Лыску, долго и непонимающе смотрел на подойник с парным молоком...

Скрипнула за спиной дверь. Гринь обернулся – никого. Виляет хвостом Бровка, а уж он не молчал бы, окажись во дворе чужой.

– Забрал бы сына, – сказал Гринь хрипло.

Молчание.

– Забрал бы сына... Придушу ведь... соберусь с духом – и придушу!

Порыв ветра напомнил ему ночь, плеск воды в проруби и собственный дикий страх. Потому что ребенок, которому кричать бы во все горло, смотрел и молчал.

Едва не сделал. Едва не исполнил, вот ужас-то, а исполнил бы – следом бы в прорубь кинулся. Так и стали бы перед Богом – убийца и убиенный, оба во льду.

Ведь и тогда, в степи, когда возвращался с ножом к связанному разбойнику – выпустить хотел, путы порезать, о другом не думал. Это только когда разбойник шею вытянул, показал, что делать надо, – тогда Гринь и решился, овец-то видел, как режут... И сам помогал.

Одна жизнь загубленная на его счету есть. Но то ведь разбойник, которого Гринь от мук избавил, а здесь...

Мать любистка приготовила. А Гринь ее сына – в ледяную купель хотел, чтобы потерчком стал, у водяного в приемьшах, чтобы сторожил братца на берегу лунными ночами...

И ведь подстерег бы.

– Забери малого, слышишь? Чертяра...

Высокая тень колыхнулась, как отражение в воде.

Гринь разинул рот. Привидение! Призрак. Свят, свят...

Младенец лежал на столе, среди пустых бутылок. Распеленутый, перевернулся уже на живот, пытался ползти; на шее болталась цепочка, Гринь, обмерев, подошел, присмотрелся...

Медальон был круглый и тяжелый, Гринь в жизни таких не видел. Внутри лежала на крохотной подушечке... оса; тончайшей работы, из чистого золота.

Рио, странствующий герой

Я ехал впереди. Хостик отставал на полкорпуса; за нашими спинами к'Рамоль пытался разговорить нежданную спутницу, но Сале отвечала односложно, не так чтобы угрюмо, но и не очень приветливо. Очень скоро я перестал прислушиваться к их беседе – мне было о чем подумать.

Итак, неизвестный младенец, который дорог князю, как родной сын. Почему дорог? Мне так показалось. Всякий раз, когда князь заговаривал о предмете наших поисков, голос его менялся; логично предположить, что этот ребенок небезразличен князю, по крайней мере небезразличен.

Родич? Племянник? Внук, в конце концов? Ведь, если позволить фантазии быть совсем уж смелой – почему у князя не может быть незаконнорожденного сына-бастарда? Почему этот сын, загуляв за Рубеж, не мог бросить семя в подходящую почву – семя княжеского рода, слишком ценное для того, чтобы им вот так разбрасываться.

Крепким, однако, и очень уж смелым получается предполагаемый бастард. Через Рубеж сопляку пройти, что крестьянскую межу переступить – а между тем и многим великим Рубеж оказывался не по зубам!

Князь, надо сказать, действовал решительно и умело. За короткое время ему удалось заполучить двенадцать лучших героев края; а я уверен, шушеры помельче набежало сотни две. Теперь, задним числом, я понимал, что первоначально князь отбирал претендентов по единственному признаку. Как ни разнились между собой двенадцать героев – их объединяла одна немаловажная черта. Каждый из нас имел достаточный опыт, чтобы перебраться через Рубеж без лишней озабоченности.

Жаль, что герои не воюют артелью. Герои эффективны только в одиночку, а потому князю снова пришлось выбирать; кстати, признаки, по которым производился этот окончательный отбор, мне не совсем понятны. Можно было бы предположить, что зачерствевшим в боях воителям князь предпочтет добренького «друга детей»... Но тогда заказ следовало передавать моему лысоватому сопернику. Он заработал это сомнительное звание, не я.

Хостик и к'Рамоль приняли поход за Рубеж скорее с энтузиазмом, нежели со страхом. Оба, оказывается, всю жизнь мечтали побывать там.

А кто, спрашивается, не мечтал?!

Я снял перчатку, снова тщательно рассмотрел свежую отметину у основания большого пальца. Тужить пока не о чем. Все идет, как предполагалось; выполнив Большой заказ, мы одновременно угодим князю и разбогатеем настолько, чтобы путешествовать только хорошими дорогами и только в удобной карете. А князь со своими странностями мне не сват и не брат, и Шакал со своими видениями... что Шакал? Ушел в землю – и камень ему подушкой.

Я глубоко вздохнул, выпрямил спину и оглянулся.

– ... Не саламандры, а саламандрики, – голос у Сале был рассудительный, низкий и хрипловатый. – Их не надо даже потрошить, у них и потрохов нет, только шкура жесткая, шкуру следует сдирать сразу же, пока не остыла. Голод утоляет на сутки, сил прибавляет, ну и мужское естество взбадривает, конечно...

Вот как. К'Рамоль и Сале нашли-таки тему для разговора.

* * *

Вечером, на привале, я воочию убедился в преимуществах охоты на саламандриков.

Под руководством Сале Хостик развел большой костер – в неглубокой земляной выемке, между двух толстенных поваленных стволов. Женщина очень придирчиво отнеслась и к подбору топлива, и к порядку, в котором его следует подбрасывать; потом подобрала юбку, засучила рукава, как заправская рыбачка, и взялась за дело.

Крючок у нее был страховидный, тройной с зазубринами, темного металла. Крючок крепился на тонкой черной цепочке, оставшейся холодной даже тогда, когда опущенный в огонь край ее делался темно-красным от жара.

Пламя плескалось, будто кипящая вода в корыте. Сале бормотала заклинание; то есть мне сначала показалось, что это заклинание, но очень скоро я разобрал, что это просто песенка, вроде тех, что бормочут под нос суеверные рыбаки: «Бери крепче, бери лучше, сладкий крючок, верный поплавок...»

Наживкой послужила старая половина подковы. Я смотрел, забыв о прочих делах, даже нелюбопытный Хостик пришел поглядеть, а к'Рамоль – тот не замолкал ни на минуту, то и дело лез с советами...

Прошла минута, другая; миновало полчаса, мы давно уже разбрелись каждый по своему делу, и только Сале сидела у недогогорающего костра, бормотала неразборчиво и подбрасывала топливо.

К'Рамоль улыбался, поглядывая на ее прямую спину – и ниже. Хорошо, что Сале не видела этой улыбки. Хостик меланхолично развел второй костерок – поменьше, хозяйственный, и скоро мы, не дожидаясь спутницы, принялись за ужин.

– Не вижу радости на твоём лице, Рио, – как бы невзначай проронил к'Рамоль. – Вроде бы мы Большой заказ выиграли? В люди выбились, за Рубеж едем...

Хостик вздохнул.

Я растянулся на траве. Поглядел в звездное небо, перевел взгляд на к'Рамоля. Мельком взглянул на Хостика.

– Ребята... Кто из вас знает... такая тварь, которая и на предмете может жить, на перстне, например... и в человеке может жить. Бывает такое?

– Не понял, – сказал к'Рамоль.

Хостик шевельнул губами; все бывает, прочитал я. Ответ вполне в Хостином духе.

– Казнили одного аристократа, – сказал я, невольно понижая голос, чтобы Сале не слышала. – Голова некоторое время жила отдельно от тела. Потом пришел человек с красным камнем на пальце. Спросил: «Пойдешь ко мне на перстень?» – и отрубленная голова согласилась.

– Это байка? – после паузы спросил к'Рамоль.

– Нет.

– Что же, он так и ходил с отрубленной головой на пальце? – к'Рамоль радостно оскалил зубы. – На ниточке?

– Нет, – сказал я терпеливо. – Голова после этого сразу умерла. Зато перстень ожил.

– Байка, – вздохнул к'Рамоль и зевнул, воспитанно прикрывая пасть ладошкой.

– Нет, – сказал Хостик, и мы оба на него посмотрели.

– Нет, – Хоста говорил еле слышно, но и этого хватало, чтобы от звука его голоса бегали по коже мурашки. – Это Приживник. Так эту тварь у нас в предгорьях называют. Говорят, в старых зеркалах иногда живет. В нехороших местах... в оскверненном оружии. В человека подселается... и хозяина выживает. Выдавливает. Говорили, что...

Дико заверещала Сале. Доля секунды – и мы трое были уже на ногах, причем у меня в руках оказался меч, у Хостика – стилет, у Рама – удачно подвернувшаяся коряга.

Сале танцевала у своего костра, и на крючке у нее...

О чем-то подобном я когда-то слышал. Но вот видеть – не доводилось. Обрывок цепи дымился и прыгал по траве, и подковы на нем не было, зато извивалось чешуйчатое тело размером с небольшую щуку.

Сале завизжала снова. Хостик плюнул, пряча стилет, Рам хихикнул; склонившись над добычей, мы едва не стукнулись головами.

На спине зверя оцетинился игольчатый гребень. Узкие глаза подернулись пленкой, дупалые лапы судорожно прижались к животу. Кусок подковы встал саламандрику поперек горла – в прямом и переносном смысле. Зверь издыхал; совладав с эмоциями, Сале обмотала руки тряпками и ловко, как бывалый мясник, принялась свежевать тушку. К'Рамоль заинтересовался шкурой; оставив его и Сале разделять саламандрика, я взял Хостика за рукав и оттащил от костра подальше.

Он не смотрел мне в глаза.

– Хоста... нельзя всю жизнь помнить зло. Особенно в походе. Особенно на пути за Рубеж... Я тебя не держу.

Он посмотрел на меня с горьким упреком.

– ...и не гоню, – добавил я быстро. – Но мы на серьезное дело идем. Я в тебе уверен. И в Рама. И ты будь, пожалуйста, во мне уверен, а иначе...

Он молчал.

– Хоста, – я переменял тон. – Ты этих... Приживников когда-нибудь своими глазами видел? Или только рассказы?

– Своими глазами не видел, – сказал он после паузы. И добавил беззвучно: – Незачем мне...

У костра балагурил к'Рамоль – ему пришлось по нраву свежие саламандричьи окорочка. Как там говорила Сале – «голод утоляет на сутки, сил прибавляет, ну и мужское естество взбадривает, конечно...».

Приятного аппетита, дружочек Рам.

Только не объешься.

Росистым утром мы растолкали сонного паромщика и перебрались через медленную, в ошметках тумана реку. Левый берег ее был полной противоположностью правому – суровые каменистые холмы, никаких лесов, чахлые деревца жались друг к другу, будто солдаты отступающей армии, отбившиеся от своих и окруженные врагами.

– Рубеж близко, – сказала Сале, ни к кому конкретно не обращаясь.

Никто и не ответил.

На нашем пути лежал длинный овраг с крутыми склонами, живописный, разукрашенный всеми видами степной флоры, прямо-таки звенящий полчищами цикад. Войдя в овраг, мы уподобились бы потоку в жестком русле или колесу в глубокой колее – только вперед либо назад, и ни шагу в сторону. Дорога же по кромке оврага осыпалась, и путник, отправившийся поверху, так и так оказался бы внизу – но со сломанной шеей.

– Поехали, – я свернул в овраг. Сале помрачнела лицом, но ничего не сказала. Хостик и к'Рамоль привычно пристроились сзади.

Очень долго ничего не происходило. Над нашими головами лаковой полоской лежало полуденное небо, каменистые склоны уходили круто вверх – овраг боролся за право называться ущельем. Над порослями диких цветов вились бабочки всех семейств, всех отрядов, я в жизни не поверил бы, что такое возможно. Прежний-я, различавший оттенки цветов, умер бы на месте от восторга, прыгнул бы в траву с сачком наперевес, кинулся, не боясь расцарапать голые ноги...

Спина моя ссутулилась под грузом боевого железа.

О чем я сожалею?! О каком-то сопляке... Эдак любой взрослый может лицемерно вздыхать о ребенке, которым был когда-то – пацан-де и чище был, и светлее челом, и талантливее, и благороднее... Да, Шакал?!

«Нет, – ответил тот, кого я по привычке звал Шакалом. – Ты – всего лишь железный болван с навыками рукопашного боя. А тот, в коротких штанишках – тот был подарком этому миру, чудом, такие, как он, не в каждом поколении рождаются, и если бы тот бедный мальчик дожил до совершеннолетия – кто знает, каким был бы сегодня этот мир...»

– Он все равно не дожил бы, – пробормотал я вслух.

«Да, – сказал Шакал, – но ведь как неприятно быть живой могилой!»

– Стой! – звонко крикнула Сале и натянула поводья, и почти одновременно вскинул руку Хостик.

Тишина – если можно назвать тишиной иступленный хор цикад. Змеиное тело, струящееся в траве, спешащее уйти подальше с нашей дороги...

– Что, Сале?

Женщина напряженно смотрела вперед, туда, куда вводила едва заметная среди камней дорога.

– Хоста, ты что-то чувствуешь?

– За поворотом, – сказала женщина очень спокойно, и спокойствие было искусственным. – Штук двадцать... засада.

Хостик невозмутимо вытащил стилет. Я вздохнул сквозь зубы:

– Рутина... рутина, Сале. Не беспокойся.

В следующую секунду те, кто нас поджидал, вышли из-за поворота.

Да, Рубеж близко. Никогда прежде мне не приходилось видеть таких тварей, даже в сравнении с карликовыми крунгами они представлялись экзотикой.

Больше всего они походили на железных ежей, вставших на задние лапы. На очень больших ежей – посмотрел бы я на крунга, пожелавшего изготовить шипастый шар из шкуры такого вот ежика. Головы существ сливались с туловищем, морды казались не то чтобы человеческими – кукольными, причем вместо глаз мерцали различимые черные бусинки. Спины и затылки были покрыты сплошной порослью иголок, каждая сошла бы за хороший клинок.

– Приехали, – меланхолически пробормотал к'Рамоль.

Ежей было очень много. Сале не ошиблась.

Я подумал и спешился. По всей видимости, единственным незащищенным местом у противника является живот – а бить сверху по шипастым головам представляется малоэффективным.

– Хоста.

Он и так все знал. Стоял за моим плечом, как, говорят, стоит Смерть. Бить буду на поражение – Хостик должен поспевать, чтобы ни один из бедных ежиков не ушел в мир иной от моей руки. Только от Хостиной.

– Пропустите нас, – я, кажется, даже улыбнулся. – Видите ли, согласно давнему княжескому указу все дороги считаются общественными, поселяне обязаны пропускать путников через свою территорию, а если они отказываются – то не поселянами их следует считать, а дикими племенами, и обходиться соответственно... Я понятно говорю?

Болтая, я наблюдал за маневрами ежей. И ситуация казалась мне все менее определенной – мой клинок был ненамного длиннее их иголок, а у парочки особей, пожалуй, иглы были совсем как мой меч.

У ежей иголки – оружие обороны. А как у этих?..

Будто отвечая на мой вопрос, молоденький горячий ежик, стоявший на левом фланге, попытался достать отступающего к'Рамоля. Прыгнул вперед, крутнулся волчком; иглы веером рассекли воздух, лошадь Рама взвилась на дыбы, на лице всадника обозначилась паника:

– Рио!

Из к'Рамоля такой же боец, как из меня лекарь. А ведь еще и Сале...

Молоденький ежик едва устоял – инерция взметнувшейся железной шубы чуть не снесла его с ног. Прочие будут покрепче – вон у ежа-предводителя ножки как пни, такого и таран не снесет!

Один на один этот предводитель – не противник мне. Но до чего их много, перегородили собой ущелье, от железного лязга уши закладывает...

По коням – и бежать, сказал здравый рассудок. Искать обходной путь, я герой, а не охотник на железных ежей... Кстати, если бы ежики кинулись на нас, как собирались, из засады – поход мог бы уже и закончиться. Во всяком случае, без потерь мы бы не ушли.

Предводитель шагнул вперед. Наклонил голову, будто собираясь забодать меня; иглы с его загривка нацелились мне в лицо. И как они только таскают на себе такую грудку железа?!

– Разойдемся полюбовно, – сказал я, ни капельки не веря в мирный исход.

Еж напал.

Он атаковал не в повороте, как молоденький забияка, а кувырком – на это стоило посмотреть. Коротенькие ножки мелькнули в воздухе; завизжала Сале – девчонка совершенно не умеет собой владеть!.. Я ушел от двух десятков падающих клинков; за спиной застучали копыта – к'Рамень покидал поле боя и правильно делал. Еще бы эвакуировать Сале...

Доля секунды. Каскад смертоносного железа, рассекаемый воздух – и незащищенная полоска живота на расстоянии клинка.

Я поймал его.

Меч окрасился темным. Еж пошел на очередной кульбит – но приземлился уже на четвереньки, скорчился, прижимая к животу маленькие трехпалые руки, сделал попытку свернуться клубком.

Я рубанул, отсекая сразу несколько иголок. Спина ежа оказалась покрыта костяными чешуйками; Хостик хладнокровно всадил свой стилет в едва приоткрывшуюся щель. Я отпрыгнул.

Ущелье, приведшее нас в засаду, на этот раз спасло нам жизнь. Ежам просто негде было развернуться; я рубил и рубил, двигался «между секунд», Хостик исправно колот и колот стилетом – но противник давил числом, грохотало, как в кузне, как в брюхе железного дракона, меня оцарапали раз и другой, пока несерьезно, но ситуация все более напоминала бойню.

Прямо передо мной оказалась морда молодого ежа, молодого, потому что шкура на щеках была гладкая, без морщин, а бусинки-глаза совсем глупые, как у щенка. Еж напряженно смотрел куда-то мне за спину, я ткнул мечом, не оборачиваясь, некогда мне ворон ловить...

В следующую секунду передо мной были одни удаляющиеся спины. Противник отступал, но не в панике – выглядело это так, будто отважные ежики вдруг вспомнили, что на печке осталась кастрюля с молоком.

Я оглянулся – и застал уже распадающийся фантом. Увидел толстоцековую ежиху в окружении тающих в воздухе ежат. Ежиха неуловимо напоминала Сале – может быть, потому, что покровы иллюзии спадали; через секунду на месте ежихи стояла некрасивая женщина, прижимающая к груди воздух, и глаза у нее были круглые, перепуганные и радостные одновременно.

Я шагнул навстречу Сале, намереваясь обнять ее, как боевого друга. И объяснить, какая она молодец, как здорово соображает и как умело реализует удачные идеи...

Но в этот момент Хостик расхохотался.

Он смеялся от радости и неприлично показывал на Сале пальцем, и смех его эхом прыгал от стены к стене. Знаменитый голос Хостика, который, однажды услышав, вовек не забудешь. Голос, обращавший в бегство орды разбойников, голос, из-за особенностей которого Хоста почти все время молчит.

У Сале задрожали губы. Сале побелела как мел, судорожно зажала уши ладонями – и я с опозданием сообразил, что до сих пор Сале считала нашего друга немым.

Хостик отсмеялся. Вытер губы тыльной стороной ладони, виновато покосился на Сале и побрел по полю боя со своей миссией милосердия.

Ежиков на поле боя осталось меньше, чем я боялся. Мне казалось, что я штук десять положил – какое счастье, что я ошибся. Предводитель, правда, лежал там, где упал, и еще двое были безнадежны – но молодой еж, последняя моя жертва, понемногу подавал признаки жизни.

– Стой, Хоста...

Занесенный стилет замер в воздухе. Удивленный взгляд – стоит ли мелочиться?!

– Погоди.

Топот копыт. Рам решил, что самое время наведаться.

– Эй, лекарь! Поди сюда, есть работа.

– Этих лечить?! – к'Рамоль едва не выпал из седла. – Да они же...

– Поди сюда, кому сказано?

Рам повиновался.

Возможно, молодой ежик еще будет жить.

Даже скорей всего.

* * *

– ...Что ж, Сале, мы теперь товарищи?

Шел пятый день похода. Сале держалась непринужденно; от нее действительно было много пользы – не только в качестве добытчика саламандриков. Время шло, еще через несколько дней предстоит взятие Рубежа – а значит, пора поговорить.

– Похоже на то, – отозвалась женщина мне в тон.

Хостик и к'Рамоль ехали впереди – вроде как разъездом.

– Можно, я тебя поспрашиваю, а ты, если хочешь, меня?

– А куда мне деваться-то? – Она улыбнулась, но в улыбке не было кокетства. К'Рамолю, например, она улыбается совсем не так.

– Что ты еще умеешь? Кроме как иллюзии наводить?

Я не ждал, что она ответит.

– Еще след брать, – Сале пожала изящным плечом. – Чують опасность. Через Рубеж водить... Находить пропавшее. И еще кое-какие штучки, но – мало... Я достаточно ответила?

– Да, спасибо, – я действительно был ей благодарен. Похоже, она ответила совершенно откровенно. – А у князя ты давно служишь?

– Пять лет.

Кони шли, рассекая грудью высокую траву. Справа и слева, куда ни глянь, лежало травяное море, и только иногда, будто для разнообразия, попадались солончаки.

– Сале... Первое испытание претендентов, в гостинице... Князь тебе поручил *выбирать*?

Она быстро на меня взглянула – и отвела глаза:

– Видишь ли, Рио...

– Понятно. Среди твоих умений числится еще и чутье на героев.

– На удачу, – призналась Сале неохотно. – Ты и тот лысый – самые удачливые.

– А почему князь лысого отклонил?

– А я почему знаю?

Она легко пожала плечами. И, похоже, снова была откровенна – признаки, по которым меня выбрал князь, нимало ее не интересовали.

Умиротворенно шелестела трава. Колыхалась, ходила волнами; лошади Хосты и Рама плыли в стеблях по брюхо.

– А скажи, Сале... такой оруженосец у князя был, уши, как лопухи... где он теперь?

Вопрос был задан нарочито небрежным тоном; я спрашивал будто бы о старом знакомом, зато эффект превзошел все мои ожидания. Сале вздрогнула и посмотрела на меня так, что впору было хвататься за меч.

С самообладанием у нее явно было не все в порядке. С минуту я ждал, пока она возьмет себя в руки, потом спросил как можно мягче:

– Я тебя обидел?

– Нет, – она злилась на себя за свою же несдержанность. – Откуда ты знаешь... про этого оруженосца? Его уже года четыре как казнили.

– Казнили?!

– Ну да... Измена. А по-моему, так оговорили его, не такой он парень, чтобы изменять, да и молоденький совсем...

Что-то у них с оруженосцем было. Что-то намечалось; когда некрасивая девушка любит парня, а парня казнят по навету – трагедия может быть невыносимой.

– Жаль, – сказал я после паузы. – Не хотел тебя огорчать. Извини...

И подумал, что князь, безусловно, доверяет Сале, а у Сале есть все основания ненавидеть князя. Если юношу действительно оговорили... Впрочем, и она не покинула княжескую службу, и князь ее зачем-то держит, хоть Сале ни владеть собой не умеет, ни держать язык за зубами... Или это маска?!

Теперь женщина смотрела на меня не отрываясь. С подозрением.

– Что? – Я улыбнулся как можно приветливее.

– Откуда ты знаешь про оруженосца?

– Видел, – обычно я вру, не моргнув глазом, но тут даже врать не приходилось. – В городе... вот погоди-ка, областной центр... там еще казнь была знаменитая, двум аристократам за один раз головы сняли!

– Охта, – сказала Сале тихо.

– Вот-вот, – я одновременно и обрадовался, и насторожился. Ну не может девчонка быть настолько глупой. Впрочем, кто знает... Дурам, говорят, магия легко дается.

Некоторое время мы ехали молча. Плыли по морю высокой травы.

– Сале, извини... А перед тем, как поступить на службу к князю, этот парень никому больше не служил?

Сале, не глядя, помотала головой. Еще один подобный вопрос – и она пошлет меня подальше. Отчего-то верится, что как раз ругаться-то Сале вполне умеет!

Но я не стану больше спрашивать. У меня и так голова кругом; выходит, рыцарь из моего видения, рыцарь с оруженосцем – то был все-таки князь?!

Надо будет хорошенько расспросить Хосту относительно Приживников. Хоть это, конечно, не мое дело, князем считается тот, у кого на макушке венец, а тот, кого я принимал за Шакала, мог попросту морочить мне голову...

– Я могу наводить на себя чары и делаться красавицей, – призналась Сале устало.

– Зачем? – искренне удивился я.

– Вот именно – зачем? – Сале вздохнула. – Князь очень доверял Клику... везде таскал за собой...

Она замолчала, будто оборвав себя. Выпрямила спину в седле:

– Ну, что ты еще хотел спросить?

– Князь изменился за последние годы? – поинтересовался я рассеянно. – Так, что даже мозаику подновить пришлось?

Сале молчала.

Я посмотрел на нее и понял, что ответа не получу.

* * *

Никогда раньше мне не приходилось пересекать Рубеж.

– Ну, заходите.

Мужичонка был самый обыкновенный. Встретив такого на дороге, я не повернул бы и головы; другое дело, откуда ты взялся, мужичок, посреди холмистой равнины, на широком перекрестке, где перевернутой подковой высятся ржавые железные ворота?

Я невольно оглянулся, будто ища взглядом избу или сторожку. Или по крайней мере родник, откуда страж Рубежа мог бы время от времени черпать воду.

Ничего, естественно, – кроме камней и травы, стрекоз, цикад и бабочек.

– Заходите, заходите! Или передумали?

Сале проглотила слюну. Лицо Хостика по обыкновению ничего не выражало, к'Рамоль если и трусил, то умело свой страх скрывал.

Я первым шагнул в подковообразные ворота.

И зажмурился, потому что глаза едва не взорвались от белого, отовсюду бьющего света.

Рядом охнула Сале. Крякнул к'Рамоль, и только Хостик по обыкновению не издал ни звука.

– Добрый день, господа, вас приветствует Досмотр. Назовите пункт следования.

Захотелось оторвать ладони от глаз и заткнуть на этот раз уши. Правда, эффекта и это не возымело бы – голос вибрировал во всем теле, отдавался в костях, в полостях носа, в черепе и в груди.

Ответствовала, как и договаривались, Сале. У нее у единственной был опыт путешествия за Рубеж – а выговорить название места, в которое мы идем, не под силу даже велеречивому к'Рамолю.

– Пожалуйста, документы на контроль.

Справа меня подпирало плечо Хостика, слева – к'Рамоля. За к'Рамоля цеплялась Сале; я смог чуть-чуть приоткрыть глаза. Мы стояли, как дети перед показательной поркой – сбившись в кучу.

– Визы, пожалуйста.

Мне показалось, что в воздухе перед Сале возникло нечто вроде пышной пуховой подушки, и наша проводница без колебаний сунула туда свою левую руку, после чего подушка вдруг поросла весенней травкой и рассыпалась прахом, и тут же точно такие подушки возникли в воздухе перед Хостиком и к'Рамолем. Мои подельщики, поколебавшись, повторили жест Сале, причем Рам гадливо дернулся, а Хостик оскалил желтые зубы; подушка Рама покрылась собачьей шерстью, подушка Хостика – рыбьей чешуей, и уже секунду спустя мои спутники яростно оттирали пострадавшие ладони о штаны, о голенища и о полы курток.

– Вы глава делегации? Предъявите...

Белесый сгусток приглашающе возник передо мной, и я замешкался только на секунду. Рука моя утонула будто в тине – действительно, прикосновение не из приятных.

Большую часть искателей приключений, решившихся пересечь Рубеж без должных на то оснований, больше никто никогда не видел. А среди тех, кто был отвергнут Досмотром и вернулся обратно, не оставалось охотников даже близко подходить к Рубежу.

У нас были основания и была виза, проставленная золотой иголкой уполномоченного старичка. Никто из нас не пытается пронести через Досмотр ни украденных мыслей, ни запрещенных заклинаний. За себя, Рама и Хостика я ручаюсь. А Сале... она ведь лучше нас знает, что можно нести через Рубеж, а что нельзя?!

– Спасибо. Предъявите личности для досмотра.

Сале тяжело задышала. Покачнулась, ухватила за Рама; провела ладонью по лицу – успокоилась, зато теперь засопел к'Рамоль. Что он предъявляет – коллекцию совращенных девственниц? Набор благодарностей от спасенных пациентов?

Хостик опустил плечи. Пошатнулся, но устоял; Хостику трудно, я понимаю. В его багаже столько загубленных...

Я не успел довести мысль до конца. Досмотр накрыл меня, режущий свет сменился темнотой, и в этой тьме жил еще один голос – сухой и скрипучий:

– Вы пытаетесь провести через Досмотр второго человека? Вторую личность? Без визы, без документов, даже без линии жизни?

– Это тоже я, – сказал я, с трудом разлепив губы. – Он – это тоже я... На мне заклятье.

– Вам известно, что лица под таким заклятьем, как у вас, не имеют права пересекать Рубеж?

– Я думал...

Ничего я не думал. Впервые слышу. Никто меня не предупредил!

– Я уже очень давно под заклятьем, – я говорил, не заботясь тем, слышат ли меня спутники. – Тот, кем я был... умер. Это тень, воспоминание... а не человек. Пропустите меня, пожалуйста. Мне очень нужно...

– Всем нужно, – желчно сказал голос. – Вам известно, что лиц, уличенных в нарушении визового режима, постигает административная ответственность?

Я молчал.

Вот они, недобрые предзнаменования. Вот она, встреча с Шакалом; к'Рамоль, Хостик и Сале окажутся по ту сторону Рубежа, а меня, по всей видимости, больше никто никогда не найдет.

Бесславный, идиотский финал.

Рука моя легла на рукоять меча. Просто так, механически – я прекрасно понимал, что сила здесь ничего не решает.

– Ну? – желчно спросил скрипучий голос.

– Что? – спросил я в ответ.

Молчание. Чернота, головокружение; глухо, будто из-под земли, доносился хрипловатый голос Сале... но слов я все равно не разобрал.

– Впредь будьте осмотрительнее, – порекомендовал скрипучий голос.

Я проглотил вязкую слюну.

Тьма рассеялась; свет снова ударил в глаза, и пришлось прикрыть лицо ладонью. Сквозь пальцы я рассмотрел бледное лицо к'Рамоля, красное – Сале и невозмутимое – Хостика.

– Счастливого пути за Рубеж!

Резкий белый свет медленно сменился мягким, белесым.

Мы стояли в снегу. И лошади наши стояли в снегу; снег валил живописными лохматыми хлопьями, и пахло дымом.

Я снова приложил ладонь к слезящимся глазам.

– Предупреждать надо, – глухо сказала Сале. – Чуть не влипли!

– Что ты ему дала? – требовательно спросил к'Рамоль.

Сале молча взобралась в седло.

– Что ты ему дала?!

– Взятку, – отозвалась Сале устало. – Поехали, нам туда, к жилью.

– Мы уже за Рубежом?

Благоговейный голос Хостика скрежетнул железом о стекло. Я отнял руки от лица.

Наш палач, всю дорогу хранивший невозмутимость, стоял, подставив ладони летящему снегу, и по страшной физиономии его растекалась радостная, детская улыбка. За Рубежом...
Надо же, вырвался!

– Я понимаю, что взятку, – к'Рамоль не давал сбить себя с толку. – Я спрашиваю, *что именно ты ему дала?!*

Сале помолчала, решая, по-видимому, стоит ли отвечать. Вздохнула, пожала плечами:

– Артефакт... железный крючок для ловли саламандриков. Ничего, с князя новый стребую... Когда будем делать визу для ребенка – что-то надо будет придумать и для Рио, иначе на повторный Досмотр не стоит и соваться.

Сале смотрела теперь на меня. С вопросом – и одновременно с упреком.

– Я не знал, – сказал я хмуро. – Не знал, что у них такие правила!

Сале, Сале, вот так Сале...

Поняла ли она, в чем заключались претензии Досмотра? И если поняла – как восприняла новость? В отношении Заклятых всегда было полным-полно предубеждений...

– За дело, – хрипло велел я, забираясь в седло. – Сперва найдем младенца, а потом... потом посмотрим.

Хостик улыбался, глядя в пасмурное небо. Улыбка преобразила его лицо – будто сфинкс, переживший века, вдруг вывалил из суровой каменной пасти розовый влажный язык.

Чумак Гринь, сын вдовы Киричихи

Исчезник больше не появлялся. Будто ушел обратно в свою скалу.

Миновала неделя; младенец жрал, как не в себя, и рос так, что чуть не лопалась кожа. Уже пытался сидеть, ползал на четвереньках и заползал в самый дальний уголок на печи; Гринь боялся, что очень скоро и корзина станет для него мала.

Однажды, пососав свою «куклу», младенец внезапно разболелся – его понесло жидким поносом, глаза затуманились, тельце сделалось горячим, как разогретый свечной воск. Гринь нашел среди прочих травок одну «от живота», но и отвар не помог; младенец пищал непрерывно, но и голос его был какой-то болезненный, слабый. Гринь сидел перед корзиной, свесив руки почти до пола, и думал, что вот и конец, что он, сам того не желая, отравил братишку, и только бы дите не мучилось, только бы скорее все кончилось...

Прошел еще день. Ребенок отощал так, что явственно проступили ребра, и уже не плакал – лежал тихо. Гринь ходил к знахарке, старая Ивдя сперва отказалась пустить «чортового пасынка» на порог, но потом, сжалившись, дала свежий травяной сбор и заговоренное ржаное зернышко.

Еще через день младенец оклемался. Попросил есть, завозился в пеленках, высвобождая ручки; Гринь глянул на розовые разнопалые ладошки – и ушел на двор, сел на пороге, опустил голову на руки и так сидел до темноты.

Семейство у деда было большое, ртов много, а земли мало. Женатые сыновья не спешили отделяться; Гриня еще беситаньком брали на жнива – будили ночью, когда самый-самый сладкий сон. Посреди двора стоял воз, уже готовый и снаряженный. Дед, баба, Гринева дядья, из которых младший был ему ровесником, отец и мать, двоюродные сестры – все оборачивались на восход солнца, все слушали, как дед благословляет новый день и предстоящие жнива, и всех работников, и просит хорошей погоды, здоровья жнецам и милости от поля.

Едва занимался рассвет, все пешком выходили за ворота и там уже, за воротами, садились на воз. Возжси были в руках у отца, кобыла ступала торжественно, будто понимая, что ее тоже благословили. Из всех дворов, из всех ворот выезжали снаряженные возы. Целая

процессия тянулась на поле – и ревнивые глаза соседей отмечали, кто как снарядился да как подготовился, да сколько жнецов выставил, да вовремя ли поднялся в это единственное, самое главное утро.

Добравшись до своей полосы, слезали с воза. Становились полукругом и смотрели на рожь – накормит ли? Что за год будет – сытый?

А потом мужчины брали серпы, женщины принимались вязать снопы, а малышня вроде Гриня была на подручных работах – воды принести, еще чего...

И только когда солнце поднималось высоко и первые снопы стояли уже на стерне – только тогда дед варил в казане кулеши и садились завтракать, и слаще тех завтраков была только вода в чумацкой степи.

Гриня передернуло. Он поднял голову, прислушался; в хате было тихо. Ребенок, насытившись, спал.

В степи тоже был кулеши, чумацкий, с салом; сало было настоящее, старое, темное, с запутанными ходами червячков. А иногда попадался живой «хробачок», и седоусый Брыль балагурил, что без живчика и сало не сало.

Заскулил на привязи Бровка, зазвенел цепью. Гринь тупо смотрел на свои ладони.

Идти к Оксане?

Куда идти? Была бы гадалка – пошел бы к гадалке.

К матери на могилу?

Ох и красавицей была мать! Ох и ревнивый же был отец... Ох и бегал же за матерью по двору с кнутом, Гринь помнит.

А тем временем мать никогда не смотрела на сторону. И отец, напившись пьяный, каялся, говорил, что всему виной бесстыжие хлопцы и мужики, которых так и тянет к Ярине, будто медом здесь помазано. А Ярина не виновата, нет...

Куда идти?

Гринь вернулся в дом.

Младенец спал, причмокивая губками, рядом в пеленках лежал медальон на слишком длинной цепочке. Гринь не раз порывался его снять – еще задушится дите!

Порывался – но так ни разу и не попробовал. Будто удерживало что.

* * *

– Выдь, чумак. Поговорить надо.

– Заходите в дом, окажите милость.

Гринь не рад был увидеть у ворот дьяка. Сам не знал, почему так нехорошо сделалось на сердце; дьяк усмехнулся, глядя в сторону:

– Не... ты выйди, чумак.

Гринь цыкнул на Бровка и вышел, притворив за собой калитку. И сразу же увидел, что в конце улицы ждут, спрятав руки в рукава, соседи ближние и дальние, всего человек десять.

И вздрогнул, потому что среди собравшихся был и Оксанин отец.

– Ты хлопец хороший, чумак. Батько твой был хороший мужик. Хоть в бедности, а на церковь жертвовал... А за мать молись. Молись, Гриня... И, чтобы грех не растить, чертененка надо того... экзорцировать. Беса, то есть, выгнать обратно в преисподнюю... Жив-то чертененок?

– Жив, – сказал Гринь, чувствуя, как мороз дерет по спине.

Дьяк скрипнул снегом, переминаясь с ноги на ногу:

– Грех, Гриня.

Гринь сглотнул:

– Знаю, что грех... Что мне, не кормить его? Орет...

– Грех, – повторил дьяк, глядя в сторону. – Напасти на село пойдут... Недород... а то и вообще засуха. Как в тот год, когда твоих-то Бог прибрал. Помнишь?

Гринь и рад был забыть.

Кормилица-нива почернела тогда и пожухла; выехав на жнива, семья долго смотрела на мертвое поле. Отец бродил, выискивая хоть зернышко, плакал... Зимой продали все, что было. Весной стали помирать – двое Гриневых братьев, сестра, последним ушел отец, и не от голода даже – от горя.

– А в том году, – Гринь не узнал своего голоса, – какой был грех?

Дьяк посмотрел сычом:

– Не все знать положено... Может, тоже какая-то баба втайне бесененка прижила. Или девка с перелесником согрешила. Или еще что... Столько народу повымерло – страх... Ты, Гринь, не сомневайся. Давай бесененка – мы уж придумаем, как с ним...

– Убьете? – тихо спросил Гринь.

Дьяк поморщился:

– Не зыркай... тоже, поди, не звери. Сказано – эк-зор-цизм!

Слово было нехорошее. Каленым железом веяло от слова, железной цепью да горючим костром.

Гринь молчал.

– Что смотришь, чумак? Люди собрались... давай, неси чертененка.

– Брат он мне, – сказал Гринь и сам подивился своим словам.

Дьяк разинул рот:

– Что-о?!

Гринь молчал, испугавшись.

– Ты, чумак... ты смотри. Дело серьезное. Коли недород случится – тогда уж бесененка жечь поздно будет... Дождешься, что хагу тебе подпалят. Вместе со всем... Слышишь?

Гринь сглотнул:

– Никак угрожаете мне?

– Дурень, – дьяк сплюнул. – Дурень, дурень... Дурень! Грозить тебе... Против села пойдешь? Против совести пойдешь? Твой же батька в могиле перевернется... хоть и так уже, поди, переворачивается... Дурень!

Народ в конце улицы переговаривался все громче. Подступал ближе – Гринь увидел среди соседей уже и Касьяна, и Касьянового отца, который о чем-то толковал с отцом Оксаны.

– Подумать надо, – сказал Гринь шепотом.

– Думай, – неожиданно легко согласился дьяк. – Знаю, хлопец ты умный и придумаешь хорошо. Как придумаешь, приходи. А не то, гляди, сами к тебе придем.

Гринь повернулся и ушел в дом – не попрощавшись, против вежливости, не поклонившись людям.

Ему смотрели вслед.

...Брат.

Гринь всегда был старший, самый старший, братишки ковыляли по двору, сестра орала в корзине, родителей не было весь день, надо было качать и баюкать, до хрипу орать колыбельные, вытаскивать неслухов из собачьей будки, вытирать сопли, лупить хворостинкой, снова вытирать сопли, утешать... В сердцах отлупив меньшого братишку, Гринь уже через несколько минут раскаивался, ему жаль становилось маленького, ревущего и несчастного, он с трудом поднимал брата на руки, тот обхватывал его за шею и тыкался мокрой мордочкой в щеку.

А вот сестру Гринь не любил. Она всегда орала и мешала спать и выплевывала «куклу», едва Гринь пытался заткнуть ей рот. «Люли-люли!» – выкрикивал он и качал колыбель так, что дите едва не вываливалось наружу. «Люли-люли... Замолчи, а то задушу!»

Потом все забылось. И вспомнилось в тот день, когда сестру хоронили – она первая не выдержала голода, с малолетства худая была и болезная...

Гринь обнаружил, что стоит посреди комнаты с ребенком на руках. И малыш гукает, пытаясь потрогать Гриня за усы. И чертененок теплый, и очень похож на мать, вот если бы только не ручки эти, четырехпалая и шестипалая.

И медальон с золотой осой.

– Люли-люли, прилетели гули... что мне с тобой делать... что мне с тобой делать...

Он ходил и ходил по комнате, раз за разом повторяя свой вопрос, и от частого повторения слова его превратились в лишённые смысла звуки. Младенец не отвечал – пригрелся, заснул у брата на груди; Гринь уложил его в корзину, пристроил сверху вышитый матерью полог.

Долго сидел на лавке, свесив руки между колен.

Потом встал, оделся, взял шапку и пошел к Оксане.

* * *

– Завтра Касьян сватов присылает.

Гриня, против ожидания, пустили в хату. Оксанины сестры шушукались на печи, Оксана стояла в сторонке и ковыряла на печи известку – хотя рано еще, завтра будет ковырять, когда сваты придут.

Гринь присел на уголке стола. Оксанины родители сидели на лавке плечом к плечу – почти одного роста, оба сухощавые, суровые, со складками у бровей.

– Откажите Касьяну, – сказал Гринь.

– С какой радости?

– Сам сватов пришлю.

– Что за горе! – в сердцах сказала Оксанина мать. – Извел девку, истомил... И деньги уже есть... только куда дочь отдавать – в хату, чортом отмеченную?!

– Бесененка выкинь, – тяжело проговорил отец. – Попа позови, пусть покадит и все что надо прочтает. Коли пообещаешь, что завтра же – откажем Касьяну.

Оксана уткнулась в печку лбом. Так и замерла, не глядя ни на кого.

– Обещаешь, чумак? Чтобы завтра же...

Гринь молчал.

– А нет, так убирайся! – внезапно разозлилась Оксанина мать. – Душу тянуть из девки... чтобы ноги твоей не было!

– Он пообещает, – сказала Оксана, и по голосу ее было ясно, что она с трудом сдерживает слезы.

– Молчи, когда старшие говорят! – Оксанин отец опустил на стол кулак так, что подпрыгнули миски и кринки.

Гринь проглотил слюну.

– Обещаешь? – ласково, почти умоляюще спросила Оксанина мать.

Гринь молчал.

Оксанин отец поднялся с лавки. Широко распахнул дверь; прошелся по хате холодный сквозняк. Указал Гриню на выход:

– Вон.

Гринь не шелохнулся.

– Вон, сучье племя! Ведьмачий сын, чортов пасынок, чтобы духу твоего здесь не было!

Гринь поднялся и вышел.

В спину ему грохнула дверь; пройдя несколько шагов, Гринь наткнулся на поленницу, споткнулся, встал, удивленно глядя перед собой и не понимая, как это можно было промахнуться мимо калитки.

– Гриня...

Оксана выскочила ему вслед. Без свитки, босиком.

– Гринюшка, да что ж ты... да как же ты отказываешься от меня, я тебя из чумаков ждала, молилась, на дорогу ходила, все глаза проглядела! Все думала, как свадьба будет... как в дом к тебе приду... Гриня, не хочу за Касьяна, откажись ты от матери своей ведьмы, от байстриюка чортового, возьми меня за себя, обещал ведь!

– Обещал, – сказал Гринь мертвыми губами.

– Так откажешься от байстриюка?!

Гринь перевел дыхание. Положил руки Оксане на плечи, ей ведь холодно без свитки.

В тот день его выпорол отец, как оказалось, без вины; Гринь сидел в бурьяне под чьим-то забором и ревел в три ручья, не столько от боли, сколько от несправедливости. Она подошла – коса до пояса, в стиснутом кулаке, в чистой тряпочке – сокровище.

«А у меня яблоко!»

«Ну и что, – сказал Гринь сквозь слезы, – у нас во дворе целая яблоня стоит!»

«У вас дичка, – засмеялась девочка, – а это яблоко из панского сада».

И развернула тряпочку. И Гринь вылупил глаза – такого чуда видеть не доводилось, наливное, будто из воска, желто-розовое яблоко в пятнышках веснушек... А запах, запах!

«Ты не реви, – благожелательно сказала маленькая Оксана. – Ты, это самое... Хочешь, дам откусить?»

– Гринюшка... отдай байстриюка.

Он помолчал, слыша, как бьется ее сердце.

– Отда... отдам.

– Обещаешь?

– Обещаю...

– Мама! – Оксана, спотыкаясь, метнулась к дому. – Мама, батька... он обещает!!

Громко, на весь двор, зевнул в своей конуре Серко.

* * *

Значит, судьба.

Значит, судьба тебе такая. Исчезник тебя зачал, мать моя тебя родила, да ты же и убил ее. А теперь все. Свою жизнь загубить, да еще Оксанину – дорого просишь, братишка. Так дорого, что и медальоном золотым не откупишься.

Гринь едва доплелся до дома. Все бродил кругами, оттягивал время, когда войти надо будет, младенцу пеленки поменять да и отнести его, младенца, на расправу, на эк-зор-цизм.

А коли правда, что из-за этого малого новая засуха прийти может?! У кого пять детей – останется один или двое...

Дорого просишь, братишка. Не такая тебе цена. Не понесу тебя никуда. Дам знать дьяку – пусть сам приходит с людьми да и берет. А мне со сватами надо договариваться – чтобы завтра же Оксану засватать, завтра!

Прыть-то поумерь, Касьянка. Не для тебя девка. Вон, бери на выбор: Приська созрела, Секлета, Одарка...

Смеркалось.

Гринь долго стоял перед собственными воротами. Не решался войти; странно, остервенело гавкал Бровко на короткой цепи: то ли не признал хозяина, то ли замерз.

Вошел. Остановился среди двора. Мерещится – или дверь приоткрыта?!

«Хату простудишь, – недовольно кричала мать. – Живо дверь закрывай, живо...»

В хате было холодно. Остатки тепла вынесло сквозняком; еще в сенях Гринь зажег свечку.

Корзина стояла на столе пустая, вышитый матерью полог лежал рядом.

Гринь ушибся головой о притолоку.

Вот, значит, как... Пришли и взяли. Вот следы сапог на пестром половичке... Пришли и взяли, Гринь хоть сейчас может сговариваться со сватами, еще не так поздно, только что стемнело.

Ни о чем не думая, Гринь полез за печь и проверил тайни*!*чок. *!*Деньги были на месте – ничего не пропало. Хватит, чтобы*!* *!*стол накрыть и музыку нанять. Хватит, чтобы земли прикупить и нужды не знать, жену баловать обновками, а детей – пряниками.

Разве не для этого он жарился под солнцем в степи?! Разве не для этого рисковал жизнью, отбивался от разбойников и откупался от мытарей?

Гринь стянул сапоги. Перемотал онучи; зачем-то обулся снова. Наклонился над опустевшей корзиной – теперь Оксана будет складывать в нее чистое белье.

Корзина пахла младенцем. Кисловатым, молочным запахом.

* * *

Он застал их на площади перед церковью. Горели факелы, будто в праздник; луны не было, зато из-за обилия звезд небо казалось обрывком церковной парчи.

Младенец орал.

Орал от холода, или от голода, или от страха; дьяк читал что-то по книге и, силясь перекричать младенца, охрип.

– Вы что творите?! – закричал Гринь издалека еще, на бегу. – Вы зачем человеческую тварь невинную мучаете, Божьим словом прикрываетесь, как воры?!

Те, что стояли на площади, разом обернулись. Хмурой решимостью повеяло на Гриня, решимостью, отчаянием и злобой:

– Отойди, чумак!

– Отойди, а то будет тебе проклятье... дом спалим – с сумой пойдешь...

– Нового недорода захотел?! Чумы захотел, да?!

Поначалу собравшиеся показались Гриню безликой темной толпой – но уже через минуту он увидел и Василька с отцом, и Колгана, и Матню, и Касьяна с братьями, и всех соседей-мужиков... Баб не было. Ни одной. Не бабское это дело.

– Не мучьте дите!

– Зачем оно тебе надо, чумак?! Твое, что ли? Поперек горла тебе и всем... чортово отродье, вражье зелье! Ну что тебе надо?!

Гринь остановился.

Зря пришел сюда. Ох, зря; на одной половинке весов и Оксана, и... все, а что на другой?! Зря только лечил от поноса... зря молоком поил, зря на руки брал...

– В костер бросите? – спросил он шепотом, ни к кому не обращаясь.

– В какой костер?! – удивился оказавшийся рядом сосед. – Читать надо, пока не замолчит. Беса гнать... Это не дите орет – это бес в нем.

Младенец зашелся новым криком; Гринь покачнулся, схватил ртом морозный воздух – и, не размахиваясь, ударил соседа в челюсть.

Хороший был кинжал. Дядька Пацюк сам его для Гриня выбрал, посоветовал денег не жалеть. Кривой кинжал, на лету волос перерубает. Пацюк же и научил Гриня приемам – и пригодилась наука, ох как пригодилась, особенно весной, когда разбойников стало больше, чем ворон.

– Не подходи! Убью!

Дьяк пятился, уронив свою книгу на снег. Нехорошо улыбался Матня, хмурились Касьяновы братья, и везде, где хватало света факелов, блестели яростные глаза.

– Не подходи!..

Гринь набросил на младенца свою свитку. Тот замолчал, как по команде; люди зароптали:

– Бес...

– Чует... бес...

– И этот уже бесами забран!..

– Чортов пасынок...

Матня поудобнее взял факел. Пошел на Гриня боком, отведя факел чуть в сторону; его одернули. Отец велел вернуться – Матня оскалился и попятился назад.

Поблескивал кривой кинжал. Мужикам постарше доводилось видеть такие клинки – и по тому, как Гринь держал его, ясно становилось, что хлопец не в бабкином сундуке отыскал оружие. Что хлопец тот еще.

– Камнями его, – сказали из задних рядов.

– Тихо, – поп шагнул наперед. – Гриня, уйди. На исповедь придешь, замолишь... Уйди. Не то худо будет, слышишь, Гриня?!

– Не дам дите! – крикнул Гринь срывающимся голосом. – Нечего мучить! Своих вон рожайте и мучьте...

Попа оттеснили. Мужики наклонялись, искали под снегом камни; камней под заборами было в избытке.

– Забьем обоих, – хрипло сказал Матня. – Отойди от пашенка, коли жить не надоело!

Гринь проглотил слюну.

А чего терять-то? Всему пропадать! Оксаны не видать больше. В отцовской хате не жить. Только в проруби топиться – так лучше в бою, как чумака, как мужчину...

Матня первым кинул камень – Гринь увернулся. Зато следующий камень метил в младенца – Гринь отбил его кулаком, и рука сразу же онемела.

Потом камень угодил ему между лопаток.

Потом – в плечо.

Потом одновременно в спину, в колено и в грудь. Потом в лоб – Гринь зашатался, но устоял. Кинжал был бесполезен – мужики держались широким кольцом. Гринь склонился над младенцем, прикрывая его собой...

И вдруг стало светло.

– Что здесь происходит?

Камни больше не летели. Гринь поднял голову.

– ЧТО ЗДЕСЬ ПРОИСХОДИТ?

В свете новых, сильных факелов на толпу смотрели четверо. Первый восседал на огромной белой лошади, закованный в невиданную гибкую броню, в руках его был хлыст, а у пояса – сверкающий меч; двое его спутников отставали на полкорпуса, один в черном, заросший бородой до самых бровей, страшный, как в детском кошмарном сне, второй в зеленом, белолицый, с надменной усмешкой и тоже с плетью в руках.

И женщина. Такими обычно представляют ведьм – чернявая, с глазами как уголья, да еще в мужской одежде.

Мужики побежали.

Они бежали молча, падая в темноте и наступая на упавших; дьяк убежал первым, и книжка его с экзорцизмами так и осталась валяться в снегу. Поп спрятался в церкви и запер за собой дверь.

Гринь громко хлопнул носом. Втянул в себя кровь.

Младенец заплакал. Сперва неуверенно, потом все громче.

Часть вторая Девушка и консул

Пролог на земле

Здесь магнолии не росли.

У него не было сада, не было дома с колоннами розового мрамора. Няни не было тоже. Маленькая хибарка на окраине Умани, вишневое дерево у входа, единственный лапсердак с заплатками на локтях, доставшийся ему от щедрого дяди Эли...

– ...Ваш сын станет великим учителем, уважаемый ребе Иосиф! Может быть, даже наставным равом в самом Кракове! Хотел бы я, чтобы мои великовозрастные балбесы понимали Тору хоть вполтину так же, как и он. А ведь вашему сыну, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, только двенадцать!..

Ему действительно недавно исполнилось двенадцать, когда проклятый Зализняк ворвался в Умань.

Отец не верил – и отказался бежать. А потом стало поздно. Семья успела выбраться из северных ворот, но только для того, чтобы наткнуться на очередную гайдамацкую ватагу, – люди Зализняка спешили в горящий, гибнущий город.

– ...Хлопцы! Глянь! Так то ж жида! А ну, робы грязь!..

Отцу повезло – он упал сразу под ударами сабли. Повезло и матери – ее проткнули острой косой. И Лев Акаем, жених сестренки старшей, погиб без мучений – бросился на врагов и упал бездыханным.

Ему повезло меньше – ему, сестрам, братьям.

Лея, младшая, умерла быстро – уже под третьим или четвертым ублюдком, терзавшим ее юное тело. А Рахиль жила долго и все кричала, кричала... кричала.

Пока одни убивали сестер, другие разжигали огонь. Дрова разгорались плохо, недавно прошел дождь...

– А ну, говорите, жидята, где ваш батька червонцы запрятал?!

Голые ноги – в костер.

Страшный дух горящей плоти.

И крик... Сначала умер Ицк, самый младший, затем – Шлема...

Наконец замолчала Рахиль – страшная, непохожая на себя. Кто-то взмахнул саблей, поднял ее голову, насадил на пику. На него взглянули широко раскрытые пустые глаза...

Ухмыляющиеся рожи подступили ближе, кто-то плюнул в лицо.

– А вот и мы, жиденки! Ну, может, ты чего скажешь, перед тем, как сдохнешь?

Он знал, что не может отменить случившееся, – и знал, что оставить все, как есть, тоже не сумеет. Зачем он здесь, кто он такой, если не сумел защитить свой дом, свой народ, свою семью?.. Он ненавидел себя. Он стыдился себя, слабого; он *пожелал*, сам до конца не осознавая своего желания. Из всех сил пожелал...

И шагнул в костер.

Лица гайдамаков менялись и плыли, полустертые горячим воздухом, но ему было все равно, потому что как раз в этот момент на голове его сухо вспыхнули волосы...

«Не в добрый час твое желание услышано, мальчик. Не в добрый час».

Ярина Загаржецка, сотникова дочка

– Панночка! Панночка! Заступитесь!

Чужие руки прикоснулись к узде. Кровный серый конь не выдержал – прынул в сторону, возмущенно заржав. Всадница – девушка в серой, обитой дорогим черкасином кожушанке – качнулась в седле и слегка наморщила плоский утиный нос. Красные сапожки вжались в конские бока, удерживая скакуна на месте.

– Панночка!

– Гей, назад, шайтан! Кому говорить? Назад! Отойти от ханум-хозяйка!

Второй всадник, широкоплечий одноглазый татарин в синем жупане, взмахнул короткой плетью-камчой. Просители – трое посполитых в долгополых кожухах – отступили на шаг.

– Заступись, панночка!

Девушка придержала коня, оглянулась.

Вечерняя улица была пуста. За день снег успел слегка подтаять, подернуться грязноватым настом. В маленьких окошках неярко горели огни, возле высоких дубовых ворот скучал здоровяк-караульный, небрежно опираясь на пикю.

– Погоди, Агмет!

Татарин недовольно заворчал, но послушно опустил руку с плетью. Те, что остановили всадницу посреди пустой улицы, поспешили вновь приблизиться, держа заранее снятые шапки в руках.

– Панночка Ярина! Заступитесь! Пан Лукьян нас и на крыльцо не пустил! Пропадаем, панночка!

Ярина Загаржецка раздраженно пожалала плечами, бросила взгляд на запертые ворота:

– Откуда?

– Из Гонтова Яра! Из Гонтова Яра, панночка Ярина! – застопорили кожухи. – Вконец пропадаем! Пан писарь сотенный нас и слушать не стал! Заступитесь! Батька твой до нас добрый, и ты добрая!

Девушка невольно хмыкнула и покосилась на своего спутника. Татарин ослабил и произнес нечто среднее между «Хе!» и «Хы!». Видать, совсем уж плохи дела у кожухов, если они о доброте пана сотника заговорили!

– Батька уехал, или не знаете? – Девушка наморщила свой плоский нос, вздохнула. – Пока его нет, пан писарь главный.

– Заступитесь, панночка Ярина! Пропадаем! Все село пропадает!

Девушка дернула плечом и соскочила с коня. Татарин смерил недовольным взглядом наглых посполитых и нехотя последовал ее примеру.

– Жди здесь, Агмет!

Ярина кинула поводья своему спутнику и шагнула к воротам. Караульный, поспешив поклониться, распахнул калитку.

– Пан писарь у себя?

– Так, панна сотникова!

Девушка быстро прошла через двор. Взбежала на высокое крыльцо, стукнула каблуками, отряхивая снег с сапожков, и решительно отворила дверь. В лицо пахнуло теплым запахом жилища. Навстречу шагнул еще один реестровец, уже без пики; узнал, склонился в поклоне.

– К пану Лукьяну! Где он?

– В зале, панна Ярина.

– Не провожай! Дорогу знаю!

В прихожей тускло горели свечи – не сальные, восковые. Лукьян Еноха, писарь Валковской сотни, не мелочился. Новый дом поставил всего год назад, а уже и пристройку затеял, и амбар под тесовой крышей, и конюшню. Девушка вспомнила, как посмеивался отец, читая писарскую «слезницу», в которой тот просил отписать ему еще и мельницу «за-ради бедности нашей кормления для». Посмеивался – но в мельнице не отказал. А теперь, когда пан Логин

Загаржецкий, сотник Валковский, со своими черкасами реестровыми где-то за Дунаем, пан писарь и вовсе стал кум королю и самому гетьману сват.

Девушка толкнула дверь – тяжелая створка поддалась с трудом. В глаза ударил яркий свет. В зале горели уже не свечи, а немецкое диво: масляная лампа розового стекла. Ярина невольно прикрыла веки.

– То ты, Ярина Логиновна? Проходи да садись!

Лукьян Еноха сидел за высоким, крытым вышитой скатеркой столом. Перед ним лежала толстая друкованная книга в обложке дорогой кожи. Не доверяя немецкой лампе, пан писарь водрузил на нос большие окуляры, делавшие его весьма похожим на филина.

Девушка прошла вперед, взялась рукой за резную спинку стула, но садиться не стала.

– Вечер добрый, дядько Лукьян! И чего это у тебя просители у ворот мерзнут?

– Которые? Из Гонтова Яра?

– Из Гонтова.

Пан писарь ничуть не удивился. В черных с проседью усах мелькнула усмешка.

– То не ко мне. Им к архимандриту надо. К отцу Мельхиседеку. Черти, вишь, к ним в село повадились!

– Черти?!

Писарь, не торопясь, захлопнул книгу, снял окуляры, вложил в кожаный, шитый бисером футляр.

– Помнишь, на той неделе болтали, что в Гонтовом Яру баба чертенка породила? А теперь к ним и вовсе – толпа чертей пожаловала. Один чорт на коне белом, другой – на коне вороном...

Девушка быстро перекрестилась. Писарь последовал ее примеру, но усмешка не исчезла – стала еще шире.

– Вот они, заполошные, сюда прибежали – сикурсу просить. И что посоветуешь, Ярина Логиновна?

Девушка непонимающе поглядела на улыбающегося пана писаря. Наконец и сама усмехнулась:

– Врут, думаешь, дядько Лукьян?

– Да не то чтобы врут... Ты, Яринка, садись да шапку с кожушанкой снимай. Жарко тут! Ужинать будешь?

Девушка послушно сняла шапку, расстегнула крючок ворота, но садиться все же не стала.

– Ужинать – потом. Но ведь чего-то там приключилось! Иначе зачем им сюда прибегать?

– Сие суть злонравные плоды невежества, дурными нравами усугубленные...

Ярина быстро оглянулась. Высокий нескладный парень – тоже в окулярах – незаметно вошел в залу и теперь с интересом поглядывал на происходящее сквозь толстые стеклышки.

– ...Истинно глаголил учитель мой, блаженный муж Григор Варсава: без просвещения народного обречены мы прозябать среди диких суеверий, подобных суевериям ефиопов или индийцев заморских... Здравствуй, Ярина!

– Вечер добрый, Хведир Лукьяныч! – ничуть не удивилась девушка. – Так что же там у них приключилось-то?

Парень в окулярах бухнулся на лавку, вздохнул:

– Да ну их, пейзаж сих лапотных!

– То есть как «ну»? – возмутилась девушка. – Люди без шапок на снегу стоят!

– То от дурости! – вновь усмехнулся пан писарь. – Теодор, расскажи, ты же с ними балакал!

Тот, к кому столь странно обратились, не спеша снял с носа окуляры, протер и вновь водрузил на место. Было ясно, что тема его явно не увлекала.

Хведир Еноха, младший сын пана писаря, вернулся прошлой осенью в Валки после шести лет учебы в Могиланской коллегии. За эти годы он приобрел дурную привычку изъясняться книжными словами и изрядно зачванился, отныне предпочитая откликаться на «Теодора» вместо излишне простонародного «Хведира». Если окуляры были вещью неизбежной, то все прочее вызывало усмешку – у кого добродушную, а у кого и злую, хотя зла парень никому не делал. Добра, впрочем, тоже – слонялся по округе, книжки читал да играл на свирели, изрядно фальшивя. Батька, пан писарь сотенный, не спешил пристраивать сына. Поговаривали, что по весне он вновь пошлет младшего в коллегию – на философа учиться.

– Ведомо сугубо, – парень наставительно поднял указательный палец вверх, – что в представлениях пейзажных, ныне фольклором именуемых...

– Хведир! – Ярина топнула сапожком об пол. – Еще раз по-бурсацки заговоришь, я на татарский перейду!

Грозила она не зря. Агмет, отцов слуга, выучил свою воспитанницу не только татарскому, но и турецкому.

– Борщив як три не поденькуешь, – невозмутимо откликнулся Хведир-Теодор, – так в моторошни засердчит; и зараз тяглом закишкуешь, и в буркоти закендюшит.

Девушка не выдержала – рассмеялась. Парень вздохнул, покачал головой:

– Вот так всегда! Да ничего там не случилось, Яринка! Вдова Киричиха с каким-то пришлым сошлась, родила байстрюка, а сама и померла. Упокой, Господи...

Он быстро перекрестился, остальные поспешили последовать его примеру.

– Дите сиротой осталось, при брате. А брат, почитай, его лет на двадцать старше – чумак, заризьяка, без ножа на улицу не выходит. Ну и загулял по селу разголос, будто младень сей – чертенок, и от того чертенка всему селу пропасть. Попом там отец Гервасий, темный, как ночь, а дьяком – Юско Шалый, ученый да дурной. Наслушался всякого вздора и решил, что дите должно по книжке отчитывать, беса выгонять. Экзорцист нашелся! Схватили они младеня, на выгон потащили. Брат, чумак который, за нож, а они его – в камень. И тут, в раззор самый, четверо приезжих на огонек завернули. «Чего делаете?» – спрашивают. А паны посполитые – деру.

– А почему – черти? – поразила Ярина.

– А потому – дурные! – наставительно пояснил сам пан писарь. – Конь, вишь, у одного заброды белый, у второго – рыжий, у третьего – вороной. А четвертая будто бы и вовсе на коне бледном. Смекаешь, чего удумали? Я их, селюков, по-хорошему спрашиваю: с оружием, мол, приезжие? Не разбойники ли? А они: нет, мол, без рушниц, только с саблями, зато зрак страховидный имеют и баба среди них – чисто ведьма. Помнишь, Яринка, как в прошлом году в Конотопе ведьму ловили?

Девушка кивнула и звонко рассмеялась. Слух о конотопской ведьме прошел по всей Гетьманщине. И не только слух – сотника Халявского за дурь да за самоуправство с сотни сняли и виру наложили такую, что не расплатиться.

– А все же не годится, дядько Лукьян! – отсмеявшись, заявила она. – Вдруг и вправду там чего непотребного деется? Слышал ведь – до ножа с камнями дошло!

Писарь вздохнул, качнул окулярами:

– У меня, Яринка, как батька твой в поход ушел, только и осталось, что десяток стариков абшидных да дюжина сопляков, что и сабли в руках не держали. А случись чего, чем Валки обороню? Люди лихие сие сразу смекнули, того и гляди – налетят. Подумаешь, камнями подрались!

– Батька, так давайте я в Гонтов Яр съезжу, – внезапно предложил Хведир. – Все одно делать нечего! Разберусь, а заодно и погляжу, каковы там черти. Селянам скажу, что я по ведь-

мам – первый знаток. Три раза «Отче наш» прочту, посполитые и успокоятся. В коллегии потом хлопцам расскажу – посмеемся.

– На ночь глядя? – Пан писарь недовольно поморщился. – А ежели и вправду люди лихие? С тебя вояка, сам ведаешь, какой!

Хведир только вздохнул. Это уж точно – не воин. Шаблюкой махать – не перышком черкать и не вирши складывать.

– А вместе съездим! – улыбнулась Ярина. – Дядько Лукьян, вы мне этого вояку доверите?

– Тебе? – Седатые брови пана писаря полезли вверх. – Тебе, Яринка, я и сотню доверю, да только что за обычай – по всякому селянскому плачу коней томить? На каждый чих не наздравствуешься!

– Батька так не думает, – теперь голос девушки звучал твердо, на лице не было улыбки. – Батька считает, что мы, реестровцы, черкасы гетьманские, – посполитым ограда и защита. К кому им еще обращаться, как не к нам? За то нас и кормят, за то и на полях наших работают.

«Мы – реестровцы» – прозвучало так, что пан писарь и не подумал ухмыльнуться. Нрав Ярины Загаржецкой, единственной дочери зацного и мощного пана сотника, был ему хорошо ведом – как и всем прочим в округе. Логин Загаржецкий мечтал о сыне, а родилась дочь. Некрасивая плосконосая девочка, с детства приученная скакать на кровных конях и рубить татарской шаблей лозу. И уже без всякого смеха начинали судачить, что быть когда-нибудь девке сотником – дело хоть и невиданное, да мало ли чего невиданного в мире деется? Что ни говори, а и такое на свете бывает. Редко – да бывает.

– Ин ладно! – Пан писарь вновь вздохнул, повернулся к сыну. – Возьмешь с собой Малюю да Луцьку. Только смотри у меня – не задирайся! И за егозой этой следи, а то, случись чего, как я ее батьке в глаза глядеть буду!

Щеки девушки невольно вспыхнули, но она сдержала характер – смолчала. Хведир довольно ухмыльнулся и тут же охнул – маленький, но крепкий кулак поцеловал его аккуратно под ребра. Пан Лукьян Еноха осуждающе покачал головой, но вмешиваться не стал, благоразумно рассудив, что молодежь и без него во всем разберется.

* * *

– И чего дальше, после коллегии? Попом будешь?

– Попом? – Хведир задумался, погладил ноющий бок. – Да ну его, не хочу попом! Попадется такая попадья, как ты, и месяца не проживу!

– Что, сильно попало? Ну, извини!

– Вот так всегда! Побьют, а потом извиняются!

Дорога была пуста, снег глубок. Ехать пришлось по санной колее, по двое в ряд – шагом, не спеша. Ярина и Хведир пристроились впереди. Двое черкасов, оба седоусые, лохматые, в высоких черных шапках, ехали за ними. Одноглазый Агмет замыкал маленький отряд, то и дело оглядываясь и недовольно покачивая головой. Было заметно, что поздняя поездка ему не по нутру. Похоже, не ему одному – Малюю и Луцьку явно хотелось спать, да и кони шли понуро, без всякой охоты.

– А если попом не хочешь, чего в коллегию ехал?

Хведир усмехнулся, пожал плечами:

– Так батька послал! Я ведь третий сын, почнут добро делить, мне и отрезать нечего будет. А так, не попом, так дьяком. Может, повезет, в коллегии останусь: ритором или даже богословом...

Девушка недоверчиво покосилась на своего спутника, но ничего не возразила. Для нее, дочки, внучки и правнучки удалых черкасов, коллегия представлялась чем-то вроде богдельни – для тех, кому шабля не по руке.

– Думаешь, Ярина, мне самому не хотелось в черкасы? Да только куда мне! Помнишь, я и в детстве без окуляров шагу ступить не мог?

Девушка кивнула, на этот раз не без сочувствия. В детстве они дружили – то есть регулярно дрались, причем Хведиру доставалось куда чаще, чем юркой и проворной на руку сотниковой дочке. Первые окуляры были разбиты на следующий же день. Вторые и третьи прожили едва с неделю.

– Батька женить меня хочет, – внезапно сообщил Хведир. – На богословский и на философию без рукоположения не берут, значит, до лета свадьбу сыграть надо.

И на этот раз ответа не было. Ярина вновь покосилась на понурого бурсака и зачем-то погладила свой утиный нос.

– А говорят, тебя той весной сватали?

– Сватали, – девушка усмехнулась. – Степан Климовский за своего старшего – Максима. Так батька и слушать не стал.

– Это который Максим? Который песни сочиняет?

– Который, – Ярина кивнула. – Да голота они, Климовские, хутор и тот продали. А Максим – зазнайка, его девки наши разбаловали... Ну его, ерунда это!

Она отвернулась и стала смотреть на дорогу. Путь был близкий, знакомый с детства. Овраг, небольшая роща, снова овраг, холм, а за ним – село. Если бы не снег, за полчаса доехать можно. Да и по снегу – немногим дальше.

– А что такое «фольклор»?

Хведир удивленно моргнул близорукими глазами:

– Как? Откуда ты?.. Ах да, понял! Фольклор, Ярина, это по-нашему вроде как побрехеньки. То, чем посполитые детей пугают. Ну там черти, ведьмы, мертвяки заложные...

Рука девушки дернулась ко лбу – перекреститься, но ироничный взгляд Хведира заставил ее отвернуться.

– Профессор у нас по риторике – пан Гримм из Немеччины. Так он велел каждому из нас, пока на вакациях будем, записать какую-нибудь историю, да не со слов чужих, а чтоб сами увидели.

– Так вот чего ты ехать вызвался!

– Ну да! Что мне на этих поселян смотреть без пользы? А так – байка хоть куда. И черти, и чертенята, да, говорят, какой-то исчезник в придачу.

Ярине стало не по себе. Не то чтобы она боялась – негоже сотниковой дочке такого бояться! Но с другой стороны... Поздний вечер, пустая дорога, а впереди – село, где черти гнездятся.

– А сам-то ты что, не веришь? В чертей?

Хведир покачал головой и только усмехнулся.

Холм перевалили уже в полной темноте. Правда, искрящийся снег помог – село заметили сразу. Полсотни хат, окруженных палисадами, за ними – узкая полоска замерзшей реки. Ярина невольно придержала коня, оглянулась.

– Э-э, погоди, ханум-хозяйка!

Агмет ударил каблуком своего вороного иноходца, выехал вперед.

– Теперь, ханум-хозяйка, моя первым ехать! Твоя сзади ехать, меня слушать!

Оба сивоусых – Малей и Луцык – согласно закивали и, не говоря ни слова, тоже пристроились впереди. Малей, порывшись в седельной суме, достал оттуда что-то лохматое, издали похожее на пушистую мышь, и показал остальным. Те, одобрительно заворчав, достали ножи.

– Вы чего, панове? – удивилась девушка, но ответа не дождалась. Пушистый комок начал переходить из рук в руки, острые ножи отрезали кусок за куском.

– Так то ж хвост волчий! – сообразил Хведир. – На пыжи, да?

Его тоже не удостоили ответом. Уцелевший кусок меха был отправлен обратно в сумку, после чего сивоусые, о чем-то шепотом посоветовавшись с татаринном, удовлетворенно хмыкнули и тронулись с места.

– Понял! – Бурсак потер руки и зашептал, стараясь, чтобы не услышали остальные: – Это, Ярина, и есть фольклор, самый настоящий! Чтобы убить чорта, нужен пыж из волчьей шерсти. А можно и серебряным таляром – вместо пули. Говорят, сам Семен Палий это выдумал. Вот уж не думал, что увижу!

Ярина улыбнулась в ответ, но улыбка сразу погасла. Рука привычно нырнула в седельную суму, проверяя: на месте ли пистолы? Вот они, надежные, недавно смазанные, заряженные. А вот и пороховница, тяжелая, полная. Правда, пыжи не из волчьего хвоста, но – ничего.

Шабля тоже была на месте – «корабелка», подарок отца. Захарко Нагнибаба, сотников дед, взял ее в горячем бою. Давно дело было, еще при Старых Панах, когда гетьман Зиновий поднял черкасов на защиту родной земли и родной веры...

– Да ты чего? – удивился Хведир. – Воевать собралась, что ли? С кем?

Девушка только головой покачала. Всем хорош парень – и умный, и добрый, и не трус вроде – да только не черкас. Вот и на коне сидит: стыдно смотреть, словно собака на заборе.

Впрочем, Хведир тоже изготовился – по-своему. Из-за пазухи был извлечен кожаный кошель, из кошеля – окуляры. Окуляры долго протирались и, наконец, были водружены на нос. Вовремя – маленький отряд уже подъезжал к околице.

Ярина усмехнулась.

* * *

Первым их встретил поп. Отец Гервасий был без шапки, зато с большим медным наперником на груди. Черные с проседью волосы дыбились, включенная борода торчала во все стороны.

– Господи! Господи! Неужто и вправду услышал мя, грешного? Неужто и вправду?..

И голос стал иным – не прежним, густым и самодовольным, а хриплым, трескучим, словно с мороза.

Ярина соскочила с седла, не глядя, кинула поводья, надеясь, что Агмет успеет их подхватить. Склонила голову:

– Благослови, отче!

Благословляющая длань дрогнула, с трудом сотворила крест.

– Добрый вечер, отец Гервасий!

– Добрый... Дочь моя! Ярина Логиновна! Панове! Не попустите! Заступитесь!

– И где сии супостаты злокозненные пребывают ныне имеют? – поинтересовался Хведир, неловко слезая с коня. Остальные уже окружали Ярину. В руках у черкасов сами собой оказались короткие рушницы-янычарки. Агмет поигрывал кривой турецкой шаблей.

– Су... Супостаты... – поп сглотнул. – Пребывают они в хате бесова пасынка Григория Кириченки, именуемого также Чумаком...

– А все остальные где? Мужики? – перебила Ярина. – Возле хаты?

Поп понурил лохматую голову, и все стало ясно.

– Ну, пошли! – Девушка резко вскинула подбородок. – Веди, отец Гервасий!

– Д-дочь моя! Панна сотникова! Панове черкасы! – растерялся священник. – Не должно ли подмогу обождать, ибо страшны супостаты, словно войско адово...

В ответ послышался негромкий смех – смеялись сивоусые. Агмет тоже скривил губы. Ярина махнула рукой:

– Или не видишь, отче? С нами сам пан ритор Теодор Еноха, с ведьмами и чертями первый боец!

Хведир расправил плечи и зачем-то погладил еле заметные усики. Поп только вздохнул, но спорить не стал.

Шли пешими, ведя коней в поводу. Село словно вымерло, собаки – и те не брехали. Но вот из-за плетня высунулась чья-то голова в черной шапке, за ней другая – в очипке...

Ярина только языком прицокнула. Мужики-мугыри, что с них взять? Вот толпой на одного – это они горазды. До первого черкасского посвиста.

Нужная хата оказалась почти в самом конце, обычная, беленая, с засыпанной снегом соломенной стрехой. Калитка была отворена, маленькое окошко светилось.

– Вот! – выдохнул поп, прячась за ближайшего коня. – Гнездилище адово!

И словно в ответ послышалось негромкое, но грозное рычание. Огромный пес вразвлочку подбежал к калитке, ощерил белые клыки. Поп пискнул и тут же сгинул – словно и не было его.

– И бысть сей Цербер зело лют и грызлив, – усмехнулся Хведир. – Панове, сала никто не захватил?

– Э, зачем? – хмыкнул Агмет. – Свинья плохо кушать, свинья поешь – сам свинья станешь! А ну, зажди мало-мало!

Он подошел к калитке. Левая рука татарина дрогнула, словно пытаясь погладить воздух. Послышался протяжный свист. Пес недоверчиво повернул кудлатую голову, замер, затем осклабился и вильнул хвостом.

– Шайтан ты, Агметка! – удовлетворенно заметил один из сивоусых.

Ярина не удивилась. Старый татарин и ее учил этой хитрости. Учил – да не выучил. Видать, свистела не так.

– Зачем – шайтан? – удивился Агмет. – Собака – глупый, совсем как ты! Свинья ешь – глупым будешь!

Сивоусый обиженно заворчал, но ответить не успел.

Дверь скрипнула.

Черкасы разом вскинули янычарки.

– Стойте, панове! – Ярина шагнула вперед. – Я сама...

Договорить не успела – в дверях показался человек.

Один.

Ярина никогда не встречала Гриня Чумака, но сразу же стало ясно – не он. Не селюк, не мугырь.

Девушка прикусила губу. Вот, значит, на кого похожи черти!

На незнакомце был темный плащ, застегивавшийся у горла, под ним неярко светилась броня: то ли кираса, то ли дедовская кольчуга. На боку – что-то странное: палаш или заморская шпага...

– Что вам надо?

Равнодушный голос ударил в уши. Ярине даже показалось, что слова звучали иначе, по-другому, но невидимый толмач поспешил перевести.

Один из сивоусых дернулся, но Ярина положила ему руку на плечо.

– Сама! Дверь под прицел!

Незнакомец ждал, спокойный, уверенный. На молодом красивом лице ничего не отражалось – кроме откровенной скуки.

– Стой, где стоишь! – Девушка помедлила, затем сделала еще шаг, остановилась. – Я – Ярина Загаржецка, дочь мощного и зацного пана Логина Загаржецкого, сотника Валковского. Кто ты и что здесь делаешь?

Незнакомец ответил не сразу: словно ждал, куда невидимый толмач переведет чужую речь. Наконец кивнул, дернул головой в коротком поклоне:

– Добрый вечер, госпожа Ирина! Меня зовут Рио, и я здесь по делу.

И вновь почудилось, будто слова странного пана Рио звучали совсем по-другому. Но думать об этом не было времени.

– Предъяви подорожную, пан Рио. На себя да на спутников своих.

На красивом лице мелькнуло удивление. Пан Рио задумался, затем рука скользнула за ворот.

Один из черкасов предостерегающе кашлянул, но девушка не дрогнула. Что у него там? Пистоля? Не безумец же он в самом деле!

Пистоли за пазухой не оказалось. Вместо нее в руке появился свиток – странный свиток из странного твердого материала. Неужели пергаментный? Экая старина!

Девушка протянула руку. Пан Рио шагнул вперед, их пальцы встретились, слегка соприкоснулись – и вдруг Ярина с изумлением поняла, что краснеет.

– Прошу, госпожа! – Незнакомец улыбнулся, а девушка сердито нахмурилась. Ишь, любезник нашелся!

Свиток действительно оказался пергаментным, с тяжелой золотой печатью. Ярина только головой покачала. Это кто же такие подорожные выписывает? Царская? Цесарская? Нет, там печати обычные – свинцовые или сургучные.

Девушка развернула свиток, всмотрелась, наморщила нос. Темно! Только и видно, что буквы в заголовке. Искусно писанные, красные с золотом.

– Сейчас принесу огня, госпожа!

Пан Рио вновь улыбнулся, но эта улыбка ничуть не успокоила. Что-то не так! Незнакомец ведет себя, как хозяин. А сам хозяин где? Когда же это было, чтобы за порог первым гость выходил?

Пан Рио исчез и почти сразу вернулся – уже со свечой. Неровный свет упал на пергамент.

Понятнее не стало. Буквицы оказались незнакомы: не свои, русские, не польские, не латинские. И не жидовские.

– Агмет!

Татарин словно ждал – мигом оказался рядом. Девушка поднесла пергамент к свету:

– Гляди! Не турецкий?

Агмет всмотрелся, качнул головой:

– Йок, ханум-хозяйка! Не турецкий, не татарский. Агмет такого не видеть!

Оставалось позвать всезнающего Хведира, но тот был уже рядом. Блеснули толстые стеклышки окуляр. Бурсак взгляделся, хмыкнул:

– Койне! Диалект давнегреческого! Ну надо же!

– Прочтешь?

– Попытаюсь...

Хведир склонился над пергаментом. Пан Рио ждал, не двигаясь с места, и это спокойствие почему-то с каждым мигом нравилось Ярине все меньше и меньше. Где хозяин? Где Гринь Чумак? В хате было тихо, но вот из дверей донесся странный звук, похожий на кошачье мяуканье. Младень? Ах да, конечно, байстриук вдовы Киричихи! Чертенюк!

– Тут написано... – Хведир поднял голову, неуверенно пошевелил губами. – Какой-то деспот... Владыка или князь... Посылает героя Рио...

– Как? – Девушке показалось, что она ослышалась.

– Героя, – бурсак пожал плечами. – Так и сказано – доблестного героя Рио. Посылает с каким-то заданием в сопровождении трех спутников и просит всех оказывать помощь. Внизу – именной знак, подпись секретаря. Ну и печать.

– Ясно!

Ясного, правда, было мало. Документ составлен верно (если, конечно, не считать «доблестного героя»). Составлен, но не заверен – ни в гетьманской канцелярии, ни в полковой. А

ведь без этого «герой» Рио не добрался бы до Гонтова Яра: ни с севера, ни с юга. Откуда же он взялся?

– Вам придется отправиться со мной в Валки, пан Рио, – девушка передала пергамент Агмету, усмехнулась. – Старшим там сейчас пан Еноха, сотенный писарь. Пусть он и решает.

– Нет...

– То есть как, нет?

Сзади послышалось ворчание. Сивоусые тоже услышали ответ героя. Услыхали – и, наверное, мигом взялись за янычарки.

– Нет, – повторил пан Рио. – Госпожа Ирина, я... Мы должны ждать здесь. В течение суток к нам должен прийти наш... консул... представитель. От него мы должны получить разрешение... визу на выезд...

На этот раз невидимый толмач явно сплоховал. Ярина ясно услышала чужую речь, непривычную, странную. Выходит, так и есть – с нею говорят на неведомом наречии, а какой-то чаклун переводит! Да так, что слова сами ложатся в уши!

На миг стало страшно. Ярина закрыла глаза, вздохнула. Может, ну его к бесу, этого героя? Пусть катит в свое пекло!

Но страх вдруг исчез, сменившись злостью. Колдун, значит? Напугать решил? Не выйдет, пан герой!

– Разрешение, пан Рио, дает у нас не консул, а местная власть. И я говорю от ее имени. А не веришь, так мы поможем – под руки отведем!

Улыбка на лице незнакомца стала еще шире. Ладонь как бы ненароком скользнула к поясу, к странной шпаге.

– Госпожа Ирина! Мне... Нам не требуется разрешение местной власти. Я уже получил его, потому и смог попасть в ваш мир... в вашу местность... землю. Ни нам, ни вам не нужны неприятности... трудности... сложности...

Невидимый толмач старался вовсю, но Ярина уже все поняла. Добром этот Рио в Валки не пойдет. Не пойдет – и вдобавок смеет угрожать. Так, значит?

Она обернулась, желая отдать приказ черкасам, как вдруг в хате послышался шум, сдавленный вскрик, возня. Это почуяла не только она – пан Рио вздрогнул, ладонь легла-таки на эфес...

...Поздно! Высокий парень, крепкий, в черном кожухе, появился на пороге. На его плече лежала чья-то рука, парень дернул плечом, освободился, рванулся вперед:

– Помогите! Помогите, панове! Они братика... Братика!

Хлопнула дверь, заскрежетал засов.

Пан Рио исчез.

– Помогите!

Парень оступился, упал на снег, вскочил.

– Назад! Шибко назад!

Агмет схватил его за руку, потащил за плетень. Хведир замешкался, но его тут же поторопили, толкнув в спину. Ярина отступала последней, жалея, что не захватила с собой пистолет. Этак шибанут сейчас из оконца!

Малей и Луцык уже ставили лошадей – одну к другой, чтобы закрыться от выстрелов. Янычарки смотрели на врага, но в хате было тихо.

– Второй выход есть? Есть, бачка? – Татарин тряс парня в кожухе за ворот, но тот только головой мотал. Наконец пришел в себя, резко выдохнул:

– Нет! И оконца узкие – не пролезут.

Ярина удовлетворенно кивнула – быстро соображает, молодец!

– Ты Гринь Чумак?

Последовал быстрый кивок. На лицо парня смотреть было неприятно: синяк под глазом, еще один – на лбу, из рассеченной скулы сочилась кровь. Девушка поморщилась и сразу вспомнила. Камни! Выходит, чумаку и вправду пришлось несладко.

– Я – Загаржецка, дочь...

– Знаю, панна сотникова, слышал! – быстро перебил ее Гринь. – Панна зацная! Панове! Спасите братика! Не виновен он! Ни в чем не виновен! Разве можно дите за чужие грехи карать?

– Погодь! – Луцьк, один из сивоусых, дернул парня за плечо. – Кони! Где ихние кони?

– За хатой... Сарай там...

Ярина мысленно выругала себя за недогадливость. Ну конечно! Кони – первым делом. Каким бы ни был пан Рио героем, без коней далеко по снегу не уйдет.

Сивоусые переглянулись. Луцьк показал рукой налево, вдоль плетня, Малей согласно кивнул. Ярина поняла – в обход, чтоб пулей из окошка не задела.

– Агмет! Дверь! Дверь под прицел!

Татарин кивнул, вскидывая рушницу. И в ту же секунду послышался громкий скрип, а вслед за этим отчаянный крик Гриня:

– Нет! Нет! Не надо!

Агмет хрипло выругался – и опустил янычарку.

На пороге стояла женщина. Низкорослая, худая, с большим пищащим свертком в руках. Ни шапки, ни платка – густые смоляные волосы падали на плечи.

– Ведьма это! – застонал Гринь. – С братиком! Не стреляйте!

Черкасы неохотно опустили рушницы. Чернявая женщина шагнула вперед. За ее спиной показался кто-то знакомый. Ярина скривилась. Хорош герой, за бабью спину прячется!

Рио оказался не один. Вслед за ним из хаты вышел страховидный густобородый мужик с чем-то, напоминающим шило, в крепкой руке; следом – худой фертик в зеленом плаще.

– Мы сейчас уйдем! – Голос пана Рио звучал спокойно, но в нем слышалась насмешка. – Не стоит преследовать... догонять нас, госпожа Ирина!

Девушка беспомощно оглянулась. Стрелять нельзя – чернявая ведьма заслонялась ребенком. И к коням не успеть...

– Пойдите! Вы не имеете права!

Хведир! Ярина тихо охнула, бросилась вперед, но опоздала. Бурсак поправил сползавшие с носа окуляры, быстрым шагом прошел во двор.

– Даже разбойники не трогают детей, пан Рио! Побойтесь Бога! А если нет – побойтесь Дьявола!

Они стояли лицом к лицу: широкоплечий «герой» в сверкающих латах и нескладный семинарист в простом темном кожухе. Ярина растерялась – но только на миг. Молодец, Хведир-Теодор! Пока он будет говорить...

Агмет тоже понял, ухмыльнулся – и заскользил вдоль плетня.

– Мы не сделаем ничего плохого этому ребенку, – красивое лицо пана Рио внезапно дернулось. – Я... Мы не обижаем детей. Мы доставим его к родственникам... к свойственникам... Он будет получать воспитание... уход...

Невидимый толмач вновь не справлялся. Сквозь колдовской дурман ясно слышалась чужая речь – странные гортанные слова с непривычными ударениями.

– По Статуту Литовскому не можно младеня, что от вольных родителей на свет появился, без дозволения ближних его силою исхищать. Брат же его, Григорий Кириченко, прозвищем Чумак, отнюдь своего согласия не давал, напротив...

Ярина улыбнулась – ну, храбрый же парень! Когда б не окуляры – славный черкас бы вышел! Жалко, если попом станет, да еще и с душой-попадьей в придачу!

Агмет был уже за хатой, возле сарая. Еще немного...

Резкий крик – бородатый страхолюда ткнул рукой назад, в сторону сарая. На этот раз толмач промолчал. Но этого и не требовалось – заметили!

Все остальное случилось в единый миг. Чернявая подняла ребенка, заслоняясь им, словно щитом. Пан Рио быстро отступил назад...

И наткнулся на Хведира. Каким-то дивом нескладный бурсак сумел заступить дорогу.
– ...А посему, побойся Бога, пан Рио, и оставь младеня...

Договорить не успел. Темнобородый страхолюда с быстротой молнии выбросил руку вперед. Неярко сверкнул узкий клинок...

– Хведир!

Парень пошатнулся, но упасть ему не дали. Пан Рио вместе с еще одним, в зеленом плаще, подхватили его, прикрываясь безвольно обвисшим телом.

– Не стрелять! – отчаянно крикнула девушка, понимая, что опоздала. Рядом громко, в полный голос, черно лаялись черкасы. Враги отступали – быстро, умело. Вот послышалось конское ржание, ударили копыта.

– Братик! Братика увозят! – Гринь бросился вперед, но тщетно. Из-за хаты вырвались кони. Впереди на огромном белом жеребце скакал пан Рио; за ним, на соловой кобыле, чернявая ведьма с ребенком в руках...

Выстрел ударил внезапно – резкий, словно удар бича. Агмет мрачно усмехнулся и опустил дымящуюся янычарку. Ярина вначале не поняла, но тут же увидела еще одного коня – гнедого, с пустым седлом. Значит, не промахнулся!

Последним ускакал фертик в зеленом плаще – на вороном, точно смоль, аргамаке. Гнедой помчался вслед, но затем неуверенно остановился, ударил копытом по звенящему насту, повернул назад...

* * *

На окровавленном снегу лежали двое: Хведир – без шапки, в залитом кровью кожухе, и тот, что ударил его, – страшила со вздыбленной бородищей.

– Жив? – Ярина бросилась к парню, но кто-то, то ли Луцык, то ли Малей, положил ей тяжелую ладонь на плечо:

– Не лезь, панночка! Мы сами!

Девушка закусила губу, отступила на шаг. Хведира приподняли, чьи-то руки расстегнули кожух. Послышался сдавленный стон.

– В хату! В хату несите скорее! – опомнившийся Гринь подбежал, помог поднять раненого. – Заморозите!

– Н-не надо! Я... Сам... Живой!

Ярина облегченно вздохнула. Кажется, и вправду живой!

Бурсака осторожно поставили на ноги. Близорукие глаза раскрылись, моргнули:

– Окуляры! Яринка, скажи, чтобы нашли!

Девушка кивнула, походя отметив «Яринку». Прямо как в детстве, после драки, когда пропавшие окуляры приходилось искать то в кустах, то в ручье. Она уже успела заметить большое красное пятно на правом плече. Значит, не смертельно. Только бы кровь остановить!

Окуляры лежали на снегу, целые, только дужка слегка погнулась.

Подбежал заполошный Гринь, мотнул головой:

– Бабку нужно! Бабка Руткая кровь останавливает! Она тут, рядом! Да только, боюсь, не пойдет...

– Пойдет, пойдет! – Агмет ощерил кривые зубы. – Сам не пойдет – на аркане бабка при-тащим!

Ярина махнула рукой, соглашаясь. Между тем один из сивоусых склонился над бородачом:

– А ведь жив, панна Ярина! Или прирезать?

Девушка подошла ближе. Страшила лежал на земле. В открытых темных глазах горела ненависть.

– Ишь, ровно волчина! – добавил второй черкас. – Да только резать ни к чему, панночка. Не на войне, чай! Вот копный суд соберется, там и определим лиходея!

– Хорошо, – вздохнула Ярина. – Этого – тоже в хату. И найдите сани...

Вокруг была ночь. Под копытами звенел наст, сквозь редкие тучи неярко светила осторожная луна. Кони шли шагом – ехать предстояло долго, а силы были еще нужны.

– Нагоним! – Ярина кивнула вперед, где за широким оврагом темнели сгрудившиеся у дороги хаты. – Некуда им деваться, разбойникам! Шлях один, снег глубокий, не свернут.

– Так, панна! – Гринь вздохнул, поудобнее пристраиваясь в седле. Ездить верхом он был не горазд. – Только бы до Минковки не доехали, там дорога сворачивает.

Девушка пожала плечами. Враги уходили на юг, но до кордону еще скакать и скакать, а путь вел через села, где каждого подозрительного обязательно остановят. А не остановят – погоню пустят.

Раненых отправили в Валки. У Хведира оказалось проколото плечо, страхолюду пуля пробила бок. Бабка Руткая остановила кровь, заметив: «Что чорт, что бурсак – выдюжат!» Осмелевшие мужики в дюжину глоток вызывались помочь, но Ярина решила взять с собой только Гриня. Во-первых, не побоится – за братом едет. А во-вторых, спокойнее, дабы посполитые сдуру вновь за камни не взялись.

– Ну-ка Расскажи еще раз! – велела панна сотникова.

– Ну... – Гринь вздохнул. – Появились, стало быть, они и спрашивают: чего, мол, тут происходит? Потом ко мне: жив братик? Я и смекнул – нечисто дело. Главного, в доспехе который, Рио зовут; того, что пана бурсака подранил, – Хвостик; а ведьму эту клятую (парень не выдержал, сплюнул) и вовсе – Сало!

Девушка невольно усмехнулась. Хороши имена! Немцы? Вряд ли!

– А молодой – он вроде как лекарь, Крамольником кличут. Мы как в хату пришли, он вместе с этой ведьмой братика смотреть стал. Мол, не захворал ли. А как цацку золотую увидели, обрадовались, и к этому старшему – Рио. Тот тоже обрадовался...

Село приближалось. Возле крайней хаты мелькнула темная фигура. Девушка нахмурилась и невольно коснулась сумы, где ждали своего часа пистолы.

– Я так понял, панна Ярина, – ждали они кого-то. Вроде как проводника.

Ярина кивнула – что-то подобное говорил и пан Рио...

– Стой! А ну, стой!

Из-за ближайшего плетня выбежали четверо, загородили путь.

– Кто такие?

Пугаться или пистолы доставать было ни к чему. Это оказались свои – местные черкасы-подсоседки, поднятые среди ночи по тревоге.

Объяснились быстро. Ярина не ошиблась: сторожа видела беглецов. Не только видела, но и задержать пыталась. Да не смогла: верховых коней у местных посполитых не оказалось, и всадники ушли дальше на юг – к Минковке.

С шага перешли на рысь. Минковка была рядом, за горбом. А там уж беглецам деваться некуда. В селе – тоже сторожа, но уже не из подсоседков, а из настоящих черкасов. Эти не пропустят.

– Как думаешь, Гринь, зачем им твой брат?

Парень насупился, отвернулся:

– Так... Оно и говорить нехорошо, панна сотникова. Батька его – исчезник, чортяка. А эти – оттуда же, видать. Родичи!

Ярина еле сдержала усмешку. Как это бедняга Хведир назвал? Фольклор? Вот уж точно, фольклор! Но пергамент с золотой печатью заставлял задуматься. И вправду – приходит в Гонтов Яр чуж-чужанин, явно издалека, женку заводит, сын рождается. Потом этот чужак куда-то исчезает, а затем... Затем за сыном приезжают – тоже издалека! Приезжают, на амулет смотрят, что батька оставил... Интересно, в каких это краях на подорожные золотые печати вешают?

– Слышь, Гринь, а батька братика твоего куда девался?

Отвечать чумаку явно не хотелось. Он вздохнул, скривился:

– Мы с ним... Подрались мы. Очнулся – нет его. Да только потом он вроде как приходил – цацку золотую братику оставил.

Девушка согласно кивнула – сходится. Не иначе, прятался чужак. Забрался подале, да только и здесь нашли. Вот и ушел, а сына оставил. Думал, наверное, что младень в безопасности будет. А не вышло!

– Родитель этот... Батька который. По-нашему говорил? Православный?

– Да где там православный! – вновь скривился Гринь. – Чортяка и был, хоть бы раз на образ перекрестился! А говорил по-нашему, да как-то странно. Вроде пана Рио.

И это сходится! Опять не обошлось без невидимого толмача. Кто же это такие?

– В том пергаменте сказано, что пана Рио какой-то владыка послал, – вслух заметила девушка. – Владыка – или князь. Значит, чортяка этот ему либо родич, либо ворог смертный. Так, что ли, Гринь?

Чумак не ответил и поспешил сотворить крест. Ярина улыбнулась. Видимо, парень вспомнил, кто всем чертям князь и владыка.

Фольклор!

При въезде в Минковку их вновь остановили. Да не просто окриком – стволами в упор. Ярина даже испугаться не успела. Набежали, наставили рушницы и только после извинились – узнали. Старшой, пожилой черкас с глубоким шрамом на всю щеку, только руками развел, прося прощения у «панночки Загаржецкой». Обдурили старого! И как обдурили!

Беглецы были в Минковке за полчаса до этого. Въехали с криком и воплями, старшого кликнули и принялись плакаться, что-де купцы они заморские, лихими людьми грабленные. А люди эти лихие все как есть забрали – и возы, и золото, и бумаги, какие были, а теперь за ними, бедолашными, вдогон идут. Товарища их уже убили, ребяенок расхворался, плачет. А люди лихие не успокаиваются, за ними наметом скачут...

Пока старшой суетился, черкасов поднимая да стражу у околиц выставя, пока рушницы заряжали и рогатку посреди улицы громоздили, беглецы и сгнули. Не по большому шляху, что на полдень ведет – там своя сторожа, без разрешения не пропустит, – а по дороге, что в лес сворачивает.

Теперь старшой с досады усы седые рвал, перед панной сотниковой извиняясь. И действительно: кто ж его знал? У беглецов и зброи огненной не было, одни сабли, и не сабли даже, а так, баловство заморское. И дите при них, и баба. Ну как не поверить?

Впрочем, было еще не поздно. Уехали беглецы совсем недавно, а дорога плохая, узкая, снегом покрытая. К тому же ведет не в город, не в село даже, а к Дикому Пану.

Ярина отправила Гриня на околицу – следы поглядеть; сама же подозвала стариков-черкасов. Те выглядели изрядно смущенными. Не беглецов боялись – тут дело простое. Двое мужиков да баба – невелико войско, к тому же без рушниц. А вот Дикий Пан...

О Диком Пане Ярина слыхала и сама. Слыхала – и даже как-то знакомство свела, когда тот в Валки ненароком заглянул. Да только вдругорядь видеться не хотелось.

Черкасы вздыхали, отводили глаза. Агмет – и тот хмурился, головой мотал. Ярине тоже было не по себе, но отступить не хотелось. Вернуться домой, прийти к дядьке Лукьяну, руками развести? А потом объяснять Хведиру, что она, сотникова дочка, какого-то Дикого Пана испугалась? Ну уж нет!

Старшой, все еще переживая свой промах, предложил привести свежих коней. Это кстати – лошади успели выдохнуться. И у них, и у беглецов. Значит, и нагонять сподручнее будет.

Ярина подождала, пока вернется запыхавшийся Гринь, велела зарядить рушницы и выступать. С ней не спорили, только сивоусы дружно, не сговариваясь, перекрестились, да кто-то (уж не Агмет ли?) вполголоса помянул какого-то «шайтан-багатура».

* * *

Теперь вокруг темнел лес. Дорога стала уже, но все-таки ехали по двое в ряд – плечом к плечу, толкаясь горячими конскими боками. Вперед Ярину на сей раз не пустили. Не пустили и назад, пришлось ехать посередине, рядом с хмурым и мрачным Агметом. Гриня сивоусые отправили вперед – и не без умысла. Мало ли чего этот чумак, чортов пасынок, удумать может? Вот его первая пуля и найдет!

Ярина не стала спорить. Здесь, в лесу, среди заледенелых деревьев, все воспринималось по-другому. И вправду, странные дела деются! Ну, приехали чужаки за ребенком, ну, сцепились по дурной лихости с черкасами. Но почему они бегут к Дикому Пану? Ведь этой дорогой больше никуда не попасть! Знают?

Страх, до того прятывшийся в самой глубине души, распрямился, вылез наружу. Может, не так уж и не правы мугыри из Гонтова Яра? Поводился нечистый к вдове, выродил чертенка – а после и подмога приехала с толмачом-невидимкой. Добро бы печать на пергаменте была серебряная! Так нет, золотая! А вдруг и того страшнее – уговорились пан Рио с Гринем Чумак, Гринь и повел глупую панночку напрямиком в засаду?

Выстрел ударил внезапно – резкий, оглушительный. Ярина зажмурила глаза, зачем-то дернула узду.

– Ах, шайтан!

В руках Агмета уже плясала янычарка. Сивоусые тоже были при рушницах, но стрелять не имело смысла. Всадники – со всех сторон, спереди, сзади, из-за деревьев...

– Стоять! Стоять! Герш-ту?

Незнакомый гортанный голос заставил вздрогнуть. Ярина очнулась, выхватила из сумки пистолю – и опустила руку. Слишком их много! Дюжина? Две? Крепкие хлопцы в серых жупанах, обвешанные зброей. При поясе сабли, в руках рушницы – прямо в лицо смотрят.

– Оружие опустить!

Агмет оглянулся, оскалился по-волчьи и нехотя закинул янычарку за спину. Сивоусые последовали его примеру. Гринь замер, черная шапка сползла на лоб.

– Кто такие будете?

Гортанный голос прозвучал совсем рядом. Ярина перевела дух. Если не стреляют – спрашивают! – значит, не разбойники.

– Я – Ярина Загаржецка. Со мной мои люди.

Голос прозвучал неожиданно громко, и Ярина смутилась. Словно не отвечает, а кричит от страха.

– То панна сотникова? Так-так, что за встреча!

Теперь в голосе слышалась откровенная насмешка. Послышался топот. Всадник на вороном коне подскакал совсем близко к Ярине, чуть склонился в седле.

– То не объяснит ли мне панна мостивая, отчего черкасы валковские обычай нарушают и ездят конно да оружно по владениям зацного пана Мацапуры-Коложанского, моего господина?

Ярина попыталась разглядеть говорившего, но лесная тьма прятала лицо. Почему-то показалось, что этот человек стар – несмотря на звучный голос и лихую посадку опытного наездника.

– Я – Ярина Загаржецка, дочь сотника Валковского, – девушка сцепила зубы, перевела дух. – Со мной – мои черкасы, мой слуга и посполитый из Гонтова Яра. Мы здесь по державной надобности! А ты кто будешь? По какому праву твои люди преградили нам путь?

Послышался смех – веселый, искренний.

– Панна сотникова сердится? Ой, вэй, не сердись, панна Ярина, от того морщинки бывают! Я – Юдка, надворный сотник зацного пана Мацапуры-Коложанского, со мною мои сердюки, и эта земля – моего господина.

– С каких это пор? – возмутилась девушка. – Или я не знаю, где начинаются владения твоего пана?

– Или не знаешь, панна сотникова! – охотно подтвердил гортанный голос. – Но не станем ссориться, зацная панна! Стережем мы дорогу от лихих людей, а не от черкас валковских. Если могу помочь – скажи!

Ярина облегченно вздохнула. И в самом деле, чего бояться? Мацапура-Коложанский хоть и Дикий Пан, но все же не станет ссориться с Валковской сотней.

– Мы гонимся за разбойниками, пан Юдка. Их трое, одна – женщина, они украли ребенка.

– Вэй! – Юдка явно удивился. – Так то они от вас убежали! Так-так, интересно! То поехали со мной, поглядишь!

Агмет сердито заворчал, но девушка не стала слушать. Сердюков Мацапуры она не боялась. К тому же беглецы здесь, а это главное.

– Туда! – Юдка ткнул рукой вперед. – Там поляна!

Ярина кивнула, ударила каблуком горячий конский бок. Юдка пристроился рядом.

– Дозором мы ехали, панна сотникова. Глядим – скачут. Стрелять не стали – свалили дерево на дорогу и прижали голубчиков.

Девушка кивнула, отметив про себя некую несуразность. Чтобы свалить дерево, немалое время нужно! Или в этом лесу деревья подпиленные?

На поляне стало светлее. Девушка повернулась, вновь пытаясь рассмотреть своего спутника. Серый сердюкский жупан, шапка с синим верхом, на поясе – сабля, за плечами – рушница. Но что-то в этом человеке было не так.

– Чему удивляешься, панна? – Юдка вновь весело рассмеялся. – Жида с саблякой не видела?

Ярина лишь моргнула. Ну точно – жид! Горбатый нос, темные глаза навывкате – и рыжие с проседью пейсики, свисающие из-под шапки. Ну и, конечно, борода – широкая, пушистая. Ясное дело, Юдка!

– Прости... э-э-э... пан Юдка! И вправду, не видела!

...Видать – не видела, а вот слыхивать доводилось. Давно поговоривали, что у Дикого Пана новый надворный сотник объявился. Да не черкас, не москаль беглый и даже не турчин – жид. Кто да откуда, не знали, но шел слухок, что будущий сотник издалека, то ли из заднепровских гайдамаков, то ли из опришков карпатских. Будто разбойничал он по битым шляхам, а как те земли к Войску Запорожскому отошли, подале подался – от греха. А еще шептали (еле слышно, одними губами): колдун. И не простой колдун.

Ярина все это, конечно, слыхала, да не шибко верила. С чего это жиду не за дукат, а за сабляку браться? А выходит, вот оно как! Коли и врут, то не подряд, а с разбором.

Юдка улыбнулся, и вдруг девушка поняла: перед ней не парень – взрослый мужик, старше ее на много-много лет. Лицо казалось молодым, голос тоже, но глаза... И улыбка... Сколько же ему?

– Вот видишь! Панна зацная не встречала жиды с шаблюкой, а жид с шаблюкой не видел молоденькую панночку с пистолями в сумке!

Ярина не выдержала – улыбнулась. Кажется, этот Юдка – не такой уж и страшный. Дивно, конечно, но чего только на свете не бывает!

Опять же сам сказал: надворный, мол, сотник... стоит ли зря лаяться?!

– Отец на войне, – пояснила она. – Пан Еноха, писарь сотенный, послал меня в Гонтов Яр, а там – люди лихие.

– Вот я и смотрю, чего это они байстрюка малого на ночь глядя везут, – кивнул сотник. – Да вон они!

Беглецы сгрудились на краю поляны: пан Рио в своем странном доспехе, Крамольник в зеленом плаще и ведьма по прозвищу Сало. И ребенок был здесь – на руках у черноволосой.

Кони стояли чуть в стороне, а вокруг расположился десяток серожупанных сердюков с рушницами наготове. Ярина невольно усмехнулась – добегались, голубчики!

– Мы уж их отпустить хотели, – заметил Юдка, ловко спрыгивая с коня. – Пусть бы себе назад ехали! Но раз ты, панна, говоришь, что они, заризяки, дите украли...

Внезапно Ярина поняла: сотник врет. Нет, не собирались отпускать! Что-то они задумали, да не успели...

– Ну как ехалось, пан Рио? – Ярина бросила поводья одному из сердюков, шагнула вперед.

Тот не ответил – отвернулся. Тоненько запищал ребенок, чернявая ведьма склонилась над ним, что-то зашептала.

– Пан Юдка! – Девушка повернулась к удивительному сотнику. – Эти разбойники украли ребенка – брата Гриня Чумака из Гонтова Яра, да человека моего подранили, да приказов не слушались. А посему требую их мне передать и в Минковку отвести под стражей.

Юдка задумался. Бросил быстрый взгляд на пленников.

– А вы что скажете, панове?

– Ребенок этот – наш, – негромко ответил пан Рио, не поднимая головы. – Раз мы на землях вашего господина, то пусть он и рассудит!

– Вот как? – Сотник задумчиво погладил окладистую бороду. – А и вправду, панна Ярина! Раз они во владениях пана Мацапуры, то пусть он и суд творит.

Губы дернулись в короткой усмешке – и девушка все поняла. Договорились! Все подстроено! Уж не потому ли надворный сотник на ночь глядя в глухой лес выехал?

– Здесь не владения твоего пана, – вздохнула Ярина. – Согласно универсалам гетьмана Зиновия да гетьмана Ивана Ляха лес этот за сотней записан.

Юдка вновь улыбнулся, широко, весело:

– Ну... То пусть наши паны решают! Я – человек подневольный, чего прикажут, того и делаю. Так что, извиняй, панна зацная, отвезу я этих приبلуд к пану моему Мацапуре-Коложанскому, а он в сотню отпишет, что и как. Пусть они с паном писарем сами решают.

Ярина беспомощно оглянулась. Ее люди далеко, да и что тут поделывать? Даже будь с ней сотня, не доставать же шабли из ножен из-за подобного спора! Юдка прав: так всегда и делалось – приказ выполняли, а потом начиналась тяжба, когда на год, когда и на десять лет. И батька ее, и дед старались не ссориться с такими, как пан Мацапура.

И тут вспомнилось – ребенок! Не зверь же этот Юдка!

– А с младенцем как быть, пан надворный сотник? Брат его со мной. Гоже ли дите отбирать да неведомо куда увозить?

Крепкая рука Юдки вновь коснулась бороды. Сотник задумался – вернее, сделал вид, что задумался. Темные глаза хитро блеснули:

– То пусть брат старший сюда едет! С ним и решим.

Он махнул рукой сердюку, что-то пояснил. Тот кивнул. Ударили в наст копыта.

Ждали молча. Ярина пыталась понять, что задумал сотник. Неужто ребенка отберет? Но ведь этак и разбойники не поступают!

Подъехал Гринь, коротко поклонился – и замер, увидев похитителей. Дите словно услышало: вновь подняло крик.

– Так-так, – Юдка удовлетворенно вздохнул. – Ты ли Григорий, именуемый Чумаком?

Гринь кивнул, не отрывая взгляда от плачущего на руках у чернявой ведьмы ребенка.

– Тот младень – твой брат? – Рука с плетью протянулась к вопящему свертку.

– Да, пан, – голос парня звучал сдавленно. – То брат мой. Сын моей мамки...

– Так ли это, пан Рио?

Сотник резко повернулся, лицо на миг стало суровым, даже злым. Но Ярине вновь почудилось, что все это – игра.

– Это так, господин Юдка, – спокойно проговорил пан Рио. – Но мы имеем права на этого ребенка.

Девушка хотела возмутиться, но Юдка опередил:

– Так ли это, то пусть суд решает. А пока, пан Рио, пусть ясна пани, твоя спутница, отдаст дите этому брату его, чумаку Григорию.

Никто не возразил. Гринь недоверчиво покосился на сотника, соскочил с коня, медленно подошел к чернявой. Та молча передала чумаку сверток. Гринь глубоко вздохнул, прижал ребенка к груди. Тот вновь словно все понял – затих.

– Я... Я могу ехать? – Парень нерешительно поглядел сперва на сотника, после на Ярину.

– Кто же тебя держит, чумака? – Юдка хмыкнул, пожал плечами. – Возвращайся в свой Гонтов Яр! Думаю, камни там давно припасли! Вэй, может, и хату хворостом обложили!

Парень замер, словно камнем стал. Ярина и сама вздрогнула. А ведь верно! Гриня и так чортовым пасынком почитали, а после налета «чертей», да после того, как кровь пролилась!..

– Я... К соседям уйду, – нерешительно проговорил Гринь. – В Копинцы или в Минковку...

Юдка только усмехнулся. Ярина и сама поняла: не выйдет. Слух о бесовом семени прошел по всей округе. Даже те, кто не поверил, побоятся принять парня. А вдруг «черти» вдруг налетят!

– Так чего же?.. – Гринь затравленно обернулся, отчаянно поглядел на Ярину.

Та не нашлась, что сказать. Отвезти парня в Валки? С чего бы это валковским обывателям быть храбрее соседей? Был бы дома батька, так нет его, и некому прикрикнуть на трусов.

– А не поехать ли тебе с нами, Григорий? – Юдка наивно моргнул и не выдержал – усмехнулся во весь рот. – От имени пана моего обещаю, что никто тебя и пальцем не тронет. Ни тебя, ни брата твоего. А ему мы бабу найдем, чтоб кормила. Ведь негоже – столько часов дите на морозе держать!

И тут Ярина окончательно поняла – сговорились. Хитрый пан Рио что-то пообещал пану надворному сотнику. И ведь не придерешься, не станешь возражать! Все в своем праве: и Юдка, и Гринь Чумака.

– То може, на денек-другой? – Гринь вновь взглянул на девушку. – Хоть успокоятся в селе? Как думаешь, панна сотникова?

Ярина видела: парень устал. Смертельно устал быть «чортовым пасынком». Устал бороться – и за себя, и за жизнь брата. Впервые ему пообещали защиту.

– Смотри сам, чумака!

Девушка отвернулась, не зная, что сказать. Происходило что-то плохое, может быть, даже страшное, но не поймешь, не пояснишь. И саблю из ножен не выхватишь.

– Гоже ли решили, панна зацная? – Юдка подъехал, улыбнулся. – Чумак с братом в усадьбе поживут, чтоб мугрей-дурней в соблазн не вводить, а разбойников, что младеня забрать хотели, мой пан по справедливости рассудит.

Сотник бросил быстрый взгляд на невозмутимого пана Рио, и Ярина почувствовала, как ее охватывает гнев. Страшный, унижающий гнев бессилия. Все было не так. Все было неправильно.

– Нас четверо против твоей сотни, – тихо проговорила она, стараясь не глядеть на ухмыляющегося Юдку. – Будь у меня хлопцев поболее...

– Нас всего три десятка, панна зацная. Но ты права. Только...

Сотник на миг умолк. Исчезла наглая усмешка, глаза стали серьезны, даже суровы:

– Не держи на меня зла, Ярина Логиновна! Каждый свой приказ сполняет, а ежели что не так было, то прости! Кто знает, может, в следующий раз ты сама мне башку саблею снесешь!

И вдруг стало ясно: сотник не шутит. И когда прощения просит, и когда о саблею говорит.

Гнев исчез, словно не бывало. Внезапно навалилась усталость – свинцовая, неподъемная. Весь день в седле, затем – вечер, потом – ночь...

– К чему нам насмерть рубиться, пан Юдка? Или твой господин войску черкасскому враг? Но ты прав, будет еще следующий раз!

– Будет...

Слово упало тяжело, словно камень в черную воду. Слово приговор. И вновь Ярине стало не по себе. О чем это сотник? И почему ей самой так не хочется этой будущей встречи?

Конские копыта ударили в снег. Поляна осталась позади, но девушка еще долго чувствовала неотрывный тяжелый взгляд, которым провожал ее Юдка. Так провожают Смерть, заглянувшую в гости и пообещавшую вернуться...

Юдка душегубец

Моя Смерть уезжала.

Худая плосконосая Смерть, ладно сидящая на кровном жеребце. Некрасивая девчонка, еще не знающая, но уже начинающая догадываться.

Я бы мог убить ее – легко, одним взмахом клинка.

Мог заточить в подземелье и замуровать выход серым камнем – навечно, пока стоят стены замка.

Да только зачем? Смерть не обманешь!

Я прикрыл глаза, прогоняя Тени. Поляна засияла белизной, и только удаляющийся силуэт горел недоброй мерцающей синью. Как давно я не видел цветов! Да, так и обещано – Смерть оденется в синее...

Все, хватит!

Ты знал, что так и будет, Иегуда бен-Иосиф, сопливый мальчишка из Умани. Знал о дне, когда встретятся Смерть, Двойник и Пленник, – Дне Встречи. И нечего теперь бояться!

– Пан сотник!

Михал, молодой десятник, которого я подобрал четыре года назад еще за Днестром, кивнул на дорогу.

Да! Пора!

Смерть ушла – до поры до времени. И только Святой, благословен Он, знает, когда быть той поре: завтра или через полсотни лет. Сколько этой девчонке? Восемнадцать? Меньше?

Я кивнул, и Михал начал собирать хлопцев. День Встречи не кончился. Пан Станислав ждет, а мне еще надо решить. Решить – и решиться.

Можно ли обмануть Рубежных Малахов? И надо ли? Не станешь ли ты Б-гоборцем, глупый Юдка?

Отряд был выстроен, гости размещены там, где и должно, – посередине. Я махнул рукой, и Михал поскакал вперед, чтобы возглавить колонну. Впрочем, в этом лесу ничего опасного не встретишь, сколько ни блуждай по заснеженным чашобам.

Самые опасные здесь – мы.

С кем поговорить вначале? С чернявой бабой или с Двойником? Наверное, с ним. Он – старший.

Я направил коня к гостям. Хлопцы посторонились, и я занял место рядом с паном Рио. Понял ли он? Думаю, нет. Значит, можно не спешить. Сначала – о пустяках.

– Я хотел бы поблагодарить вас, господин сотник...

– Пустое, пан Рио!

Чужая речь сама собой ложилась на слух. Читать о таком часто приходилось, а вот встречать – редко. Прозрачное Имя, способное сделать понятным любую речь. Почти любую. Знают ли они?

– Почему вы свернули в лес, пан Рио?

Легкое пожатие плеч. Кажется, он и сам не очень уверен.

– Но... За нами гнались, господин Юдка! Я подумал...

– Это я подумала! И не ошиблась, не правда ли?

Я обернулся. Чернявая баба усмехалась – знала! Ну что же, так даже проще. Как бишь ее зовут? Сале? Да, кажется.

– В таком случае, панове, вы не можете пожаловаться, что вас слишком поздно встретили. Чернявая кивнула и ударила коня каблуками, пристроившись рядом.

– Значит, с визой трудностей не будет?

Глаза Рио удивленно моргнули. Стало ясно – не знал. Значит, Сале и есть Кеваль – Проводник. Так я и думал!

– В таком случае, позвольте еще раз представиться, пан Рио! Я не только надворный сотник, но и консул Рубежа.

– Рад познакомиться, господин консул!

Отреагировал он на удивление быстро. Да, мой Двойник – парень не промах! Одно дивно...

– Прежде чем мы поговорим о деле, панове, позвольте узнать. Почему вы не взяли с собой хотя бы рушницу? Это не запрещено.

– Не взяли... что?

Да, этого он не знал.

– В вашем Сосуде... в вашем мире нет оружия огненного боя?

– К сожалению, нет, – ответила вместо Двойника Сале. – Иначе бы мы не потеряли Хосту... нашего спутника. Его схватили эти разбойники и, кажется, серьезно ранили...

Я еле удержался, чтобы не рассмеяться. Над чем тут смеяться? Чужой Сосуд, чужие порядки, а они тут и суток не пробыли.

– Они не разбойники, уважаемая пани! Та девица с плоским носом – дочь здешнего сотника...

– Но ведь сотник – вы? – вмешался в разговор третий, парень в зеленом плаще. – Вы – слуга здешнего князя!

– Не совсем...

Только сейчас я понял, что значит попасть в чужой Сосуд. Хорош был бы я сам в их мире – с рушницей и пистолями! А может, в их Сосуде и порох не горит?

– Власть в нашей земле принадлежит гетьману, а тут, в Валках, – сотнику. Панна Ярина Загаржецка – его дочь. А мой господин пан Мацапура – зацный владелец, но все-таки не князь. Так что вашего друга скорее всего будут судить.

Они переглянулись, пан Рио поджал губы.

– Я... Я не хотел бы, чтобы с ним что-нибудь случилось. Если надо, я сам пойду на суд, объясню...

Оставалось пожать плечами. Долго же объясняться придется!

– Про то у нас еще будет время поговорить, панове. А сейчас о главном. Мне поручено оформить вам обратные визы через Рубеж. Могу это сделать в любой момент, хоть сегодня. На вас – и на ребенка.

Рио кивнул, и я еще раз подумал, что Двойник действительно похож на меня. Вырвать дитя из рук брата – и даже не поморщиться! Смог бы я такое? Наверное, смог.

– Благодарим вас, господин Юдка! Полагаю, надо оформить визу и на его старшего брата...

Ах вот оно что! Пан Рио решил быть добрым! Точнее, добреньким! Вэй, так не бывает!

– Увы, панове, только что я сказал панне Загаржецкой, что все мы подчиняемся приказам. Могу добавить – к сожалению. Я уполномочен выписать визы на вас четверых и на ребенка. Его брат не имеет права перейти Рубеж.

– И кто это решил? Мы потребуем!

В голосе пана Рио слышалось раздражение, и я вновь едва удержался от усмешки. Двойник ничего не знает о Малахах. Интересно, Сале нарочно оставила его в неведении?

Я оглянулся. Дорога пуста, заснеженный лес тих и спокоен. А вот и Веселый Дуб! Говорят, при батюшке пана Станислава его ветки никогда не пустовали, причем вешали не реже раза в неделю. А теперь – только ржавая цепь свисает. Пан Станислав приказал не снимать: пусть смотрят. Увидят – вспомнят, все польза будет.

– Вы первый раз перешли Рубеж?

– Я – нет, – негромко ответила чернявая, и все стало ясно. Когда-то я тоже был таким, как мой Двойник. Потребовать у Малахов? А хорошо бы!

– Но... Как я понял, у его брата здесь... неприятности, – неуверенно проговорил пан Рио. – Может, будет лучше, если мы отвезем парня... в безопасное место?

В его голосе слышалось сомнение, и я еле сдержал вопрос: есть ли у него самого братья? Хотя кто знает? Если бы тогда мне предложили отправить Иццяка и Шлему с таким вот паном Рио? Но мне не предложили...

– Есть еще кое-что, панове.

Я вздохнул и вновь прикрыл глаза, чтобы Тени ушли. Яркий белый свет, чисто и пусто. Но я знал – меня слышат. Можно ли обмануть Малахов?

– У вас хорошее Прозрачное Имя, пани Сале! Отлично действует!

Она улыбнулась, явно польщенная, хотя ничего особенного в этом нет. Рабби Моше Кордоверо понимал любой язык без всяких ухищрений. И рабби Ицхак Лурия – тоже.

– А понятно ли тебе будет то, что я скажу сейчас? Ибо не все прозрачное – прозрачно!

Пан Рио недоуменно оглянулся, хотел переспросить, но я предостерегающе поднял руку. С моим Двойником все ясно – не знает. Не знает язык, на котором я заговорил, не знает и о Великом Исключении. Сейчас меня интересовал не он, а чернявая.

– Кажется... – она поджала губы, помолчала. – Кажется, понимаю. Меня немного учили этому. Но разве язык имеет какое-либо значение?..

Я облегченно вздохнул. Легко ли обманывать Малахов? Иногда легко, особенно если знаешь Язык Исключения.

Язык, непонятный ангелам.

– Слушай меня внимательно, Сале. Слушай и не перебивай, иначе за головы – и за твою, и за мою – не дадут и шекеля...

Впереди послышался крик. Я привстал в седле – подъезжаем! Сторожа на месте. В доме ли пан Станислав? Кажется, он собирался в замок...

– Язык, на котором мы говорим, – единственный, который неизвестен Малахам. У нас его зовут арамейским. На нем написаны наши священные книги...

Я заставил себя остановиться. Что толку рассказывать чернявой о книге «Зогар»? Если в ее Сосуде она есть, то ей поведают – в свой срок. Если нет – то и говорить не о чем.

– Малахи (их у нас еще называют по-гречески – «ангелами») – стражи Рубежа. Я выполняю их волю. Но я – человек, и вы – люди, поэтому я решился заговорить о тайном. А теперь – главное. Вы не должны просить визы. Это понятно?

Она подумала и кивнула. Темные глаза блеснули.

– Кажется, ты догадываешься, в чем дело, Сале. Вы нарушили таможенные правила. Ты дала взятку стражам. Тот, кто нарушил долг, уже наказан, а теперь Малахи ждут вас, дабы сурово покарать – так, чтобы это стало уроком прочим. Поняла ли ты?

Сале вновь кивнула, затем нерешительно посмотрела на пана Рио.

– Потом расскажешь ему, – понял я. – А лучше напишешь, чтобы не произносить вслух. Вам придется пока остаться здесь.

– Навсегда? – Ее голос дрогнул.

Я понимал ее. Застрять в чужом Сосуде – хуже, чем в чужой стране. Но что делать? Малахи не ведают пощады. Сорок тысяч погибло, когда кто-то излишне любопытный посмел сунуть нос в Ковчег.

– Поговорим позже, Сале. Есть обходные пути. Их я не знаю, но их может знать пан Станислав, мой господин. Но об этом – позже.

Она вновь кивнула. Я отвернулся, чтобы не смотреть на ее лицо. Так, наверное, выглядел я, когда встретился глазами с Яриной Загаржецкой и понял, кто передо мной...

* * *

Пан Станислав не спал. В этом не было ничего удивительного – его странные привычки известны всем в округе. Спать днем, ночью бодрствовать – говорят, так жил еще его отец. Правда, ночи он обычно проводит в замке, но на сей раз господин оказался в доме, и я облегченно вздохнул. Кое-что надо решить немедленно. Хотя бы для того, чтобы шептуны не успели перекрутить все по-своему. Конечно, пан Мацапура верит мне, но мой предшественник тоже был в этом убежден. А теперь никто и не скажет, где гниют его кости. Да и остались ли от него хотя бы кости?

Сердюк у дверей библиотеки щелкнул каблуками, пропуская меня. В доме я – единственный, кто может входить к пану Станиславу в любое время. Но только в доме. В замок мне хода нет, да я и не особо прошусь. Меньше знаешь – больше живешь! А я и так знаю очень много о зачном пане Мацапуре-Коложанском! Пожалуй, даже слишком много!

Пан Станислав сидел в углу под лампой зеленого стекла и читал «Лембергскую газету». Глядя на него в этот миг, самые злые недруги завязали бы узлами свои языки: само добродушие восседало в старом массивном кресле. Толстые вывернутые губы улыбались, на пухлых щеках проступили ямочки, стекла окуляр скрыли привычный острый блеск маленьких глаз, и даже черные нафабранные усы словно опали, бессильно свесившись вниз. Пожилой пан, добрый, немного усталый, пришел почитать газету. Наверное, у доброго пана бессонница – не иначе весь день милостыню раздавал и утирал слезы вдовам...

– Шолом, пан Станислав!

Глазки добродушно моргнули, улыбка стала шире:

– Вечер добрый, пан Юдка! Там, в поставце, – гданьская вудка, выпей, ты же с мороза! Выпей – и садись.

Вудка обожгла горло, и я только головой помотал. Ну и поило! Куда там местной горелке или даже пейсаховке!

Пан Станислав со вздохом отложил газету, поглядел на принесенную мною бутылку, протянул руку – и тут же опустил.

– Цо занадто – то не здорово. А я, как видишь, скучаю!

На такое отвечать не полагалось, и я молча присел на тяжелый дубовый табурет. И тут только заметил, что кресло, в котором восседает пан Мацапура, переставлено. Раньше оно стояло ближе к окну, теперь же каким-то дивом оказалось прямо под старым портретом.

Портрет этот – загадка. Чья-то умелая кисть изобразила худого узкоплечего юношу в испанском платье с большим кружевным воротником, как носили полвека назад. На боку шпага, в руке – толстая книга с золотым обрезом. И не было бы тут ничего странного, если бы не герб Апданк в верхнем углу – герб рода Мацапур. Не просто герб, а еще и буквы «L.M.K». И цепь – знакомая золотая цепь давней работы на груди. Эту цепь с огромным красным камнем пан Мацапура частенько надевает, особенно когда гости случаются. Видать, фамильная. Правда, на портрете камень другой, ну так не камень же художник рисовал! Ясное дело – родич изображен, и родич близкий. Батюшку пана Станислава звали Леопольдом, так что и дивного вроде бы ничего нет, если бы...

...Если бы в доме были другие портреты. Если бы не общий хор тех, кто помнил старика. Леопольд Мацапура был широкоплеч, толст и мордат – сын капля в каплю в батюшку. И лицо – совершенно иное лицо! Губы, глаза, нос... Может, не отец, а дядька, какой-нибудь Леон? Все равно непонятно. Чтобы в таком доме – и один-единственный портрет, и то не в зале, а в библиотеке! Бывал я в подобных домах, там целые галереи, по ним гостей водят, слуги наизусть заучивают, какой предок чем отличился...

– Ох, уж эти поселянки, пан Юдка! Сперва лежит под тобой, как бревно, только пыхтит, а потом выть начинает. И всегда одно и то же: «Замуж собиралась, замуж собиралась!» Языки им вырезать, что ли?

Пан улыбался – пан изволил шутить. Но мне почему-то не было смешно.

– Ну и кого ты мне сегодня привез?

Голос был прежний – расслабленный, вялый, но я заметил быстрый взгляд из-под толстых стекол. Стало ясно – уже доложили. У кого-то пятки салом смазаны.

– Четверо гостей, пан Станислав. И ребенок – младень.

– Ребенок?

Грузное тело нехотя приподнялось и вновь опустилось в глубины кресла.

– Ребенок – это хорошо. Прикажи его сразу в замок.

Я вздрогнул – так и знал! Любит пан Станислав детей!

– А гости кто? Кажется, там баба есть?

Он по-прежнему улыбался – добрый толстый пан, которого мучает бессонница.

– Не баба, – стараясь быть спокойным, ответил я. – Пани. Один из гостей – селюк из Гонтова Яра, а вот трое – паны зацные. Вернее, два пана и пани.

– Большой за них откуп дадут, как думаешь? – словно невзначай бросил пан Станислав и вновь взял в руки газету.

Разговор подходил к концу.

Похоже, пан уже все решил. Даже не похоже – решил. Сколько раз так было: ребенка – в замок, и гостей туда же. И правильно – кто же в здравом уме в гости к пану Мацапуре ездит?! А если ты цудрейтор, то и жаловаться нечего.

– Все не так просто, пан Станислав...

Газета медленно легла на стол. Из-под стекол удивленно блеснули маленькие глазки:

– Гетьмановы родичи? Или голота бесштанная?

Я с трудом сдержал улыбку. Каждый – о своем. Соврать, придумать какую-нибудь сказку?

Нет, нельзя!

– Они иноземцы, пан Станислав. Очень издалека.

– И... что? – Глаза моргнули, пухлая ладонь потянулась к окулярам. – Тем лучше!

Я вздохнул. Поверит ли?

– Мир велик, пан Станислав! И в этом мире Сосудов больше, чем представляется многим.

Это особые гости. Мои. Вы понимаете, о чем я?

Улыбка сгинула, словно стерли ее мокрой тряпкой. На неузнаваемом лице светлым огнем загорелись волчьи глаза.

– Ты... Ты уверен, пан Юдка? Уверен?

Я улыбнулся, хотя в этот миг улыбаться мне совсем не хотелось.

– Особые гости... Значит, откликнулись! А ты не врешь?

Теперь улыбаться нельзя. Замереть, выдержать его взгляд. Говорят, не всякий его выдерживает...

– Не врешь, вижу! Рассказывай!

Толстый вальяжный пан сгинул. Огромное тело налилось силой, широкие лапищи сжались в кулаки, а лицо!.. Таким Станислава Мацапуру увидишь не каждый день. Да и мало кто его таким видит. А кто видит – уже никому не расскажет.

– Они из другого Сосуда. Из какого, сказать трудно. Малахи разрешили им пересечь Рубеж. Они пришли за ребенком – за *этим* ребенком...

Пан Станислав молчал, а мне вспомнилось, как мы с ним спорили. Редко кто решается спорить с Мацапурой-Коложанским, но есть вопросы, по которым даже ему нужна не покорность, а истина. Я никак не мог его убедить, что дорога между сфир все-таки есть и Рубеж проходим. Не для душ, не для бесплотных Малахов – для людей. Он очень неглуп, пан Станислав, и много знает. Но книга «Зогар» недоступна этому гою.

– Ну, говори! И подробнее!

Теперь следовало взвешивать каждое слово. Не лгать – пан Станислав звериным чутьем распознает ложь. Но и со всей правдой не спешить. О гневе Малахов ему знать ни к чему. Достаточно и того, что переход через Рубеж труден и без должной помощи его не одолеть...

– Так-так! – Пан Станислав крутанул ус, дернул щекой. – Стало быть, воин, лекаришка да колдунья. Колдунья-то хоть хороша?

Он снова шутил. Я вспомнил чернявую и тоже улыбнулся. Может, в своих краях Сале и хороша. У нас – едва ли. Во всяком случае, не во вкусе зацного пана.

– А с младенцем как вышло? Что думаешь, пан Юдка?

Я пожал плечами. Что тут думать?

– Судите сами, пан Станислав. В Гонтовом Яру объявляется чужак. Не просто иноземец, а совсем другой, нездешний. Посполитые считают его чортом – случайно ли? Он подселается к бабе, брюхатит ее, а после исчезает. И вот за ребенком приезжают *оттуда*...

Пан Мацапура задумался; наконец кивнул.

– Складно. Значит, дите пока оставим, но им отдавать не будем. Все одно Рубеж закрыт. А с братом того чертенка как?

– Погодим, – предложил я. – Гриня Чумака соседи крепко обидели. Из таких лихие сердюки выходят.

Он вновь кивнул и прикрыл глаза, превратившись обратно в доброго усталого пана, которого мучает бессонница среди холодной зимней ночи.

– Эка, забот привалило! И не отдохнуть! Та девка, что из Калайденцев привезли, скотина неблагодарная, хотела мне ногтями в глаза вцепиться, представляешь? Пришлось клещами все ногти повыдергивать да рот зашить, чтоб не выла! А вторая, что из Хорлов, дерево – деревом. Обнимаешь ее – молчит, кнутом дерешь – молчит. Только когда пятки припек, завывла...

На такое тоже отвечать не полагается. Да и что ответишь? То пана Станислава забава, ему виднее.

– А знаешь, в газете пишут, что война за Дунаем до весны не кончится. Может, еще на год затянется.

Глаза его по-прежнему были закрыты, но я понял: это – главное. Потому и ждал меня пан Станислав среди ночи, в замок не ушел, газетку лембергскую почитывал.

– Про то и в округе болтают, – кивнул я. – Думаю, Валковская сотня не скоро вернется. Да и вернется ли? За Дунаем, говорят, чума.

– Значит? – Его лицо дрогнуло, ямочки на щеках сгнули без следа. – Пора?

– Да, пан Станислав, пора.

Он вновь задумался, а я вдруг почувствовал знакомый запах – страшный, сводящий с ума дух горящей заживо плоти. Сколько лет хотелось забыть, не вспоминать! Не вышло – это уже навсегда.

– Откуда начнем, как думаешь?

Откуда? О том мы с ним говорили не раз, и все давно решено. Вопрос этот так, для разговора.

– С Хитцов, пан Станислав.

– С Хитцов? Ну, как скажешь...

Запах горящего мяса стал сильнее, и на миг я даже пожалел, что Смерть – худая плосконогая девчонка – в эту ночь промедлила. Чего же еще хочет от меня Святой, благословен Он?

Ответ не был мне дан, но я догадывался. Двойник! Двойник – и Пленник. Чертенки из Гонтова Яра. Не зря они встретились в эту ночь – Смерть, Пленник и Двойник.

Не зря.

Ярина Загаржецка, сотникова дочка

Знакомый рябой черкас буркнул: «У себя» – и отвернулся. Кто именно – Ярина решила не переспрашивать. Ей были нужны оба – и сам пан писарь, и его нескладный сын.

Постовой не ошибся – Лукьян Еноха оказался на месте, за своим столом, и даже толстая друкованная книга была знакомой: та, что и неделю назад. Девушке подумалось, что книга, равно как подставка с гусяными перьями, нужна пану Енохе исключительно для представительности. Во всяком случае, прочитанных страниц за эти дни не прибавилось.

– Чего, егоза, скучно?

Пан Еноха не без труда оторвал взгляд от хитрых буквиц, снял окуляры, зевнул.

– Скучно? – Девушка просто задохнулась от возмущения. – Да я в Перепелицевку с разъездом ездила! До петухов встала!

– Ну, ясно, – писарь потер сонное лицо, с трудом удерживаясь от нового зевка. – За дурной головою...

Ярина вздохнула. Что бы она ни делала, всерьез сотникову дочку никто не принимал. Девчонка – и девчонка, разве что замуж отдать, да и то пока не за кого.

– В Перепелицевке каких-то всадников видели. К Хитцам ехали.

– Знаю... Сообщали уже. За такими вестями, Ярина Логиновна, нечего коней томить... Ты к Теодору?

Девушка дернула плечом. К пану писарю она завернула, чтобы доложить по всей форме, как и надлежит старшему по разъезду. И вот, пожалуйста!

– Он в подвале. С разбойником этим – Хвостиком. Ты бы его оттуда вытащила, что ли? Чего ему с душегубцем якшаться? Посидели б, сбитню горячего попили. В жгута сыграли...

Намек насчет сбитня и жгута Ярина пропустила мимо ушей – не маленькая, чтоб в игры детские играть. Но вот по поводу остального...

Хведир встал уже на третий день – продырявленная мякоть плеча срасталась быстро. Встал – и первым делом направился не в церковь свечку ставить, а в подвал, где заперли чернобородого заризяку.

Тому досталось больше. Пуля из янычарки пропорола бок, и местный знахарь вначале лишь головой качал, посоветовав готовить домовину – вкупе с осиновыми клиньями и маком. Однако на второй день чернобородый открыл глаза, а на четвертый – попытался встать. Видавшие виды сивоусые только руками развели, рассудив, что разбойнику суждено быть непременно повешенным – потому пуля его и не взяла.

Однако Хведир-Теодор вновь удивил всех. Поговорив с пленником, он категорически заявил, что в суд на него подавать не будет и о том же остальных просит. Тут уже и Ярина диву далась. Как можно заризяку миловать? И главное: о чем это Хвостик с Хведиром говорили, если им обоим ни слова не понять? Невидимый толмач сгинул вместе с химерным паном Рио да с чернявой ведьмой. С Хвостиком говорил пан писарь – по-польски да по-немецки, Агмет – по-татарски и турецки, а беглый стрелец Ванюха Перстень – по-московски. Говорили, да все без толку – Хвостик лишь глаза тарачил да блекотал по-непонятному. И как блекотал! Не голос – бесовское наваждение, мурашки по коже бегут. Раз услышишь – перекрестишься, два – под лавку спрячешься!

И на каком это наречии бурсак с ним столкнулся? Неужто на латыни?

* * *

Пан писарь не ошибся. Хведир действительно оказался в подвале, около пленника. Тот лежал на лавке, а бурсак, пристроив поудобнее раненую руку, сидел на колченогом табурете и что-то тихо ему говорил. Страхолюда молчал – слушал и, похоже, понимал.

Увидев Ярину, Хведир махнул здоровой рукой – мол, не мешай, погоди чуток. Пока девушка соображала, обидеться или в самом деле погодить, заговорил Хвостик. Девушка не стала прислушиваться (больно голос страшен!), но отчего-то почудилось, что речь чернобородого стала иной, не такой, как прежде. Или в самом деле знакомое наречие нашли?

– Ладно! Потом!

Бурсак встал и негромко выдал пять-шесть слов на неведомом языке. Заризяка понял – кивнул и даже усмехнулся. Видать, и вправду – столкнулись!

– Ты чего, Ярина?

– Как – чего?

Кажется, следовало все-таки обидеться. Ведь не только к пану писарю зашла, но и к этому невеже. И о здоровье справиться, и просто – потолковать. Ведь друзья же!

– Тут интересное дело, Яринка... Ну, хорошо, пойдем! Я тебе такое расскажу!

Они прошли не в залу, дабы не беспокоить пана писаря, а на второй этаж, в маленькую комнатку, где и жил пан Еноха-младший. Точнее, не жил – на постое стоял в редкие приезды из коллегии. Ярина опытным глазом отметила паутину в углах, пыль на книгах – и только вздохнула. Беда, когда мамки нет! Пани Еноха два года как преставилась, а свою мать Ярина и не помнила. Плох дом без женской руки!

Хведир скинул с кресла какую-то книгу в треснутой кожаной обложке.

– Садись!

Сам он пристроился прямо на лежанке – тоже заваленной фолиантами. Ярина вновь вздохнула: ну и разор! Она бы тут враз порядок навела! Мыши бы – и те каждое утро на перекличку строились!

– Служанку позвать нельзя? – не утерпела она. – Как ты тут живешь, Хведир?

– А как? – Парень удивленно оглянулся. – Все на месте, под рукой. Служанок я и на пороге не пускаю. Перепутают все, я и до лета не разберу!

– Ничего, матушка попадья тебя быстро к порядку приучит! – хмыкнула девушка, не без злорадства отметив, как вздрогнул Хведир-Теодор – будто мороз ударил. Или в доме похолодало?

Она хотела для начала спросить о ране, о том, не болит ли, не ноет по ночам, но любопытство пересилило.

– Так как ты с ним говоришь, с разбойником этим?

Хведир усмехнулся, почесал кончик носа:

– Ты не поверишь! По-арамейски.

– По... По-каковски?

Поверить Ярина не могла – хотя бы потому, что не ведала: есть ли вообще на белом свете такой язык – арамейский?! Но и не верить тоже вроде не с руки. Мало ли языков на свете?

– Понимаешь, батька с ним говорить пытался, Агмет, слуга твой, – и все напрасно. Я тоже вначале по-латыни заговорил – без толку. А потом вспомнил – пергамент! Ну, тот, что нам пан Рио показал?

Девушка кивнула. Пергамент с золотой печатью был сдан пану писарю и торжественно заперт в большой сундук, что стоял в углу горницы.

– Я подумал: а если по-эллински попробовать? Ну, по-давнегречески. Там, правда, *койне*, это посложнее, но у меня есть Пиарская грамматика, ее для отцов-василиан издали.

Хведир увлекся, заговорил быстро, горячо. Ярина невольно улыбнулась. Чему только не учат в коллегии этой? А зачем? Быть парню попом – здесь, в Валках, а то и в селе, если места не сыщется. С кем он на *койне* говорить станет, с отцом Гервасием?!

– В общем, греческого он тоже не знает. Но *койне* не совсем язык, это смесь, суржик, вроде как у нас в Белгороде говорят – и наша речь, и московская. Так вот, некоторые слова он понял – арамейские.

– Так что это за язык? – перебила девушка. – Вроде этого... армянского?

Об армянах она слыхала и даже раз видела – в Глухове, на ярмарке.

– Вроде, – засмеялся Хведир. – Только другой. Ведай же, Ярина! Ибо глаголили на нем в часы давние, библейские! Арамеи суть племя, с давними вавилонянами в родстве сугубо состоящее. Сам Навуходоносор, о коем в Завете Ветхом...

Увесистый щелчок по лбу заставил бурсака умолкнуть.

– В следующий раз окуляры разобью, – невозмутимо сообщила девушка, подув на костяшки пальцев.

– Окуляры – не надо! – вздохнул Хведир. – Ну, я и говорю: древний язык. Вроде бы Евангелие, которое от Матфея, вначале было написано по-арамейски, только потом его на греческий перевели. Ну, арамейский я почти не знаю, и он, пан Хвостик, тоже – вслепую бредет, но все-таки объяснились.

– И поэтому ты на него не будешь в суд подавать? – не удержалась девушка.

Да, не быть бурсаку черкасом! Настоящий черкас сперва врагу шаблюкой башку с плеч снимает, а после об имени-племени спрашивает!

– Какой суд! – Парень даже рукой махнул. – Я сам под нож полез. К тому же он слуга, его дело – пана своего защищать. С пана и спрос.

С этим Ярина была вполне согласна. С куда большей охотой она бы увидела в подвале самого пана Рио. Вспомнились нелепые слова, что на пергаменте написаны. Герой! Хорош герой, младенец ворует!

– Так откуда он родом, Хведир?

Бурсак улыбнулся, поднял вверх палец:

– Ведай же, что сия тайна – велика есть. Однако же при должном рассмотрении и особливом сопоставлении...

– Окуляры! – вовремя напомнила девушка.

– Гм-м, – Хведир прокашлялся, почесал затылок. – В общем, стал я его расспрашивать, даже атлас показал – Меркаторов. И ни в дугу! Ясно лишь, что там, откуда он родом, теплее. Снег он, кажется, видит второй раз в жизни. Ну, я и понял... Дратья не будешь?

Ярина вздохнула, но не выдержала – улыбнулась:

– Ладно, не буду!

Палец вновь оказался воздетым вверх.

– Истинно скажу, что сей пришлец не кто иной, как антипод!

– К-кто? Анти?..

– ...под! Прибег же он в края наши с земли, именуемой *Terra Australia*, в просторечье же – Южным Материком...

Девушка попыталась повторить, сбилась, жалобно моргнула:

– Хведир, ну пожалуйста! Скажи по-человечески!

Парень только руками развел.

– Ага! Скажешь, когда шесть лет приходится язык в узел завязывать! Ладно, попытаюсь... Ну, в общем, в Южном полушарии – южнее Африки – судя по всему, существует огромный материк. Значительно больше Европы. О нем еще писал греческий географ Птолемей. Я и подумал: если греки его знали, этот материк, то, может, и там о нас помнят? Отсюда и давнегреческий, и арамейский.

На этом дело не кончилось – Хведиру пришлось досконально пояснять, кто таков географ Птолемей, а заодно демонстрировать Меркаторов атлас с большим белым пятном в Южном полушарии. Наконец Ярина удовлетворенно кивнула.

– Поняла. Так думаешь, они оттуда?

– Больше неоткуда вроде, – с легкой неуверенностью заметил бурсак. – Имя Рио, конечно, похоже на испанское, но он не испанец...

Ярина задумалась. Поскольку ни рогов, ни копыт (равно как и хвостов) странные заброды не имели, она была готова поверить даже в антиподов. Но и в этом случае загадка не решалась. Пусть пан Рио родом с неведомого Южного Материка, однако и антипод не мог попасть в Гонтов Яр без правильной подорожной, отмеченной в полковой канцелярии. Или они там, на юге, по воздуху летают, аки птахи небесные? Но ведь гости прибыли верхами!

Продумать как следует этот важный вопрос Ярина не успела. Дверь, отчаянно заскрипев (ну почему бы петли не смазать!), отворилась.

– Та-а-ак! Воркуете, значит, голубки?

В дверях, подбоченясь, стоял сам пан Лукьян Еноха.

– Батька, мы!..

Хведир смутился, вскочил, окуляры упали с носа.

– Вижу, – невозмутимо согласился пан писарь и повернулся к Ярине.

– Вот чего, егоза! К себе домой не ходи, тут оставайся. И этого никуда не пускай. Поняла?

– Это почему еще? Дядько Лукьян, да что это вы?

Девушка тоже вскочила, но не смущенная, а полная искреннего возмущения.

– Потому! – Пан писарь вздохнул, поморщился. – Потому, Ярина Логиновна, что мне уехать надо. В Хитцах неладно. Гонца прислали – вроде бы татар поблизости видали.

– Татар?!

Ярина и Хведир переглянулись. В последний раз татар, если, конечно, Агмета не считать, заносило под Валки лет двадцать назад. Хведир тогда только-только родился, а Ярины еще и на свете не было.

– Бог весть, – писарь пожал плечами. – Вроде бы комонные, в татарском платье. Так что ехать надо. Людей мало, в Валках я троих оставлю да Агмета твоего в придачу, остальных с собой беру. А вы дома сидите!

– То есть как? – возмущение Яриного не только не улеглось – до небес выплеснулось. – Дядько Лукьян! Да как же это так! Я чего – верхами ездить не умею? Да я с глазами завязанными лозину рублю!

Пан Еноха невозмутимо кивнул:

– Мне батька твой то и говорил – насчет лозины. Не будет, мол, моя Яринка слушаться, лозину возьми да отдери по филейным частям. И не от локтя бей, а с замахом – так, чтоб год садиться не могла. А потом снова отдери да солью сыпани, чтоб верещала громче!.. Сказано – дома сидеть, значит – дома! А ты, Хведир, за старшего остаешься!

– Я... Батька, я...

Бурсак растерянно моргнул, но дверь уже хлопнула. Хведир неуверенно потоптался, затем махнул рукой и бухнулся на лежанку. Ярина подумала – и присела рядом.

– Татары? Откуда тут татары? – растерянно проговорил парень. – С ханом у нас мир, да и засека надежная. Еще бы сказали – турки!

Девушка вздохнула и внезапно, не утерпев, погладила парня по щеке.

* * *

В зале было полутемно. Немецкую лампу зажигать не стали, обошлись свечой – единственной, едва прогнавшей ночной мрак. Хведир пристроился на отцовом месте – у закрытой книги; Яринка забилась в угол, в самую черную тень.

В доме было тихо.

Тихо – и страшновато.

Пан Лукьян не вернулся, прислав гонца, что остается в Хитцах, потому как в лесу поблизости и вправду чужаков видели, не десяток, не два – больше. С тех пор никаких известий не было, хотя ночь на исходе и где-то совсем близко уже пропел первый кочет...

Хведир встал, подошел к маленькому, подернутому морозом окошку.

– Иди спать, Яринка! Если что, разбужу.

Девушка помотала головой – спать не хотелось. То есть, конечно, хотелось, но...

– Это ты иди спать. А я постерегу – чтоб татары не украли!

Она шутила, хотя на душе было не до шуток.

Ярина, конечно, не утерпела. Весь вечер вместе с верным Агметом ездила по Валкам, дабы и людей подбодрить, и самой осмотреться. Городок почти вымер – пан Лукьян забрал с собой не только черкасов, тех, что в поход не ушли, но и дюжину подсоседков, и просто охотников. Остальные забились в хаты, боясь показаться на улицу. Даже рогатки, выставленные поперек шляха, остались без охраны. Да и кому охранять? В городе и до войны меньше тысячи жило, из них черкасов – служивых и абшидных – сотня с небольшим. Теперь даже их не осталось. Остальные – обычные мугыри, которые и смотреть на шаблю боятся.

Девушка почувствовала, как страх, сидевший где-то глубоко, начинает наползать, подступать к горлу.

– Хведир! – не выдержала она. – Не молчи! Расскажи что-нибудь!

– О чем?

В голосе бурсака тоже не слышалось особой уверенности.

Ярина усмехнулась:

– Ну... Про фольклор свой. Написал байку? Про Гонтов Яр?

– А-а! – послышался тихий смех. – Написал! Пану Гримму понравится. Позавчера из Гонтова Яра выборный тамошний приезжал – к отцу, бумаги выправлять насчет винокурни. Так знаешь, о чем там болтают?

– Снова черти заглянули?

Почему-то в присутствии Хведира-Теодора о таком говорить было совсем не боязно – даже в темноте.

– Нет, другое, – бурсак вновь усмехнулся. – Может, не говорить? Ночь ведь, страшно!

– Ах ты! – Девушка вскочила, махнула рукой. – А кто еще в детстве перед сном нам про Черную Руку рассказывал? И про Дидька Лысого? Забыл?!

Сама Ярина забыть такое не могла. После каждой истории она забивалась под перину и дрожала полночи. А на следующий вечер вновь просила рассказать – и снова дрожала.

– ...Пришла Черная Рука, – замогильным голосом начал Хведир. – Открыла дверь – и стала искать маленькую девочку Яриночку... А ведь это мысль! Представляешь, Ярина, такое записать, а? Пан Гримм с кафедры свалится! А в Гонтовом Яру всякое болтают. Будто из Гриневой хаты голоса доносятся, будто вокруг кони невидимые скачут. Ну и мамка его еще приходила.

– Мамка? – удивилась девушка. – Его же матушка померла! Ребятенка родила и...

– Вот я и говорю... То есть соседи говорят – приходила. Хату обошла, потом внутрь заглянула – искала. А наутро пес сдох. Помнишь пса? Его еще Агмет заговорил?..

Ярина закусила губы. Страх, уже ничем не сдерживаемый, сжал сердце, холодом прокатился по спине. Мертвая мать ищет сгинувшего сына. Ищет – и не находит...

– А на следующую ночь ее снова видели. Поп – отец Гервасий – не побоялся, с крестом выскочил. Так она зубами заскрипела, руки протянула – не дотянулась, а после обратно на погост пошла. А наутро...

– Прекрати! – не выдержала девушка. – Как ты можешь! Такое... такое говорить!

– А что? – Хведир явно удивился. – Обычная история! У этих посполитых вечно то мать к сыну с погоста является, то муж к женке. Потому и обычай есть, чтоб долго не оплакивать...

– Прекрати! – повторила Ярина и, подумав, добавила: – Чурбан!

Бурсак, недоумевающе пожав плечами, замолк. Ярина отвернулась – слушать страшилки расхотелось.

– Ну ты чего? – Хведир подошел ближе, присел рядом. – Мало ли что лапотники эти болтают! Темные они!

– А ты – светлый! – огрызнулась девушка.

– Ну, не такой уж светлый, – развел руками парень. – Но байкам этим не верю. Если и есть что-то необычное, то это не черти и не призраки, а тонкие энергии, которые наш мир окружают. Про то и блаженный муж, учитель мой Григор Варсава, писал...

Страх вновь спрятался, и Ярина внезапно почувствовала, как смыкаются веки. Сон только и ждал – перед глазами поплыли странные серебристые нити, закружились, сплетаясь в пушистые коконы. Уж не тонкие ли это энергии, о которых Григор Варсава толковал?

* * *

– Ярина! Проснись, Ярина!

Девушка открыла глаза. В зале светло, сквозь окошки белеет утро. Кажется, она так и заснула – сидя. Вот и покрывало: не иначе Хведир догадался – укрыв.

– Ярина! – Голос парня звучал странно. – Батька... Батька погиб!
– Что?!

На полу – мокрые следы; на плечах Хведира – кожух. Наброшен наскоро, даже на крючок не застегнут. В глазах под толстыми стеклами – ужас.

– Батька... Погиб батька. И все погибли...
– Мой... Мой отец? И сотня?

Почему-то сразу же подумалось об отце – о сотнике Загаржецком. С Дуная давно не было вестей, а какие и приходили – не радовали.

Парень вздохнул, качнул головой. Дужка окуляр сползла с уха.

– Мой батька – Лукьян Олексеич. И все, кто с ним поехал. В Хитцах. И село... Погинуло село...

Ярине показалось, что она все еще видит сон – страшный, тягучий. Хорошо бы проснуться, поскорее проснуться!..

Проснуться не получалось.

Юдка душегубец

Я скинул окровавленный жупан прямо на пол и взглянул на руки. И здесь кровь – но не моя.

Чужая.

На саблю и смотреть не стал: хоть протирал снегом, а все равно – чистить и чистить!

Хотелось упасть, как был, прямо в сапогах, на лежанку и провалиться в черную пустоту. Как хорошо, что мне никогда не снятся сны! Там, в темной пропасти, я недоступен – ни для пана Станислава, ни для тех, кого встретила моя сабля за эти долгие годы, ни для всевидящих Малахов.

Уснуть!

Но я знал: не время. Хотя пан Мацапура уже извещен – я специально послал хлопца на свежем коне впереди отряда, – но придется докладывать самому. Таков порядок, таков обычай. Хоть и не в войске, а вроде того.

Я кликнул джуру, отдал ему саблю – чистить до белого блеска – и велел принести таз с теплой водой. Кровь плохо отмывается; особенно зимой, особенно если она смешана с грязью.

С грязью – и с пеплом.

Теперь – свежая рубашка, штаны, каптан с белой подкладкой, кипа. Дворецкий – тот, что был до нынешнего, – все рожу морщил: негоже-де при пане зацном с головой покрытой ходить! О своей бы голове подумал, прежде чем болтать пустое! Где она сейчас, его голова?

Застегиваясь и надевая пояс, я вновь перебрал в памяти все, что должно рассказать пану. Когда я на службу поступал, пан Станислав сразу предупредил: говорить надо лишь о самом главном – четко и ясно, без лишних словес. Так-то оно так, да только сам он любит о таком расспрашивать, что порою дивишься – к чему? То ли пан зацный попросту любопытен, то ли видит в мелочах что-то важное, нам, сирым, непонятное. Ну, скажем, моргала ли голова после того, как на снег свалилась? Как у того дворецкого. Три года назад это было, тогда тоже на дворе месяц лютый стоял.

Может, пан Мацапура в детстве страшные сказки любил?

– Пан Юдка! Пан надворный сотник!

Задумался! Даже не услышал, как джура постучал, как дверь открыл.

– Пан Юдка! Пан Станислав вас в банкетную кличут! Он там с гостями. Поспешить просит!

Я мельком отметил: «просит». Странное дело, пан Станислав действительно вежлив! И не только со мной. Даже с теми, кого в замок волокут.

Итак, кличут.

Обычно пан не завтракает и не обедает – отсыпается после ночи, лишь на ужин зовет гостей. Что-то сегодня изменилось! Впрочем, гости, как известно, бывают разные.

Я все-таки опоздал. Гости давно расселись, и пан Станислав был на месте – в резном кресле под огромными оленьими рогами, что к стене прибиты. Помнится, один гость посмел улыбнуться и даже шутку отпустить. После ему стало не до шуток – когда болтуну его же язык на ужин подали.

Отварной, с горчицей.

Итак, все на месте – пан Станислав, пан Рио, пан к'Рамоль и, конечно, пани. Причем если мужчины сидят на местах гостевых, хоть и не загоновых, то пани Сале (вэй, ну и дела!) – рядом с паном Мацапурой, не в обычном кресле, а в хозяйском, с высокой спинкой.

Вот даже как!

Долго кланяться да извиняться мне не дали. Пан Станислав в это утро был в изрядном настроении. Черные усы смотрели кончиками вверх, глазки поблескивали, и ямочки – такие детские ямочки на щеках!

– То прошу, пан Юдка! Остынет!

Я с опаской поглядел на ближайшее блюдо. Было дело – пытались свинину подсунуть. Повар (смешно сказать – тоже жид, как и я), когда его на стойке кнутом охаживали, все вопил, что мясо кошерное, поскольку свинья рылом вышла точь-в-точь меламед из харьковского хедера.

Веселый был повар!

Был.

Нынешний такого себе не позволяет. На блюде была телятина, на соседнем – рыба. Ага, у гоев сегодня постный день! Никак не привыкну. Намудрили эти Моше с Иешуа бен-Пандирой! Вместе бы и постились!

Слуги ждали, замерев, как волки в засаде. Ждал пан, ждали гости. Мой желудок тоже ждал, хотя в последний раз закусить довелось прошлым утром. Чтобы не думать о телятине и о подливе (на этот раз – винной), я искоса, дабы хамом не показаться, принялся разглядывать соседей. Так-так, на пани Сале новое платье, белое, золотого шитья. То есть не новое – из кладовой пана Станислава. Вэй, ну и платье! А ведь в каких обносках приехала! Широкая душа у пана Мацапуры! И на самом пане Станиславе кунтуш – одно загляденье. Кунтуш, золотая серьга в ухе, цепь...

Цепь?!

Точно, та самая, с портрета в библиотеке. Давно ее пан Станислав не надевал, наверное, с год. Богатая цепь, прямо орденская, и камень хорош – огромный, красный...

...Красный! Кажется, я снова начинаю различать цвета! Да, камень красный, густого сочного цвета. Страшно подумать, сколько такой стоит. Село купить можно – и немалое!..

Мы все чего-то ждали, телятина отчаянно пахла (нынешний повар свое дело знает, хотя и гой!), как вдруг я заметил некую странность. То есть не заметил даже – почувствовал. Все на месте – и пани гостья хороша, даром что худа, как сушеный карась, и пан Станислав орлом глядит. Но что-то... Что? Серьга? Кунтуш?

Я вновь искоса глянул на пана Станислава – и вдруг понял. Цепь! Да, такая, как на старом портрете – за исключением камня. Тот худощавый пан в испанском камзоле носил цепь с белым камнем, а на пане Станиславе...

Красный! Как хорошее вино, как запекшаяся кровь!

Как приятно вновь различать цвета!

Красный?

Оно бы и не удивительно: мало ли что художнику в голову взбредет? Да только знаю я этих панов зацных и мощных! Чтобы на портрете фамильную прикрасу перепутать? Быть того не может!

Или камень в цепи заменили?

Дверь неслышно отворилась, и в банкетную деревянным шагом вошел пан Пшеключицкий. Вошел, так же деревянно поклонился, ни на кого не глядя, и шагнул к высокому креслу, в котором восседал пан Станислав.

Я облегченно вздохнул. Ну конечно! Его и ждали!

Пан Пшеключицкий вновь поклонился (даже не поклонился – головой дернул) и стал там, где положено, – за спинкой кресла. Он так часами стоять обучен – даже не моргнет.

Все, можно и за вилку браться!

Такое я еще за Днепром видел. Настоящий пан хорошего рода и хлеба не куснет, если за креслом его не будет другой пан стоять. И не кто попало, а чтоб урожденный шляхтич, да с гербом, да при шпаге. Говорят, иные по горсти золота в день за такое платят.

Вот оттого и пана Пшеключицкого ждали!

Станный он, пан Пшеключицкий. Ни с кем слова не скажет, вина не выпьет, не поругается даже. Первые полгода я его фамилию запоминал, потом целый год присматривался – понять не мог, а когда понял...

...Когда понял – зауважал пана Станислава еще больше. Не то чтобы было в пане Пшеключицком что-то особенное (видел я, как за креслом одного кнежа аж трое стояли), но все же неплохо! Умелец он, пан Станислав!

Слуги неслышно скользили, подавая блюда и подливая вино, пан Станислав улыбался, негромко беседуя с пани Сале, та улыбалась в ответ, пан Рио явно увлекся рыбой, пан к'Рамоль брови хмурил (с чего бы это?), а мне внезапно дико захотелось спать. Нельзя! Завтрак – только начало, потом будет главное. Раз пан Станислав меня к завтраку пригласил, значит, разговор будет.

И не простой разговор!

* * *

– Так, значит, все в порядке?

– Да, пан Станислав! Трех хлопцев потеряли, да пятеро ранены...

– Не беда. Народу много, бабы новых нарожают!

Он вновь сидел под старинным портретом, только теперь в руках у пана Станислава была огромная глиняная лялька. Сизый дым неторопливо поднимался вверх, тучей собираясь под лепным потолком.

– Новые гости – в замке? Те, что из Хитцов доставлены?!

– Так...

Пан Станислав кивнул, глаза удовлетворенно сверкнули.

– Ну-ну! Вечером погляжу, кого ты мне привез. Не хочешь вечерком вместе со мной в замок прогуляться?

Я вздрогнул. В замок? Избави Святой, благословен Он!

Он понял. Засмеялся – весело, словно и в самом деле пошутил.

– А ты заметил, как пан лекарь на нас с пани смотрел?

Я вспомнил мрачного к'Рамоля и усмехнулся.

– Не по коту сметана! А знаешь, пан Юдка, в этой пани есть свой смак! Видал?

Он протянул вперед правую руку. На запястье темнел кровавый след – чьи-то ногти впились в кожу.

Ясное дело чьи.

– Когда пан будет вновь стирать того кота, – вздохнул я, – то пусть пан его не выкручивает, а так на веревку вешает.

Он хохотал долго, хлопая себя по брюху и тряся щеками. Наконец махнул рукой:

– Ладно! Так и повешу. Да знаешь ли, пан Юдка, это не то, что ты подумал. Дело иначе было. Решил я поглядеть, из какого теста эта пани. Повел ее маеток показать – и на стайню завел. А там одну девку как раз плетью охаживали. Воровать вздумала, бесова дочь! Я велел ее на воздушных парить, под колокольчики – пока не сдохнет. И что ты думал? Эта пани Сале до самого конца простояла, глаз оторвать не могла. За руку меня взяла – и смотрела.

Он вновь покрутил исцарапанной рукой, расправил усы:

– Вот таких и люблю! Знатная пани! И чернокнижница зацная! Книгу «Рафли» читала, и «Задею», и «Сирин». Только, говорит, они у них иначе зовутся.

Вот даже как? Интересно, есть ли в том Сосуде книга «Зогар»?

– Что меня дивит, пан Юдка... Если они в наши края за ребенком собрались, отчего про обратный путь не подумали? Я тоже кое-что прикинул, «Рафли» полистал. Трудное дело за этот Рубеж пробраться! А они – как в омут.

Наши взгляды встретились. Трудно врать такому, как пан Мацапура!

Трудно – но можно. Этому гою незачем знать о визах, о том, что в каждом Сосуде имеются консулы. Сале молчит – и я молчать буду.

– Видать, очень им этот ребенок нужен, пан Станислав.

– Видать...

Он нахмурился, замолчал, а я вновь взглянул на портрет. Неужели этот, в испанском платье да с белым камнем в цепи, – его батюшка? Вот уж поистине: не в отца, а в проезжего молодца!

– А хорошо бы, пан Юдка, самим дорогу в иной мирок сыскать! Чтоб только мы об этом пути знали, а? Вот тогда и с дитем разберемся – кому он там нужен да зачем.

Мог бы не говорить! Я сразу понял, почему пан Мацапура принялся пани Сале обхаживать. У той, понятно, свой интерес, да только нашего пана не проведешь! Аукнется ей ее белое платье! В нем и зароят, едва дорожка через Рубеж откроется!

– Есть у меня думка, как толк наладить! А ведь у них там даже рушниц нет!.. Да, ты этого ребенка-то видел?

– Видел, пан Станислав, – удивился я. – Только не разглядывал. Дите себе – и дите!

Он вновь задумался. Выпустил клуб сизого дыма, качнул головой.

– Ан не совсем! То, что пальцы на руках не по счету – ладно. И не таких рожают! А вот сколько ему?

– То есть? Что пан имеет в виду? – удивился я. – Гринь Чумак говорил: дите две недели как родилось...

– Две недели! – Пан Станислав даже трубку отложил. – Да ты бы поглядел сейчас на него, на байстрюка этого! Ему полгода – не меньше! Скоро зубы резаться будут!

Полгода! Я вспомнил вопящий сверток на руках у пани Сале.

Полгода?

Был бы гоем – точно перекрестился.

Кто же ты такой, Пленник?

– А с братом его, пан Юдка, мы вот что сделаем. Утром человечешка прибежал из Гонтова Яра, поведал кой-чего. Тамошние лапотники совсем спятили. Хату, где тот хлопец жил, спалили, да мамку его из домовины выбросили...

– Как? – Мне показалось, что я ослышался. – Из домовины?

– Выбросили и колом проткнули, а после тоже сожгли – чтобы с чертями не путалась да из могилы не вставала. Что с хлопков взять? Дурни! Вот мы про это чумаку и расскажем. Сам же говорил: лихой из него сердюк выйдет! Будет при брате – да при мне!

Лихо пан Станислав задумал! Теперь чумаки сам за саблю схватится.

– Вот так! Как за Рубеж пойдем, его и возьмем – вместо пса. Как думаешь, пропустят нас твои ангелы?

На этот раз я не удержался – вздрогнул. Пан Станислав усмехнулся, но усмешка почти сразу погасла.

– Их можно... подкупить – или напугать?

Подкупить? Пани Сале попыталась – на свою голову. А вот напугать...

– Рабби Шимон бар-Йохай когда-то прогнал Малаха-Разрушителя, – осторожно начал я. – Прогнал – и запретил возвращаться. Но я – не бар-Йохай. И вы, пан Станислав, тоже.

– А договориться? – живо подхватил он. – Ведь нужно же им чего?

Я закрыл глаза. Блаженны несведующие! Договориться – с кем? С чем? С громом, с молнией, с потопом?!

С Рубежными Малахами?!

На миг все словно сгнуло – и я вновь очутился в холодном мокром лесу у старой дороги на Умань. Заныли скрученные веревкой запястья, запершило горло от страшного, удушливого духа горящей заживо плоти. В глаза ударил ослепительный свет – ярче пламени, ярче солнца: белый, проникающий даже сквозь закрытые веки.

– ...Твое желание услышано, Иегуда бен-Иосиф! Да будет так! И знай, что жалеть уже поздно!

Ярина Загаржеца, сотникова дочка

Кровный соловый конь нетерпеливо переступал тонкими ногами, плохо понимая, чего ждет хозяйка. Горячие ноздри раздувались, копыта били в снег.

Ярина растерянно оглянулась. Вот еще одни сани, забитые добром, за санями бежит одуревший козленок, на руках у бабы – рыжая кошка.

Бегут!

С самого утра бегут – кто в Полтаву, кто в близкий Харьков. Пустеют Валки!

Девушка покосилась на Хведира. Тот сгорбился, вцепившись здоровой рукой в конскую гриву. Конь словно чуял – свесил голову, глядя вниз, на истоптанный снег.

За этот страшный день парень почернел; у рта залегла нежданная складка. Горе – и поплакать некогда.

Вот и еще сани, на них баба с двумя младенцами. Муж тут же – сидит на пристяжной в распахнутом тулупе.

Бегут!

...Тело пана писаря привезли поздним утром – порубленное, с выжженными глазами. Не ладно умер Лукьян Еноха! Остальных оставили в Хитцах – в полусожженной церкви. И некому было оплакать – в селе не осталось ни души. Кто не погиб, порубленный, пошматованный, застреленный, тот сгинул, уведенный неведомо куда.

Погинули Хитцы! И теперь страх пошел по округе. Некому отозваться, некому стеной стать...

– Может, и вправду уехать? – поневоле вырвалось у девушки. – Хведир, что делать? Бурсак мотнул головой, щека дернулась.

– Пока батьку не поховаю – никуда не уеду. Да и куда бежать-то? Зима! В лесу – верная смерть, а в поле – нагонят.

Девушке стало стыдно. Бурсак в окулярах ее смелости учит! А ведь верно, учит!

Послышался дробный топот. Из-за угла вылетел Агмет на своем вороном, подскакал, махнул рукой.

– Сюда идут, ханум-хозяйка! Я им сказал, чтоб шибко сюда шли! К тебе, ханум Ярина!

Единственный глаз татарина горел злым огнем. Агмет тоже не боялся. Не боялся – и первым сообразил, что делать надлежит. Ярина улыбнулась – верно! Пусть идут, разберемся!

Толпа уже вываливала на майдан – мужики, бабы, молодые парни, даже детишки. Впереди грузно семенит валковский выборный – тучный старик, умевший, как хорошо помнила девушка, лишь кланяться и поддакивать. Оттого и выборным поставлен!

Люди заполнили майдан, окружили всадников. Кто-то протянул руку к узде солового скакуна, но Агмет свистнул камчой – и смельчак-невежа поспешил отшатнуться.

– Панна сотникова! Чего делать-то? Скажи, чего делать? Пушай скажет! Скажет!

– Чего там спрашивать? – тут же отклинулись иные. – Бежать! Бежать надоть! Из Минковки уже бегут, из Перепелицевки бегут!..

Ярина ждала. К горлу подступил страх, и она с тоской вспомнила батьку. Пан Логин Загаржецкий живо бы объяснил этим мугырям, чего делать надо. Но батька далеко, а беда – вот она, рядом.

Она вновь взглянула на Хведира. Парень смотрел вниз, под конские копыта. Да, не вояка! Вот братья его – один к одному, черкасская кость. Но они тоже там, на синем Дунае...

– Тихо! – Ярина привстала в седле, рука с «корабелкой» взлетела к серому низкому небу. – Тихо, панове-молодцы! Что орете, как жидовский кагал? Пришли слухать – так слушайте, чего я скажу!

Гвалт стих, сменившись холодным, тяжелым молчанием. Десятки глаз смотрели на худую плосконосую девушку в серой кожушанке и черкасской шапке с белым верхом.

Ярина подождала, вдохнула холодный воздух.

Пора!

– Что, обыватели валковские? Бежать вздумали? Волков по чащобам кормить?! Вы побегите, соседи побегут – и край запустеет. Для того ли прадеды ваши здесь засеки строили да татар в пень рубали? Неужто они трусов породили?

Ответом была тишина. Мужики прятали глаза, смотрели вниз, отворачивались.

– Батька твой, панна сотникова, далеко, – наконец бросил кто-то. – Он на Дунае, а мы – здесь. И татары здесь. Пан писарь погиб и все черкасы с ним. Кто Валки оборонит?

– Верно, верно! – откликнулись другие. – Чего ее слушать, соплюху! Бежать надоть, бежать!

– А ну цыть! – «корабелка» вновь взлетела к небу. – Трусов не держу – дорога скатертью! А кто не трус, меня слушай!

Ярина на миг замолкла, переводя дыхание и давая возможность перепуганной толпе прийти в себя. Соплюха? Пусть и соплюха, зато у нее кровь в жилах, а не гнилая водица!

– Эй, панове-молодцы, обыватели валковские, мугыри да свинопасы, костерники да броварники! Хватит вам под перинами прятаться, в винницах страх заливать да по запечьям дрожать – ждать, покуда татарский аркан не найдет! Кто смелый – иди со мной, Яриной Загаржецкой, дочкой сотниковой, наши Валки оборонить! А кто трус, смелость займы бери и тоже иди! Или не деды ваши с паном гетьманом Зиновием Старых Панов под Пилявцами рубили да татар на Изюмском шляху гоняли? А не пойдете – по селам поеду да молодци с рогачами наберу, а все одно: врагов в Валки не пушу! И в том слово даю крепкое, черкаское! Поняли меня?

Девушка задохнулась, рука с саблей опустилась вниз. В горле першило – не иначе голос сорвала. Не беда, лишь бы услышали!

Услыхали! Тишина сменилась гулом, но голоса теперь звучали иначе. Очнулись мугыри!
– А сотником кто будет? – Высокий парень в коротком, не по росту, кожежу пробился вперед. – Не можно без сотника, панна Ярина!

Парень был знакомый – Миско Швец, из самой голоты. Год назад в черкасы просился, да не взяли. Какой черкас без коня?

Девушка задумалась. А и вправду, кто? Ни писаря не осталось, ни есаула, ни черкаса реестрового.

– А хоть он, – Ярина кивнула на мрачного Хведира. – Роду он черкасского, и батька, царствие небесное ему, сотенным писарем был!

Хведир даже головы не поднял – будто не слышал. В толпе засмеялись.

– Не, не годится! – Миско Швец вздохнул буйную шевелюру. – Пусть пан бурсак покуда в писарях, как батька, походит. Он – человек ученый, ему и писарем быть. Верно?

Толпа вновь загудела – согласно, дружно. Ярина облегченно перевела дух. Раз уж чины делить начали, значит, не побегут!

– А сотником тебе быть, Ярина Логиновна, некому больше.

Девушка невольно покраснела, в висках застучала кровь. О таком и не мечталось. Не мечталось, не думалось. Куда там в сотники! Тут бы раз с батькой в поход сходить – и то не брали!

– Девка она! – послышался чей-то рассудительный бас. – Девка славная, боевая, да один хрен: разве можно девку в сотники?!

Ярина только вздохнула. Все верно! Замечталась, дуреха!

– И кто ж такое сказал? – Миско резко оглянулся, хмыкнул. – Да это мы все – бабы, а она – единственный вояка на все Валки! Кто бежать хотел да хомяком в нору ховаться, а?

Рядом со Швецом уже собрались его погодки: крепкие, плечистые, один в один. Кое-кого Ярина помнила. Тоже из голоты, доброго кожуха – и того нет.

– Ярину Загаржецку – в сотники! Слава! – крикнул кто-то, и весь майдан дружно отозвался:

– Слава! Слава! Не уйдем! Не сдадимся!

Ярина словно очнулась. Криком сотники не ставятся. Через день-другой из Полтавы наказного пришлют, но ждать все одно нельзя.

– Теодор Лукьяныч!

Парень поднял голову, взглянул удивленно.

– Поезжай в управу сотенную да всех волонтиров запиши, да амбар открой, где припас хранится, да погреб пороховой. Понял ли, пан писарь сотенный?

Бурсак подумал, кивнул. Ярина повернулась к Швецу.

– А ты, пан Миско, при мне сотенным товарищем будешь. Проследи, чтоб на улицах порядок был, да чтоб не стреляли попусту. И об есаулах наказных подумай, вечером назначим.

– А головы брить? – поинтересовались петушиным фальцетом. – То холодно, панна сотникова!

– Брить, ясное дело! – хором ответили ему. – Голову брить, а чуприну оставлять да усы. И пшена с салом запасай, и ложку с казанком бери! Чай, теперь черкас – не мугырь!

Ярина улыбнулась.

* * *

– Зброи много, Яринка, – Хведир устало вздохнул, откладывая гусяное перо. – Да только старая вся. Рушниц справных нет, и янычарок нет. Булдымки, фузеи без пружин, флинты. Какие ржавые, какие без кремней. И шабли ржавые. Гармата есть, да только без ядер.

Здоровая рука сдернула с носа окуляры, парень повертел их, растерянно оглянулся.

– Протереть бы! Подсоби!

Ярина выругала себя за недогадливость и взялась за окуляры – тереть до блеска толстые стеклышки. Ночь прошла, уже утро. Сделано немало, да вот поможет ли? Люди есть – восемь десятков записалось. Но только кто? Голота – ни коней, ни зброи, ни выучки. Только пятеро и служили, и то не в черкасах, а на востоке – в стрельцах городских. Это ли войско?

– И коней мало, – Хведир вновь нацепил окуляры, заглянул в исписанный мелкой, красивой вязью лист. – Восемь коней, настоящих, боевых, а остальные – клячи селянские, на них не поездишь.

– Ничего, – девушка заставила себя улыбнуться. – Не в том сила!

Да, валковский обыватель воевать не обучен, зброя стара и коней боевых нет. Зато на всех въездах-выездах уже стоят рогатки, а за рогатками – хлопцы с фузеями. За околицами спрятаны секреты, чтобы враг внезапно не налетел, а пушку зарядили гвоздями да подковами. В упор ахнет – добре будет.

– Я Миско Швеца в Минковку послала, да в Перепелицевку, чтоб народ поднимал, – девушка присела к столу, бегло проглядела записи. – Надо бы порох пощупать, а то пишешь – «три бочонка», а что в тех бочонках...

Бурсак что-то хотел пояснить, но не успел. Негромко заскрипела дверь.

– Ханум-хозяйка! Говорить надо!

Агмет подошел к столу, расстегнул жупан, бросил недоверчивый взгляд на разложенные бумаги.

– Зачем глаза портишь, бачка Хведир? Мой один глаз иметь – лучше твоих два видеть!

Бурсак только руками развел. Агмет, не снимая шапки, присел на лавку, хлопнул широкой ладонью по колену.

– В Хитцах был. Все смотрел, хорошо смотрел. Не наша это был. Не татары!

Ярина и Хведир переглянулись. Им самим не очень верилось в неведомо откуда взявшихся крымчаков. Из всех селян, что в Хитцах жили, уцелели трое; те, что сразу в лес убежали. Они и рассказали о татарах: и платье татарское, и луки. Стрелы Ярина сама видела – и не одну. Какие в стены впились, какие в телах холодных застряли.

– Не наша, не татары! – На мрачном лице Агмета промелькнула ухмылка. – Шайтан умный шибко, да моя не глупее. Следы смотрел – не наши кони! Заводных нет, а наша без заводных в поход не идет. А главное – рушницы. Откуда у татар-крымчак рушницы? Наша с лук-саадак идет, наша рушницы йок – нет совсем.

– Значит, не татары, – девушка поджала губы, задумалась. – Кому же это быть?

– Может, москали? – неуверенно предположил бурсак. – У них татар в войске много, и рушницы есть.

– Кто бы ни был, – Ярина поднялась, устало провела ладонью по лицу. – Придут – разберемся.

– Сейчас сани приезжать, – Агмет кивнул на дверь. – От Дикого Пана приезжать. Бочонок пороха привозить, пять рушниц привозить. Бар якши!

Девушка удивленно покачала головой. Вот, значит, как? Ну, спасибо пану Мацапуре!

– Они сразу назад уезжать, а двое тут оставаться. Тебя, ханум-хозяйка, видеть хотят. Я их велел караул стеречь, никуда не пускать.

– Зачем? Они же помочь приехали!

Почему-то сразу подумалось о пане Юдке. Вот бы его сюда с дюжиной-другой сердюков! Никаких татар с москалями и на околицу бы не пустили!

– Помочь? – Татарин вновь усмехнулся. – Знай наша этих «помочь»! Ханум-хозяйка и бачка Хведир пана Рио хорошо помнить?

– Кого?!

На майдане собрались хлопцы – не меньше дюжины, кто с мушкетом, кто с фузеей, а кто просто с пикой. Порох в небольшом, потемневшем от времени бочонке стоял тут же, прямо на снегу.

Ярина подошла, головой покачала:

– Эй, кто старший?

Незнакомый безусый хлопец подбежал, стукнул древком пики в снег:

– Наказной есаул Клишко Чалый, панна сотникова!

Девушка вздохнула. И с такими воевать! Есаул сиволапый...

– Кто же порох так бросает? А ну-ка быстро – порох в погреб, да запереть, да караул верный приставить! Гости где?

– Там! – Пристыженный десятник вздохнул, обернулся. – Она!

Хлопцы расступились. Ярина, все еще не веря, шагнула вперед.

Пан Рио? Да неужто?

Он?

Точно, он!

А еще точнее – они.

На пане Рио был теперь не странный плащ и не бронь, а дорогой жупан и мохнатая шапка с синим верхом. И спутник приоделся. Этого тощего фертика с надменным лицом Ярина уже встречала. У хаты Гриня Чумака. На вороном коне ускакал фертик. Как его Гринь назвал? Крамольник, кажется? Да, точно, лекарь Крамольник. Ну и имечко!

Девушке захотелось протереть глаза – или, еще лучше, перекреститься. Ну это же надо! Сами пришли!

– Добрый вам день, панове! Или на суд приехали?

На красивом неподвижном лице пана Рио не дрогнул ни один мускул. Поклон – вежливый, но не слишком низкий. Крамольник кланяться не стал, лишь подбородком дернул.

Пан Рио помедлил, затем шагнул вперед.

– Добрый день, госпожа Ирина! Надо побеседовать... поговорить... обсудить.

Невидимый толмач вновь оказался на месте. Ярина покосилась на Хведира. Бурсак понял, прокашлялся – и медленно заговорил на странном гортанном наречии.

Пан Рио вздрогнул, быстро переглянулся с Крамольником.

Ярина усмехнулась – то-то!

На этот раз толмач не понадобился. Говорили долго – и бурсак, и пан Рио явно подбирали слова. Наконец Хведир кивнул, повернулся к девушке.

– А пошли в хату, панна сотникова. И вправду есть разговор.

* * *

От угощения гости отказались. Рио просто поблагодарил, а Крамольник не утерпел – сморщил нос, отставив кубок с медом в сторону. Ярина невольно обиделась: славный ведь мед, ставленный! Хоть бы не морщился, невежа!

– Мой друг к'Рамоль – лекарь, – пан Рио впервые улыбнулся. – Он считает, что здешние напитки очень опасны для здоровья.

– И как вы это... пьете? – Крамольник вздохнул, покачал головой. – Если хотите, госпожа Ирина, я сообщу вам рецепт... состав...

Невидимый толмач трудился вовсю. Девушка ждала. Неужто о медах да о наливках речь пойдет?

– Пан Рио считает, что порох в бочонке подмочен, – вполголоса проговорил Хведир.

– Что?!

Гость кивнул – уже без улыбки.

– Я еще плохо разбираюсь в вашей... системе вооружения, госпожа Ирина, но, как я понял, порох должен быть сухим.

– Откуда знаете? О том, что подмочен?

Пан Рио переглянулся с лекарем. Тот нахмурился.

– Наша... знакомая сейчас... подружилась с господином Мацапурой. Этим утром... Господин Мацапура думал, что она еще спит, когда отдавал приказ своему слуге. Она... Наша знакомая услышала и рассказала мне...

Толмач явно сбивался – то ли устал, то ли самому пану Крамольнику нелегко давался рассказ. Ярина задумалась, пытаясь понять, о ком лекарь толкует. Уж не о чернявой ли ведьме? Так-так, теперь ясно! Как это кличут ее? Сало, кажется? Выходит, соблазнился кот Мацапура заморским салцом! Уж не с того ли Крамольник хмурится?

– И для того вы приехали, панове? Или мы сами бы порох не проверили?

Ярина понимала, что не совсем права. Кто ведает, может быть, и не проверили. А перед самым боем открыли бы – и руками развели.

Пан Рио ответил не сразу. Наконец кивнул:

– Не только поэтому, госпожа Ирина. Наш товарищ... Его зовут Хостик... Он пребывает в месте заключения... узилище... буцыгарне... Мы приехали просить госпожу Ирину проявить снисхождение... милость.

Ага! Девушка хмыкнула – вот теперь и о деле заговорили, заброды! Что товарища не бросили – добре, конечно, а вот все прочее...

– Мы понимаем, по вашим законам... обычаям... правилам... наше поведение выглядит неправильным... ошибочным. Но мы готовы объяснить... растолковать...

– Это вы пану писарю сотенному растолкуйте! – Ярина встала, кивнула на Хведира, молча слушавшего этот странный разговор. – Ваш Хвостик ему верную пометину оставил. Так что, панове, разговор наш будет долгий да серьезный. А пока тут сидите, недосуг мне. Вечером потолкуем!

– Госпожа Ирина! – Пан Крамольник вскочил, бросил быстрый взгляд на Хведира. – Я – лекарь! Я – неплохой лекарь! Я готов провести лечение... исцеление...

Девушка только рукой махнула. Тоже мне, исцелитель нашелся! Чем там у этих антиподов лечат? Не иначе, крыс освежеванных к ранам прикладывают!

Вошел Агмет, недобро покосился на гостей, заворчал. Ярина кивнула.

– Седлай! Едем!

* * *

Вернуться в Валки довелось лишь вечером, когда в маленьких окошках уже зажигались желтые огоньки. Стража оказалась на месте – при рушницах и саблях. Миско Швец расстарался – нашел в старом погребе две древние чугунные гаковницы и расставил их на околицах, чтоб вдоль улиц картечью палить. Это порадовало – но ненадолго. Больше радоваться было нечему.

В Минковке и Перепелицевке мугыри и подсоседки с подкоморниками не оплошали – тоже рогатки выставили да рушницами обзавелись. Это не удивило: села черкасские, коренные. А вот в иных местах дела шли хуже. Вернее, никак не шли. Мужики хмурились, качали головами, но зброю не брали, отговариваясь, что и неученые они, и женки против, и детишек кормить надо. В Гонтовом Яру и того хуже – мугыри во главе с выборным да с попом Гервасием хоть и вежливо, но твердо попросили «панночку сотникову» прочь убираться и к ним не приезжать боле, потому как они люди мирные и женки опять-таки сильно против.

Ярина даже не обиделась – удивилась. Или глупым мугырям охота женок да детишек врагам на позорище отдать?

Удивилась – но вскоре ей пояснили.

Шепотом, оглядываясь и прося, чтобы никому-никому...

Она приехала не первой. Еще поутру в село прискакали крепкие хлопцы на справных конях – сердюки зацного пана Мацапуры-Коложанского. Прискакали без подарков, зато с верным словом от своего пана. Обещал Мацапура-Коложанский село от всех врагов оборонить твердой рукой. И в том слово свое давал, прося же безделицу – с будущего урожая четверть, да выгон за селом, да право рыбной ловли в реке и на прудах. Велел подумать – да побыстрее. Главное же, наказывал пан Мацапура, к черкасам валковским за подмогой отнюдь не обращаться, потому как сил у них мало, а хлопоту от черкасов тех много будет.

Стало ясно – если не все, так главное. Похоже, сердюки Мацапуровы не только в Гонтовом Яру побывали. Вот хитрые мугыри и задумались. То ли вправду за зброю браться, то ли выгоном откупиться, дабы уцелеть, с печей не слезая.

Спорить Ярина не стала. Понимала – не убедит. Мугырь – он мугырь и есть: жаден, а душа заячья! Вот и обороняй таких!

Возле дома пана писаря скучал караул во главе со старым знакомцем – наказным есаулом Клишко Чалым. Теперь есаул был уже не пеший – комонный. Правда, не на боевом коне, а на пахотной кляче с овчиною вместо седла. Увидев панну сотникову, парень чуть на землю не свалился, однако же усидел, взмахнул пикой и поспешил доложиться.

Нового Ярина не узнала. Все тихо, спокойно, кашу сварили – пшеничную с салом; а пан Теодор Еноха в доме – с гостями заговорился.

Бурсак был действительно в доме, в той самой зале, где любил коротать время его батька. Правда, теперь кресло пустовало, и книга, которую читал покойный пан Лукьян, лежала нераскрытой. Хведир пристроился сбоку, на лавке, рядом с паном Рио. Меж ними лежала пузатая книжечка. Ярина присмотрелась, узнала. Ну конечно, атлас Меркаторов!

– А где пан Крамольник? – поинтересовалась девушка, с трудом снимая кожушанку. Пальцы не слушались – заледенели.

– Он... – Хведир растерянно моргнул. – У пана Хвостика он, на рану зелье кладет.

– Ясно...

Ярина присела рядом, кивнула на атлас.

– Разобрались? Так вы, пан Рио, и вправду этот... антипод?

При этом слове бурсак отчего-то смутился, Рио же улыбнулся, сверкнул крепкими зубами.

– Отчасти, госпожа Ирина! Господин Хведир почти угадал, только моя земля... страна находится несколько дальше.

– И потому вы решили к нам пожаловать? Или вам больше разбойничать негде? Там бы, у себя, детей и воровали!

– Ярина, не надо!.. – начал было Хведир, но девушка цыкнула, и бурсак покорно замолчал.

– По обычаям нашим да по Статуту Литовскому, должно вас, пан Рио, вкупе с паном Крамольником в железо ковать да на суд в Полтаву вести. А то, что издалека вы, не оправдание вовсе...

– Знаю! – Рио кивнул, улыбка исчезла. – Знаю, госпожа Ирина! Потому и приехал к вам, чтобы объясниться. Выслушаете ли?

Девушка вздохнула, устало прикрыла глаза. Поспать бы часок! Ночь не отдыхать, а после целый день с седла не слазить – легко ли?

– Хорошо, пан... антипод. Только покороче.

Пан Рио вновь кивнул, задумался.

– Постараюсь, госпожа Ирина! Мы прибыли из очень далекой земли... далекого мира. Мой отец, как и твой, был наместником... правителем. Он погиб – давно уже. Я воин, герой...

– Доблестный? – хмыкнула девушка, вспомнив пергамент. – Это кто же вас в герои про-извел?

Рио помолчал, словно слушая невидимого толмача, затем улыбнулся.

– Понял! Это слово... В нашем языке оно имеет другой смысл. Герой – это вольный человек, умеющий воевать... сражаться. Его берут на службу...

– У нас это называется «наемник» или сердюк, пан Рио, – вздохнула Ярина. – А у немцев – ландскнехт или зольдат. Значит, вы на службе?

– Да, госпожа Ирина, у нашего владыки... князя. Он дал мне Большой заказ... поручение. Я должен был попасть в ваш мир... в вашу землю и доставить ребенка. Нашему князю он очень нужен. Князь сказал, что ребенок в силу каких-то причин... обстоятельств... родился в чужом мире и ему угрожает опасность. Так и оказалось, госпожа Ирина! Его хотели убить – дитя и его брата, господина Гриня. Мы вступились... защитили. Мы не знали, что вы не хотите ему зла! Я сожалею, что Хоста по ошибке ранил господина Теодора.

Ярина задумалась. Складно изъясняет, да только все одно – непорядок. В Диком Поле они, что ли? Захотели – приехали, захотели – дите забрали!

– Ну, считайте, что объяснили, пан Рио! Пан Теодор Еноха у нас добрый – не хочет в суд на вас подавать. Если Гринь Чумак тоже жалобу не подаст, тогда и я промолчу. Да и времени нет – беда у нас. Может, слышали?

– Слыхал...

Пан Рио медленно встал, посмотрел прямо в глаза.

– Потому и приехали, госпожа! Возьмите нас на службу. Много не попросим – только бы на хлеб хватило.

Девушке показалось, что она ослышалась. Или невидимый толмач все перепутал. Этих заброд – и на службу? Очумел пан Рио, что ли?

– В силу некоторых причин... обстоятельств... правил, я не могу долго жить на одном месте без службы. А Большой заказ... сейчас я не уверен... не до конца. Уехать мы не имеем возможности, надо подождать... дожидаться. Госпожа Сале и господин Мацапура обещали нам помочь найти дорогу... путь...

Ярина невольно хмыкнула! Пан Мацапура! Тот, что подмоченный порох дарит! Ну, этот точно – поможет.

– Так шли бы служить пану Мацапуре, раз вы с ним друзья!

Рио покачал головой, заговорил, тщательно подбирая слова.

– Мы... Мы не друзья с господином Мацапурой. Он обещал нам помочь, потому что это и в его интересах. Во всяком случае, мне так кажется. Госпожа Сале осталась с ним... это ее дело. Служить господину Мацапуре я бы не хотел... не желал.

– Так, может, согласимся, Ярина? – вмешался Хведир. – Нам опытные люди нужны.

– Опытные? – Девушка дернула плечом. – А скажите, пан Рио, если вашу сотню атакует в чистом поле конница, как лучше перестроиться: в «змею», в линию или в каре?

Рио покачал головой, засмеялся.

– Вы правы, госпожа Ярина! В моей земле воюют иначе, у нас нет рушниц и гармат. Но я действительно много воевал, господин Хоста – прекрасный рубака, а к'Рамоль – отличный лекарь. Лекарь ведь вам нужен?

Девушка покосилась на Хведира, на его перевязанное плечо. Лекарь-то нужен! И на лазутчика пан Рио никак не походит. Может, и вправду?

– А если вас пан Мацапура обратно кликнет?

Пан Рио вновь задумался, по лицу промелькнула невеселая усмешка.

– Только если он поможет госпоже Сале открыть нужный нам путь... дорогу. Служить я ему не буду. Последние события... дела... очень подозрительны.

Ярина и Хведир переглянулись. Еще бы! Налет «татар», подмоченный порох, сердюки, разъезжающие по селам. За руку не схватишь – но и руку не подашь, поостережешься.

– И еще... Мне очень не нравится камень на его цепи.

– Какой камень, пан Рио? – поразился бурсак.

– Темный. Я плохо различаю цвета, но, по-моему, он красный. Мне этот камень что-то напомнил, что-то очень знакомое...

Юдка душегубец

– А здесь – усиленная стража, Григорий. Меняется каждые шесть часов. Задача – не пускать никого, кроме пана, меня и смены.

Гринь Чумак кивнул и с интересом поглядел на замок. Именно тут, в караулке у ворот, размещен сторожевой пост. Между внешними воротами, дубовыми, окованными железом, и крыльцом входа в западное крыло (единственное жилое на сегодняшний день) – пустое пространство. Ровное, гладкое. Когда-то здесь был разбит сад, но пан Станислав велел срубить деревья и даже пни выкорчевать.

– Стража стоит у ворот, но внутрь не входит. Смена – только по тайному слову. Это ясно?

– Точно так, пан надворный сотник!

Я одобрительно взглянул на парня. Молодец! В сердюкском жупане да с шаблюкой на поясе он уже никак не походил на растерянного селяка, искавшего защиту у моего господина. На шаблях, правда, чумак еще не силен, и в бой брать хлопца рано, но для сторожевой службы годится.

– Из ворот никого не выпускать, кроме пана. Если он не один, подождать, пока к вам подойдет, остальные пусть на месте остаются. И впускать так же. Понял ли?

Гринь вновь кивнул и с любопытством поглядел на замок.

– Понял, пан надворный сотник. А что это за крепость?

Я вздохнул. Ну вот, перехвалил этого гоя! Вопросы задавать начал... Впрочем, замок, заново отстроенный отцом пана Станислава на месте древних развалин, и впрямь для сельского парня мог сойти за крепость.

Если не шибко приглядываться: из башен лишь одна всерьез годится для обороны, стены вечно собирались надстроить, да все руки не доходили... укрепили кое-где и бросили.

Все равно в случае серьезной осады не удержать – людей не хватит.

Не те времена.

– Какая крепость? Нет тут никакой крепости, Григорий! Есть ворота, есть караулка – и стража. А больше ничего!

– А-а-а...

Вид у хлопца был до того растерянный, что я еле удержался от смеха. Смеяться не стоило – сам такой был. Хорошо все-таки, что мне внутрь ходу нет... хорошо.

– Нет тут никакой крепости, – повторил я. – И ты ничего не видишь, чумак! Ничего! Ни стены, ни башен угловых...

Он усмехнулся и кивнул – понял, хвала Святому, благословен Он! Понять-то понял, да знаю я этих молодых! Начнет расспрашивать кого попало, а кто попало пану Станиславу передаст.

– Ладно, Григорий! В первый и последний раз. Услышите – и тут же забудьте...

...О замке можно рассказывать долго. Он не такой и древний, построен лет эдак с полтора тому назад прежним владельцем этих мест. Кто тут правил, уже забыли, разве

что пан Станислав знает. Кто-то из Старых Панов – из тех, что в златотканых кунтушах щеголяли и бриллианты в усы влетали. Да только не помогли ни стены, ни башни. Когда гетьман Зиновий (да проклянет его Святой, благословен Он, за невинную кровь народа моего!) прислал сюда своих головорезов, замок взяли с ходу, не иначе кто-то из хлопов ворота открыл. Говорят, целую неделю замок горел – вместе со всеми, кто был в нем. Крик стоял – подойти страшно. А потом, как война кончилась, завладел этими землями бывший сотник Петро Мацапура – то ли дед пана Станислава, то ли прадед. Так всегда бывает – сгнули Старые Паньы, пришли Новые. Петро Мацапура в мертвом замке жить не стал – дом выстроил, хутор вокруг дома... Так и стояла крепость – не крепость, руины-развалины, пустые и от огня черные, пока батюшка пана Станислава не позвал каменщиков из Полтавы. Долго работали, упорно. Что смогли, сделали. Обещал, говорят, им пан Леопольд битыми талярами миски наполнить. Может, и наполнил, да только сгнули каменщики – отсюда вышли, до Полтавы не добрались. А возле восстановленных ворот стража появилась.

С тех пор и стоит.

Жить пан Леопольд в замке тоже не стал – когда не по европейским краям шастал, заезжал иногда, иной раз на минуту, иной раз на всю ночь. И пан Станислав сюда наведывается. Бывает, в замок гостей привозят – всяких. То девку селянскую, то молодицу, то младеня. Гринев братишка чудом туда не попал – как и пани Сале. Зато другим повезло – попали. Видать, хорошо им там всем живется – еще ни один обратно не попросился! А может, и попросился, да не пустил пан. Любит он гостей!..

Всего этого я рассказывать не стал – ни к чему такое простому сердюку. Только главное: замок этот пана Станислава, бывает он там, а больше и ведать ничего не надо. Придет – пропустить, выйдет – тоже пропустить. А самое важное – не болтать, не спрашивать, не намекать даже.

– Понял ли, чумак?

– Точно так!

Кажется, действительно понял. Вот и хорошо, дольше проживет хлопец!

– Славно, Григорий! Завтра в стражу пойдешь. Как служба, по сердцу?

– По сердцу, пан надворный сотник.

Прозвучало без особой радости. Я вновь поглядел на парня. Да, невесел! Словно с похорон вернулся!

– Что так, чумак? С братом негаразд какой?

Тяжелый вздох. Гринь отвел глаза, губы дернулись.

– И с братом...

Переспрашивать я не стал. Странного братца послал Святой, благословен Он, чумаку! Чуть больше недели он тут, а уже гукает – говорить пытается. И растет – за день, как за десять. Баба, что кормить приставили, через день назад попросилась. Страшно!

Да, страшно. И странно. До сих пор имени у ребятенка нет. Пан Станислав крестить предлагал, попа из Минковки кликнуть, так Гринь не захотел – рано, мол. Ничего себе рано! Если так дальше пойдет, через месяц дите на коня сядет!

Вот и пойми этих гоев!

– Пан надворный сотник! Я... Не знаю, как и сказать...

Да, с парнем неладно. Много на него свалилось, да, видать, не все еще. Недаром говорят: пришла беда, отворяй ворота.

– Вы... Вы спасли меня, пан Юдка. Меня – и братика. Я за вас всю жизнь Бога молить буду!..

Внезапно я почувствовал стыд. Вэй, не моли за меня Святого, благословен Он, хлопец! Не спас я тебя! И братика твоего не спас! Может, лучше бы вам двоим под камнями погибнуть – или с гулящим паном Рио в чужой Сосуд перелиться.

Странно, уже много лет я никого не жалел.

Разучился!

– Беда у меня, пан Юдка! Хату спалили, мамку из домовины выбросили, а теперь...

Слова давались ему с трудом, словно каждое – с гарматное ядро весом.

– Невеста у меня есть... была. Оксаной звать. Сговорились мы с ней, думал, сватов зашлю...

Так-так! Я начал понимать. Бедному жениться – ночь коротка! И то верно: какой гой девку за бесова пасынка отдаст!

Посмеяться бы – да не смешно.

– Никак замуж ее отдают? А, Гриня?!

Он кивнул, в глазах блеснули слезы.

– Отдают! За Касьяна, соседа нашего! Не любит она его, пан Юдка! Да только против отцовой воли не пойдешь, сами знаете.

Знаю ли я? Пожалуй. Матушка долго уговаривала отца бежать из Умани, пока еще можно было. Не уговорила – хоть и знала, что нас ждет. Упрям был отец мой, Иосиф бен-Шимон!

– Свадьба... Завтра играть решили. Последнее воскресенье масляной. Хотят до Великого Поста успеть.

Завтра? Выходит, сегодня шаббат! Вэй, совсем ты грешником стал, Иегуда бен-Иосиф! Сколько же мицв ты нарушил? И можно ли в шаббат посты проверять? Впрочем, в «Мишне» мудро сказано: если нельзя, но очень надо...

Да, не повезло хлопцу! Хотя, как поглядеть. Если договориться с паном Станиславом... Как раз сегодня утром велел он глупых поселян поторопить, чтоб не думали долго. Хотели с Калайденцов начать, но чем Гонтов Яр хуже? А Гриня пану Станиславу нужен, ох нужен! И как сторож при брате, и как верный пес, что любого по хозяйскому слову загрызет.

– Так-так, мой славный пан Григорий. Значит, ты ее любишь, и она не против... Осталось родителей уговорить.

Тяжелый вздох. Чумак отвернулся, рукой махнул.

– Да где тут уговорить, пан Юдка! И раньше не мог, а теперь уж...

Я оглянулся на замок. Не он ли мне мысль подсказал? Даже на стены эти серые смотреть неприятно. Пытался я веки прикрывать, гоня Тени прочь, но ничего не увидел – одна чернота.

– Уговоривать можно по-всякому. Когда словом, когда и шаблей.

Он вздрогнул, резко обернулся. Рука дернулась – словно и вправду за шаблюку схватилась.

– Или тебе, чумак, твоих соседей жалко? Славные соседи, что и говорить!

В его глазах вспыхнули волчьи огни. Вспыхнули – и погасли. Да, изменился парень!

– Нет, пан надворный сотник! Не жалко! Да только гвалт это.

– Еще какой! – усмехнулся я. – Запомнят надолго! И как вас с братом погубить хотели, и как матушку твою...

– Да...

Он помолчал, на щеках набухли желваки.

– Да! Пусть запомнят! Надолго запомнят! Когда... Когда поедем?

Ой, вэй! Не спеши, парень! Рано еще тебя в такие поездки направлять! Как и рано знать: не запомнят твои сельчане, что на свадьбу соберутся, нашу лихость. Некому будет помнить!

* * *

Горе городу кровей!

Горе!

Копыта били в промерзшую землю, и я еле сдерживался, чтобы не погнать чалого галопом. Холодный ветер в лицо, пар из конских ноздрей, турецкая сабля прижалась к бедру – ждет.

Дождется!

Скоро дождется!

Ради этих минут я живу. Ради этого я не умер тогда, на залитой дождем дороге рядом с отцом, с матерью, с братьями и сестрами. И теперь голос их крови звучит в каждом биении сердца, в каждом ударе копыт.

Это – мой час.

Мой!

«Поздно жалеть», – сказали мне Малахи, но я не жалею.

Горе городу кровей!

Горе Вавилону, убивающему мой народ!

Горе!

И пусть теперь они не ждут пощады от Иегуды бен-Иосифа, от маленького жидовского мальчика, которого не спешили прикончить, желая поиздеваться вволю.

Не спешили – и ошиблись.

Кони мчат, молчаливые хлопцы скалятся, предвкушая кровь, и веду их я, Юдка Душегубец, просивший Святого, благословен Он, о великом праве – праве Возмездия.

За мой народ, за мою семью.

За меня.

Горе городу кровей!

Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!

Я очнулся, вдохнул холодный воздух, потрепал коня по горячей холке. Спокойно, Юдка, спокойно, верный слуга доброго пана Мацапуры! Твой кровавый хлеб уже испечен. Остается лишь надломить – и вкусить до блаженной сытости.

Хлеб Стыда – то, что мы просим у Святого Его.

Но мне не стыдно.

* * *

...Мы выехали под вечер. В татарское платье переодеваться не стали – ни к чему. Прав пан Станислав, хватит прятаться! Все одно догадаются – если уже не поняли. Так даже лучше. Кто уцелеет – всем прочим расскажет, как плохо спорить с паном Мацапурой-Коложанским!

Давно, давно задумал это пан! В иных местах, где черкасы поговорчивее, все села давно записаны за такими, как пан Станислав. Только сосед нам попался больно непонятливый. Два раза пан Мацапура с сотником валковским говорил, предлагал села да поселян делить. Но вот уперся пан Логин, не захотел «вольности» рушить, словно гетьман Зиновий до сих пор в Чигирине правит. Уперся – на свою беду. Теперь он далеко, а мы здесь, и никто не остановит наших шабель!

Впрочем, села да хлопы – это забота пана Станислава. Мне нужно другое. Совсем другое!

Михал, мой десятник, предложил ехать напрямую, через Минковку и Копинцы, но я все же поостерегся. Минковка рядом с Валками, а встречаться слишком рано с панной Яриной и ее

сиволапым воинством ни к чему. И не потому, что мы их боимся. Всему свое время. Сначала алеф, затем – бейт...

Впрочем, дорог много, а хлопцы не зря что ни день учатся выезде. И кони хороши! За каждого не золотом плачено – кровью.

Не скуп мой пан!

Позади – поле, заснеженное, голое; впереди холм, а за ним уже – Гонтов Яр. Проселками ехать трудно, зато никто не заметит, не предупредит селюков.

...В первые годы, после того как спала багровая пелена с глаз, я усомнился. Те, ради которых я воззвал к Святому, благословен Он, уже мертвы, и моя сабля упиалась их грязной кровью. Не съеден ли мой хлеб, хлеб Мести? Ведь глупые посполитые в глухих селах даже не слышали об Умани и о кровавом псе Зализняке!

Да, я усомнился. Усомнился, а потом понял.

Виноваты!

Они все виноваты – сыновья, внуки и правнуки убийц. Тех, кто истреблял мой народ. А их дети? Неужто они вырастут без греха? Нет, мой путь не кончен! Всех! Всех до седьмого колена, как и велит Закон!

Тем более времени осталось мало.

Они уже встретились – Смерть, Двойник и Пленник.

Песчинки падают, и я не стану колебаться. Верно говорил Иешуа бен-Пандира: эти галилеяне не грешнее всех прочих, но и они погибнут – если не покаются. Но они не каются, значит, и мне не о чем жалеть!

– Пан сотник! Пан сотник! Куда теперь?

Ах, да! Приехали! Вот он, Гонтов Яр!

Нужную хату нашли сразу – почти в самом центре, неподалеку от церкви. Я даже не стал смотреть на рисунок, сделанный Гринем Чумаком. Вот она – обычная хата, на соломенной стрехе лежит снег, окошки заиндевели...

Хата обычная, да возле нее не по-вечернему людно. С темнотой, как водится, посполитые прячутся и двери запирают – от лихих людей да от собственных страхов. Сегодня же на улице толпа. Сани, еще одни, в густых лошадиных гривах – пестрые ленты. Двери открыты, возле них дружки...

Значит, все верно – свадьба!

– С коней!

Я оглянулся – сердюки привычно перекрывали улицу, Михал расставлял хлопцев вокруг хаты. Нападать на нас некому, но и ворон ловить нельзя. Мало ли? А вдруг мой чувствительный пан Григорий в последний миг душу решил спасти и послал гонца к панне Ярине? Ничего, пусть! Рушницы наготове, да и сабли под рукой...

– Михал! Ждать здесь, никого не подпускать!

Я поправил шапку, стряхнул снег с плеча. Все-таки на свадьбу идем!

– Первый десяток – со мной!

Те, что толпились у дверей, сразу догадались – отбежали в сторону, пытаюсь спрятаться в промозглой ночной темноте. Я усмехнулся – пусть! Кто-то должен остаться, чтобы поведать остальным...

Я обернулся, махнул рукой:

– Всех, кто выскочит, – рубить в пень! И найдите соломы...

– А девки, пан сотник? – послышался чей-то обиженный голос.

Вэй, кому что, а курци просо! Конечно, хлопцы рады развлечься, но задерживаться нельзя. Того и гляди, иные гости на свадьбу пожалуют.

– С собой захватим, – решил я. – Все одно привал делать. Михал, отберешь двух, посмазливей, для пана.

– Ну, это как водится!

Итак, сегодня в замке у моего славного пана будут новые гости. А заодно Гринь Чумак порадует. Тоже доброе дело!

Я вынул саблю и шагнул на порог. В лицо пахнуло теплом и запахом браги. На миг стало не по себе. Какими бы ни были те, что сейчас погибнут, они все-таки люди, созданыя Б-жьи! И свадьба – Б-жье дело!

Но тут вспомнилось.

Нет, не вспомнилось!

Я никогда этого не забывал!

Никогда!

...Рахиль, старшая сестра, высокая, черноглазая, первая красавица в семье. У нее тоже должна была быть свадьба – всего через неделю. И жених славный – Лев Акаем, отцов ученик. Добрый парень, он как раз из Кракова вернулся, хотел стать меламедом в нашем хедере.

Его зарубили на глазах у сестры. А ее насильовали – долго, целой толпой. Сначала она кричала, потом затихла...

Я поправил шапку и горько усмехнулся.

Горе вам, дщери Вавилонские!

* * *

Девка плясала на снегу – голая, в одном венке с яркими лентами. На шее звенело монисто с тяжелыми дукатами, босые ноги проваливались в снег.

– Давай, давай, сучонка! Пока пляшешь – жива будешь!

Хлопцы разошлись не на шутку. Кто-то свистел в такт, кто-то об заклад бился – долго ли еще пропляшет. Остальные ее подружки лежали рядом – нагие, бесстыдно раскинув ноги. Им уже не плясать.

Я отвернулся. Иногда самому становится тошно. Но делать нечего – вырастил волков. В ушах до сих пор стоял вой, отчаянный вой сгоравших заживо. И дух – знакомый дух горячей плоти.

– Жги, жги, стерва! Пан сотник, может, с собой возьмем? Крепкая, одной на всех хватит!

Я не удержался – обернулся. Девка (кажется, подруга невесты, не упомяну уже) не кричала, не выла – тоненько повизгивала. В глазах не было ничего – даже страха. Но она продолжала плясать, истово, не останавливаясь ни на миг. Да, жажда жизни сильнее всего – боли, страха, стыда. Даже сейчас, избитая, опозоренная, она все еще хочет жить...

А красивая девка!

Жалко?

Нет, не жалко. И брать с собой ее нельзя. Пану она – такая – уже не нужна, в маетке посторонним не место.

Ну что ж... Кони отдохнули, пора и домой. Но сначала...

– Михал!

Хлопец подбежал, широко ухмыляясь. В руке звенело монисто – такое же, как на девке, с тяжелыми старинными дукатами.

– Пан сотник?

– Невесту сюда! Оксану!

– Гы!

– И не «гы!» – оборвал я. – Обходиться вежливо! Понял?

Михал почесал затылок, но спорить, ясное дело, не стал.

– А вы, хлопцы, собирайтесь! И эту... Побыстрее!
Девка словно догадалась – пошатнулась, упала в снег, с трудом приподняла голову. Крик – хриплый, страшный.

– Пан сотник! А может, отпустим? Пусть бежит! Доберется – ее счастье!
Доберется! Десять верст – голой, по морозу!
– Быстрее! – повторил я и, не оглядываясь, пошел к лошадям. В уши вновь ударил крик – ударил, оборвался.

Все!
Отплясала!

У лошадей скучал постовой, не иначе, проклиная свой удел; неподалеку кулями лежали связанные гости. Эти еще попляшут в замке, жаль, мы не увидим...

– Вот она, пан сотник!

Тогда, в хате, я не успел толком рассмотреть невесту. До того ли было? Теперь... Теперь смотреть на нее не хотелось. Девка как девка, только на голове не веноч – очипок с завязанной лентой. Как раз завязывали, когда мы вошли.

– Ты Оксана? Невеста Гриня Кириченко?
Она не ответила. В глазах была пустота – такая же, как у той девки.
– Сомлела она, пан сотник!

Я пригляделся. Не сомлела – хуже. Ее вытащили из хаты прежде, чем мы взялись за сабли, но и того, что она видела, хватило.

– Да ничего, пан сотник! Чумак не в обиде будет!
Михал вновь ухмылялся. И вправду, забава – невесту из-под венца увезти! Невесту увезти, жениха под потолком на собственном кушаке подвесить...

Белые губы шевельнулись, в глазах промелькнуло что-то осмысленное, ясное.

– Ироды! Ироды...

Ее разум уходил – в темную глубину, в пропасть, откуда нет возврата. Да, не порадуетя Гринь! И она не простит. Ведь там, в хате, вся ее родня осталась!..

– Отойдите! Все! На двадцать шагов! Живо!

Хлопцы удивленно переглянулись, Михал хмыкнул. Нетерпеливо заржали кони – застоялись, пора ехать...

Я подождал, прикрыл веки.
Прочь, Тени!

Теперь перед глазами была белизна и неясный размытый силуэт с темным пятном возле сердца.

Ее душа – и ее безумие.

Страх можно прогнать, но это не страх, это хуже. Значит, обычные средства не годятся. Остается одно – Имя Тосефет, Великое Добавление. Ключья чужой души прогонят безумие, станут частью ее самой...

Да, станут. И больше не будет Оксаны, Чумаковой невесты. Будет кто-то другой... и Оксана.

Теперь – не спутать, правильно подобрать слова. Когда-то раввин Лев из Праги пошутил: наклеил бумажку с Именем на обычную глиняную кадку – и получил голема. И мой хозяин тоже пошутил – сотворил пана Пшеключицкого. До сих пор не знаю из чего – из кадки, из бревна или из свежего трупа. Удобно – за креслом стоит и золота не просит!

Пора!

Слова проступали на белизне – угловатые черные буквы. Справа налево, одна за другой. Чернота исчезала, сменяясь серостью. Словно кокон охватывал душу.

Есть!

Теперь последнее, но очень важное.

Я открыл глаза. Белизна исчезла, исчезли черные буквы. Передо мной стояла кукла – живой голем с пустыми глазами. Нижняя губа отвисла, в уголке рта скопилась слюна...

– Панночка Оксана!

В глазах что-то блеснуло. Она вспомнила свое имя.

Пока – только имя...

– Ты – Оксана, невеста Гриня Чумака. Ты его очень любишь. Скоро твоя свадьба. Поняла? Если поняла – кивни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.